

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 6/2016

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), научный руководитель
Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный
сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник
Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – член-корреспондент РАН, первый заместитель директора
Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Караваяева И.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономической теории Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ

Тихонков К.С. – доктор экономических наук, первый заместитель генерального
директора Международного института исследования риска

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН,
проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 6/2016

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713
(для индивидуальных подписчиков)

Редакционная коллегия:

Шацкая И.В., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);

Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);

Дерябина М.А., канд. экон. наук;

Лыкова Л.Н., докт. экон. наук;

Грибанова О.М.

**Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN – 2073-6487

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Головнин М.Ю.**
Состояние и перспективы развития взаимосвязей финансовых систем России и Беларуси 7
- Никитина С.А.**
Российские банки в банковской системе Беларуси 19
- Архипова В.В.**
Регулирование международного движения капитала в контексте глобальных финансовых реформ 2010-х годов 29

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

- Костиков И.В.**
Перспективы развития финансового рынка России к 2030 году: глобальный контекст. Часть 1..... 42
- Лыкова Д.Н., Букина И.С.**
Формирование бюджетно-налоговой политики России в условиях внешних шоков..... 52
- Богатова И.Э.**
Эволюция денежно-кредитной политики России на современном этапе в период глобализации 66

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Гогохия Д.Ш.**
Теория денег: от К. Менгера до Дж.М. Кейнса 76
- Смотрецкая И.И., Черных С.И.**
Контрактная парадигма. Нобелевская премия по экономике-2016 91

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Дерябина М.А.**
Сетевые формы рыночной координации как новый тип организации социально-экономических систем 97
- Симчера В.М., Нешиной А.С.**
Экономика, фундаментальная наука и статистика: взаимные вызовы 110
- Иванова Л.Н., Кузнецова Т.Е.**
Интеграционные возможности российского сельского хозяйства в контексте перехода к новой модели экономического роста 120

Курнышева И.Р., Козлова С.В., Матора Н.Г.	
Дисфункции государственного управления при использовании земельных ресурсов как конкурентного потенциала регионов России	134
Ширяева Р.И.	
Институциональные условия реализации воспроизводственных функций земельной собственности	146
Чаркина Е.С., Мирошников С.Н.	
Формы взаимодействия власти и бизнеса в Российской Федерации в современных условиях: территориальный аспект	155
Звягинцев П.С.	
Государственные программы Российской Федерации и их экономическая эффективность	171

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Оганесян Г.Р.	
Анализ взаимосвязи валютного курса с ключевыми макроэкономическими показателями в России.	184
Волынский А.И., Круглова М.С.	
Показатели воспроизводства основных фондов в национальных системах статистики КНР и СРВ.	198
Ганеев А.М.	
Анализ дисфункций системы управления здравоохранением России	209

CONTENTS

WORLD ECONOMY

- Golovnin M.Yu.**
The state and the prospects of financial systems of Russia and Belarus
interrelations development 7
- Nikitina S.A.**
Russian banks in Belarusian banking system. 19
- Arkipova V.V.**
Regulation of world capital movement in the context of global
financial reforms of 2010s 29

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

- Kostikov I.V.**
Global prospects of Russian financial market by 2030 Part 1 42
- Lykova L.N., Bukina I.S.**
The formation of Russian fiscal policy in the conditions of external
shocks 52
- Bogatova I.E.**
The evolution of Russian monetary policy at the present stage
in the period of globalization 66

THE QUESTIONS OF ECONOMIC THEORY

- Gogokhiya D.Sh.**
Theory of money: from K. Menger to J.M. Keynes 76
- Smotritskaya I.I., Chernykh S.I.**
Contract paradigm. Nobel prize in economics-2016 91

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Deryabina M.A.**
Network forms of market coordination as a new organization type
of social and economic systems 97
- Simchera V.M., Neshitoy A.S.**
Economy, fundamental science and statistics: mutual challenges 110
- Ivanova L.N., Kuznetsova T.E.**
Integration opportunities of Russian agricultural industry
in the context of transition to a new model of economic growth 120

Kurnysheva I.R., Kozlova S.V., Matora N.G.	
Dysfunctions of public administration in case of land resources use as a competitive capacity of Russia's regions.	134
Shiryaeva R.I.	
Institutional conditions of land property reproduction functions realization	146
Charkina E.S., Miroshnikov S.N.	
The forms of interaction between business and government in the Russian Federation in modern conditions	155
Zvyagintsev P.S.	
State programs of the Russian Federation and their economic efficiency	171

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTS

Oganesyan G.R.	
Analysis of the relationship between exchange rate and key macroeconomic indicators in Russia	184
Volynskiy A.I., Kruglova M.S.	
Fixed assets reproduction indicators in the national statistics systems of PRC and SRV	198
Ganeev A.M.	
An analysis of dysfunctions of the Russian control system for health care	209

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

М.Ю. ГОЛОВНИН

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
первый заместитель директора Института экономики
Российской академии наук

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФИНАНСОВЫХ СИСТЕМ РОССИИ И БЕЛАРУСИ¹

В статье на фоне формальных инициатив в области валютно-финансового взаимодействия России и Беларуси, в рамках различных интеграционных объединений на постсоветском пространстве, показаны основные направления реального взаимодействия в банковской сфере и на рынке ценных бумаг. Дочерние российские банки, прежде всего крупнейших банков с государственным участием, занимают значимые позиции в банковском секторе Беларуси. При этом опыт прохождения через ряд кризисных периодов свидетельствует о готовности материнских банков развивать дочерние структуры в Беларуси и о доверии к последним вкладчиков страны. Взаимодействие на рынке ценных бумаг отстает от взаимодействия в банковском секторе, оно представлено в основном деятельностью российских дочерних банков как эмитентов собственных облигаций и в существенно меньшей степени как организаторов выпусков ценных бумаг других эмитентов и участников торгов. Перспективы развития финансового взаимодействия связываются с усилением позиций российских банков в Беларуси после преодоления национального экономического кризиса, их более активным выходом на рынок ценных бумаг Республики и привлечением облигаций белорусских эмитентов на российский рынок.

Ключевые слова: финансовая интеграция, банковское взаимодействие, российские банки в Беларуси, Евразийский экономический союз.

JEL: F36.

Проекты валютно-финансовой интеграции с участием России и Беларуси

В период после распада СССР Беларусь была одной из постсоветских стран, которая проявляла устойчивый интерес к интеграционным проектам с участием России. Во многом подобная позиция была обу-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда «Реструктуризация денежно-кредитной системы России и Беларуси в условиях глобальной финансово-экономической нестабильности» (проект № 15-22-01010).

словлена тесной взаимосвязанностью производственных комплексов двух стран и высоким уровнем торгового взаимодействия (доля России во внешнеторговом обороте Беларуси, по данным официальной белорусской статистики, составляла 49,2% в 2015 г.²). Основными площадками для взаимодействия России и Беларуси в рассматриваемый период были Содружество Независимых Государств (СНГ), Союзное государство России и Беларуси, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз России, Беларуси, Казахстана, Единое экономическое пространство (ЕЭП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

До мирового экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. инициативы в области формальной валютно-финансовой интеграции носили ограниченный характер. Тем не менее можно выделить ряд подписанных документов: в рамках СНГ – Конвенция о координации деятельности государств – участников Содружества Независимых Государств на рынке ценных бумаг (1998 г.); в рамках ЕврАзЭС – Соглашение о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества на рынке ценных бумаг (2004 г.), Соглашение о сотрудничестве в области организации интегрированного валютного рынка (2006 г.). Межпарламентской ассамблеей (МПА) СНГ были приняты модельные законы «О рынке ценных бумаг», «О валютном регулировании и валютном контроле», «О банкротстве банков» и «О банковской тайне»; рекомендации по гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков стран Содружества; Модельные законодательные положения для государств – участников СНГ о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг. МПА ЕврАзЭС и ее предшественники³ приняли модельные законы «О единых принципах валютного регулирования и валютного контроля», «Основы банковской деятельности», Рекомендации по гармонизации законодательства государств – членов ЕврАзЭС о биржах и биржевой деятельности [1, с. 100, 194–195]. Однако принимаемые межпарламентскими ассамблеями документы носят рекомендательный характер, поэтому в лучшем случае они могут быть использованы национальными законодательными органами власти при создании законодательной базы на национальном уровне.

² www.belstat.gov.by.

³ Предшественниками Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС были Межпарламентский комитет Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации и Межпарламентский комитет Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Были сформированы площадки для взаимодействия руководителей центральных банков и органов по регулированию рынков ценных бумаг в рамках интеграционных объединений: Совет руководителей государственных органов по регулированию рынков ценных бумаг государств – участников Содружества Независимых Государств, Совет руководителей уполномоченных органов по регулированию рынков ценных бумаг при Интеграционном Комитете ЕврАзЭС, Совет руководителей центральных (национальных) банков государств – участников Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества.

Отдельно следует отметить инициативы по созданию единой валюты двух стран в рамках Союзного государства России и Беларуси. В 2000 г. было подписано Соглашение о введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра Союзного государства. Впоследствии был разработан и принят План совместных действий Правительства Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь и Правительства Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации по введению единой денежной единицы Союзного государства на период 2001–2005 гг. Однако многочисленные заседания и переговоры, проводившиеся в этот период между двумя странами, не привели к практическим результатам из-за противоречий относительно организации эмиссионного центра, а именно из-за стремления Беларуси сохранить контроль за эмиссией денег на своей территории [2].

Интеграционные инициативы, в том числе в валютно-финансовой сфере, активизировались во время глобального экономического и финансового кризиса. В ноябре 2008 г. в Кишиневе была принята Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г., в которой были выделены меры, направленные на взаимодействие стран-участниц на фондовых рынках. В рамках ЕврАзЭС в декабре 2008 г. было подписано «Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества».

Наконец, в 2009 г. был подписан пакет документов по формированию Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, а в январе 2010 г. вступил в силу единый таможенный тариф трех стран. Хотя создание таможенного союза не предполагает целей в области валютно-финансовой интеграции, оно дало старт инициативам по более глубокой интеграции трех стран.

Уже с 1 января 2012 г. были введены в действие соглашения, призванные сформировать Единое экономическое пространство трех стран. В их числе Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках Единого экономического пространства, Соглашение о согласованных принципах валютной политики, Согла-

шение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала. Одной из основных целей нового этапа развития интеграционного объединения стало достижение свободы движения капитала между странами-членами.

Переход на новую стадию интеграции был заложен с вступлением в силу с 1 января 2015 г. Договора о Евразийском экономическом союзе. В числе целей Союза (ст. 4) указывается «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза». Среди отдельных положений Договора к валютно-финансовому взаимодействию прямое отношение имеют торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций (раздел XV) и регулирование финансовых рынков (раздел XVI). В основу раздела XV заложен принцип постепенной либерализации взаимных инвестиций государств-членов (ст. 67). Целью финансовой интеграции ставится построение общего финансового рынка при проведении согласованного регулирования финансовых рынков (ст. 70 раздела XVI) [3].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время перед валютно-финансовым взаимодействием России и Беларуси ставятся далеко идущие цели, однако возникает вопрос, насколько им соответствуют реальные процессы взаимодействия финансовых систем двух стран.

Банковское взаимодействие России и Беларуси

Наиболее значимым направлением финансового взаимодействия России и Беларуси является взаимодействие в банковской сфере, основной формой которого является присутствие российских банков в банковской системе Беларуси. На 1 января 2016 г. банки, находящиеся в собственности российского капитала, контролировали 27,5% активов и 24,2% капитала банковской системы Беларуси [4]. В основном на банковском рынке Беларуси представлены дочерние организации крупнейших коммерческих банков России, находящихся в государственной собственности (БПС-Сбербанк, Банк ВТБ (Беларусь), Белгазпромбанк, отдельно следует упомянуть Белвнешэкономбанк⁴). Из крупных российских коммерческих банков, находящихся в частной собственности, в Беларуси представлен лишь Альфа-банк.

На начальном этапе переходного периода Беларусь ограничивала проникновение иностранного капитала в свою банковскую систему. Активное продвижение российских банков на рынок страны началось непосредственно перед глобальным экономическим и финансовым

⁴ Российский Внешэкономбанк не является коммерческим банком, а представляет собой банк развития.

кризисом 2007 г. [5, с. 58], когда российские ВЭБ и ВТБ приобрели дочерние структуры в Беларуси, далее оно расширилось во время кризиса: в 2009 г. Сбербанк приобрел банк «БПС-Сбербанк», а Внешэкономбанк расширил свое присутствие в капитале банка БелВЭБ.

Таким образом, дальнейшее функционирование российских банков в банковской системе и экономике Беларуси было сопряжено с ее прохождением через серию кризисов: глобального экономического и финансового кризиса (2007–2009 гг.); национального экономического кризиса 2011 г., который представлял собой кризис платежного баланса и сопровождался резким обесценением национальной валюты, и воздействием российского экономического кризиса (с 2014 г. по настоящее время).

Следует отметить, что в подобной сложной ситуации российские банки проявили заинтересованность в развитии своих белорусских дочерних организаций и оказывали им помощь. Об этом свидетельствует увеличение их уставных капиталов, особенно во время глобального экономического и финансового кризиса, когда действия белорусских властей были направлены на поддержку в первую очередь собственных государственных банков. Так, Банк ВТБ (Беларусь) существенно увеличил свой уставный капитал в 2008 г., Белвнешэкономбанк и Белгазпромбанк – в 2008 и 2009 гг., Альфа-банк (Беларусь) – в 2009 г. При этом показательно, что уже в 2011 г. ни один из банков (кроме Белвнешэкономбанка) в 2011 г. не увеличивал свой уставный капитал [5, с. 60]. Кроме того, в 2010 г. Министерство финансов Беларуси получило кредит в 6 млрд российских руб. для поддержки банковской системы страны от четырех российских банков: Сбербанка, ВЭБа, Газпромбанка и Альфа-банка (заметим, что все они имели на тот момент дочерние банки на территории Республики).

При этом во время кризиса 2011 г. поддержка материнскими российскими банками своих дочерних белорусских структур (выразившаяся в росте доли средств, привлеченных от нерезидентов в структуре пассивов белорусских банков) привела к росту их доли на банковском рынке страны. Кроме того, следует отметить, что в условиях повышения уровня рисков, в том числе у государственных банков в связи с осуществлением кредитования государственных программ, вкладчики стали перемещать средства в подконтрольные российскому капиталу банки [6, с. 43–44].

Российский кризис, начавшийся в 2014 г., нанес удар по белорусскому банковскому сектору, вызвав спад в белорусской экономике и обесценение национальной валюты, вследствие чего сократился спрос на кредиты и ухудшилось их качество [7, р. 54]. В отличие от предыдущего кризиса возможности материнских российских банков по поддержке своих дочерних банков в Беларуси оказались ограничены из-за проблем в национальной экономике и введенных в отношении мно-

гих из них экономических санкций со стороны развитых стран. Тем не менее российские банки даже несколько усилили свои позиции в банковском секторе Беларуси на фоне сокращения возможностей государственной поддержки для коммерческих банков с национальным государственным капиталом.

Взаимодействие на фондовом рынке

Фондовый рынок Беларуси существенно отстает по уровню развития от российского фондового рынка (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели развития рынков ценных бумаг России и Беларуси (в % от ВВП)

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Капитализация рынка акций</i>				
Московская биржа	38,0	38,1	34,8	20,1
БВФБ	1,8	0,6	5,1	0,8
<i>Объем торгов акциями</i>				
Московская биржа	83,47	17,16	11,96	12,97
БВФБ	0,08	0,14	0,08	0,06
<i>Объем торгов облигациями</i>				
Московская биржа	–	–	9,34	6,04
БВФБ	–	–	2,74	3,15

Источники: Бюллетень биржевой статистики. Международная ассоциация бирж стран СНГ. М.: 2011–2014 гг. <http://mab.micex.ru/papers>; данные по ВВП в долларах США взяты из World Economic Outlook Database. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx>.

Примечание: БВФБ – Белорусская валютно-фондовая биржа.

В первую очередь отставание Беларуси проявляется на рынке акций, что неудивительно в условиях выбранной в Республике модели экономического развития и преобладающей формы собственности и организации государственной собственности. Однако, как мы видим, по показателям развития рынка облигаций разрыв между двумя странами не столь значителен. Следует отметить, что Беларусь предпринимала специальные шаги по развитию рынка корпоративных облигаций: так, с 2008 г. действуют льготы по налогообложению получаемых от них доходов. Срок действия этого режима истек, но он был продлен указом Президента страны на 2016–2017 гг.⁵

⁵ <http://sputnik.by/economy/20160229/1020493630.html>.

В связи с тем, что в финансовой системе Беларуси преобладают банки, в том числе являющиеся и активными игроками на рынке ценных бумаг⁶, было бы логичным предположить наличие значимых позиций российских банков на рынке ценных бумаг Беларуси, в том числе в силу имеющегося у них значительного опыта инвестиционной банковской деятельности (по сравнению с белорусскими банками).

И, действительно, мы обнаруживаем, что банки с российским капиталом достаточно активно привлекают средства путем размещения облигаций, главным образом в иностранной валюте (долларах США и евро), что неудивительно в условиях действия санкций, однако объемы этих размещений относительно невелики (особенно с точки зрения материнских банков). Так, у БПС-Сбербанка находятся в обращении выпуски облигаций объемом 92 млн долл. США, 58 млн евро, 1 млрд российских руб., 25 млн белорусских руб., у Белгазпромбанка – 70 млн долл. США и 23 млн евро, Альфа-банка (Беларусь) – 32 млн долл. США, 10 млн евро, 350 млн российских руб., 20 млн белорусских руб., ВТБ (Беларусь) – 20 млн долл., 20 млн евро, 15 млн белорусских руб., Белвнешэкономбанка – 30 млн белорусских руб. При этом банки с российским капиталом, помимо того, что выступают организатором торгов по собственным облигациям, проводят размещение облигаций и других белорусских эмитентов, хотя и в незначительных объемах. Так, например, Белвнешэкономбанк выступил организатором по размещению облигаций Цептер банка на общую сумму 6 млн долл., 2 млн евро и 18 млн белорусских руб., Туровского молочного комбината на 5 млн долл., РедМоторс на 4 млн евро и ряда других; Альфа-банк (Беларусь) и ВТБ (Беларусь) – тех же выпусков облигаций Цептер банка; БПС-Сбербанк – Паритетбанка на сумму 5 млн долл. и ТВК на сумму 2,5 млн белорусских руб.; Белгазпромбанк – Белагро на сумму 100 млн российских руб.⁷

Отдельно следует отметить имеющийся пример достаточно масштабного привлечения средств белорусским государством на российском рынке через выпуск и размещение облигаций. В декабре 2010 г. на российском рынке были размещены белорусские государственные облигации на сумму 7 млрд российских рублей, организаторами выпуска выступили Сбербанк, Газпромбанк и Альфа-банк.

Таким образом, можно констатировать, что банки с российским капиталом достаточно активно привлекают средства на рынке долговых обязательств, но при этом их деятельность как организаторов торгов для ценных бумаг белорусских эмитентов еще весьма ограничена.

⁶ По оценкам, в 2013 г. на банки приходилось около 90% сделок с профучастниками на рынке ценных бумаг. См. [8, с. 53–54].

⁷ По данным CBonds.ru.

В качестве участников торгов на фондовом рынке Белорусской валютно-фондовой биржи (БВФБ) российские банки также не проявляют активности, соответствующей своим позициям в рамках банковской системы (см. табл. 2). При этом следует отметить, что в целом с 2013 г. позиции российских банков как участников фондового рынка Беларуси ухудшаются, лишь у Белгазпромбанка в 2015–2016 гг. они стали соответствовать его месту в банковской системе страны⁸. Тем самым можно говорить о том, что стратегия развития российских банков в Беларуси по крайней мере пока не подразумевает их активного участия на рынке ценных бумаг страны, в отличие от Украины, где в период с 2005 по 2012 гг. инвестиционные компании и инвестиционные подразделения банков из России были весьма активны в данном сегменте финансового сектора⁹.

Таблица 2

Места банков с российским капиталом среди участников торгов на фондовом рынке БВФБ (по объему торгов) и по объему активов в банковской системе Беларуси

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	9 мес. 2016 г.	По объему активов (на 01.01.2016 г.)
БПС-Сбербанк	6	8	11	17	3
БелВЭБ	12	14	–	14	4
Белгазпромбанк	16	10	7	7	6
ВТБ (Беларусь)	15	12	–	–	8
Альфа-банк (Беларусь)	13	–	17	15	9

Источник: рейтинги участников торгов Белорусской валютно-фондовой биржи. <http://www.bcse.by/ru/ratingparticipants/participants>.

Примечание: отсутствие информации означает, что банк не попал в первую двадцатку лидеров по объему торгов.

Отражением взаимодействия на рынках ценных бумаг двух стран являются взаимные потоки портфельных инвестиций. Их можно оценить благодаря наличию отдельного платежного баланса для России и Беларуси. Значительного приобретения активов в 2008–2015 гг. в рамках портфельных инвестиций белорусскими резидентами в России не наблюдалось. Более того, в 2008, 2014–2015 гг. происходил некоторый отток средств, ранее вложенных в Россию (суммарно за три года – на 34 млн долл. на чистой основе). Российские портфельные инвестиции

⁸ Здесь необходимо принимать во внимание, что в рейтинге участников торгов БВФБ учитываются такие крупные игроки, как Национальный банк Республики Беларусь, Министерство финансов, Банк развития. Но и с их учетом позиции российских банков все равно выглядят относительно слабыми.

⁹ См., например, [9].

в долговые ценные бумаги Беларуси осуществлялись в 2010–2011 гг. (на общую сумму 529 млн долл.), но уже в следующие два года из этих же инструментов были выведены средства в размере 542,3 млн долл. В 2014–2015 гг. из-за кризиса в российской экономике, как и следовало ожидать, значительного движения портфельных инвестиций между двумя странами не наблюдалось¹⁰.

Во многом отсутствие значительного интереса российских банков к белорусскому рынку ценных бумаг объясняется его пока еще относительно низким уровнем развития и высокой степенью зарегулированности. Однако следует иметь в виду, что у этого рынка сохраняется значительный потенциал роста и перспективы более раннего выхода на него дадут возможности последующего получения конкурентных преимуществ.

Перспективы финансового взаимодействия двух стран

Особенности построения финансовых систем России и Беларуси во многом определяют специфику их финансового взаимодействия на настоящем этапе: оно осуществляется главным образом в форме банковского взаимодействия, точнее говоря – присутствия дочерних организаций российских банков (прежде всего, находящихся в преобладающей собственности государства).

Участие обеих стран в Евразийском экономическом союзе задает дальнейшую повестку дня финансовой интеграции исходя из логики развития данного интеграционного объединения. Конечной целью финансовой интеграции заявлено построение общего финансового рынка. Оно потребует, с одной стороны, снятия барьеров для размещения финансовых инструментов и выхода инвесторов на различные рынки стран объединения, а с другой стороны, в силу общей нестабильности финансовых рынков требуется разработка общих принципов и направлений регулирования национальных финансовых систем. Общая логика интеграции выглядит следующим образом: сначала гармонизируются национальные законодательства и снимаются барьеры на пути взаимного участия на финансовых рынках, затем разрабатывается общая нормативная база и механизмы регулирования и, наконец, создается единый регулирующий орган [10, с. 14–15]. Однако при этом крайне важно, чтобы интегрирующиеся системы строились по схожим принципам. В этом смысле страны ЕАЭС близки друг другу тем, что во всех из них преобладает финансовая система, основанная на банках. Вместе с тем основные институциональные характеристики этих систем отлича-

¹⁰ Выводы сделаны на основе анализа статистических данных платежного баланса России и Беларуси (<http://www.nbrb.by/statistics/BalPayBelRus/>).

ются в отдельных случаях весьма значительно. Так, например, в России и Беларуси в банковских системах значительную роль играет государственный капитал, тогда как в Армении преобладает иностранный капитал, а в Казахстане – национальный капитал. В Беларуси продолжается практика директивного кредитования (хотя она постепенно сокращается). Эти институциональные характеристики также меняются со временем.

Каждая страна выстраивает свои собственные целевые ориентиры по формированию модели финансовой системы на перспективу. В настоящее время действуют программы развития национальных банковских систем и рынков ценных бумаг, которые принимались независимо и не учитывали интеграционных перспектив [11]. Тем не менее в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016-2018 годов» (документа, носящего по сути краткосрочный характер) говорится о том, что Центральный банк России (как мегарегулятор) «будет участвовать в разработке и согласовании государствами – членами ЕАЭС планов гармонизации национальных законодательств в финансовой сфере, поэтапном взаимном устранении барьеров и ограничений по доступу на рынок, предусмотренных перечнями специфических обязательств, прилагаемыми к Договору о ЕАЭС», а также участвовать в информационном обмене с регуляторами других стран ЕАЭС [12, с. 51].

Что касается непосредственно взаимодействия России и Беларуси, то, на наш взгляд, основными направлениями его развития могут стать следующие:

1. Постепенное усиление присутствия российских банков на рынке Беларуси. По мере выхода российской экономики из кризиса и снятия (или ослабления) санкций возможности для внешней экспансии российских банков усилятся.
2. Уже вышедшие на белорусский рынок российские банки могут сыграть важную роль в развитии рынка ценных бумаг страны. Однако перспективы подобного взаимодействия зависят от мер, которые будут предпринимать власти Беларуси в части развития национального фондового рынка. Наиболее перспективным сегментом здесь, на наш взгляд, являются рынки государственных и корпоративных облигаций. В более отдаленной перспективе (в зависимости от глубины кризиса этот срок может и сократиться) проведение приватизации в Беларуси может дать стимул для развития рынка акций, однако реализация этой возможности будет зависеть от метода приватизации.
3. Российские банки могут способствовать выходу ценных бумаг белорусских эмитентов на рынки стран ЕАЭС, прежде всего, на российский рынок, который является наиболее глубоким и ликвидным.

4. Наконец, перспективы согласования регулирования финансовых систем двух стран пока неопределенны в связи с различными моделями регулирования. Если в России Центральный банк выполняет функции мегарегулятора, то в Беларуси регулирующие функции разделены между Национальным банком, который отвечает за банковскую систему, и Министерством финансов, отвечающим за регулирование рынка ценных бумаг. Наиболее вероятным сценарием нам представляется выстраивание в Беларуси (и других странах ЕАЭС) модели мегарегулятора на национальном уровне. Тогда в перспективе решение вопроса о выработке согласованной модели регулирования может осуществляться проще.

Особое значение, с нашей точки зрения, имеет выстраивание механизмов совместной защиты национальных финансовых рынков стран ЕАЭС от внешних шоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Взаимодействие финансовых систем стран СНГ / Под ред. М.Ю. Головнина. С.-Пб.: Алетейя, 2010.
2. Ушкалова Д.И. Эволюция и перспективы взаимодействия России и Беларуси в валютно-финансовой сфере / Институциональные механизмы и факторы устойчивости денежно-кредитной системы: национальный и международный уровни / Под ред. В.К. Бурлачкова, М.Ю. Головнина. М.: Институт экономики РАН, 2012.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (с изменениями и дополнениями). <http://base.garant.ru/70670880>.
4. Никитина С.А. Российские банки в банковской системе Беларуси // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 6.
5. Абалкина А.А. Российские банки в Беларуси: расширение присутствия // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 9–10.
6. Обзор банковского сектора в странах ВЕ и СНГ. М.: Центр макроэкономических исследований, Сбербанк, 2012.
7. CEE Banking Sector Report. June 2016. Raiffeisen Research, 2016.
8. Раков А., Куропатенков В. Рынок корпоративных ценных бумаг и перспективы его развития в Беларуси // Банкаўскі веснік (Беларусь). 2014. № 9.
9. Головнин М.Ю. Взаимосвязь фондовых рынков России и Украины: новые тенденции // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 3.
10. Финансовая политика в рамках евразийской интеграции / Под ред. Б.В. Хулхачиева. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2015. http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_finpolit_150629_2.pdf.

11. Интервью Министра по экономике и финансовой политике ЕЭК Тимура Сулейменова журналу LS: «Пока рано говорить о создании наднационального регулятора – министр ЕЭК». <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/21-04-2015-1.aspx>. 20 апреля 2015.
12. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2016.

M.YU. GOLOVNIN

Doctor of Sciences in Economics, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mgecon@mail.ru

THE STATE AND THE PROSPECTS OF FINANCIAL SYSTEMS OF RUSSIA AND BELARUS
INTERRELATIONS DEVELOPMENT

The article shows the main trends of real interaction in the banking sector and the securities market between Russia and Belarus on the background of formal initiatives in the field of monetary and financial cooperation within the framework of various integration associations in the post-Soviet space. Russian banks, especially the largest banks with state participation, occupy important positions in the banking sector of Belarus. At the same time the experience of passing through a number of crisis periods shows the willingness of parent banks to develop the subsidiaries in Belarus and the credibility of Belarusian depositors to Russian banks. Interaction in the securities market lags behind the cooperation in the banking sector, it is represented mainly by the activity of the Russian subsidiary banks as issuers of bonds and to a much lesser extent as the organizers of securities issues and market participants. Prospects for the development of financial cooperation are linked with strengthening of positions of Russian banks in Belarus after overcoming the national economic crisis, their more active access to the securities market of the Republic of Belarus and the organization of Belarusian issues on the Russian bond market.

Keywords: *financial integration, bank interaction, Russian banks in Belarus, Eurasian Economic Union.*

JEL: F36.

С.А. НИКИТИНА

младший научный сотрудник Института экономики РАН,
аспирантка МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова

РОССИЙСКИЕ БАНКИ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ БЕЛАРУСИ¹

В статье рассматриваются направления и последние изменения в сфере банковского взаимодействия Беларуси и России. В банковской системе Беларуси традиционно главную роль играют государственные банки – трем наиболее крупным из них принадлежит 64% всех банковских активов. При этом в стране насчитывается значительное число банков с иностранным капиталом. Среди них выделяются банки с российским капиталом, которые контролируют 27,5% от общей суммы активов. Несмотря на колебания, которые происходят в основных показателях деятельности российских банков в Беларуси, в особенности во время мирового финансового кризиса 2007–2008 гг., национального белорусского кризиса 2011г., и российского кризиса, начиная с 2014 г., можно отметить устойчиво высокие позиции российского капитала в белорусской банковской системе.

Ключевые слова: денежно-кредитная система, банки, банковская система Беларуси, российские банки за рубежом.

JEL: G21, G28, F21.

Банковская система Беларуси представляет собой традиционную двухуровневую систему, во главе которой стоит Национальный банк Республики Беларусь. На второй ступени находятся банки и небанковские кредитно-финансовые организации (НКФО). Всего, согласно статистике Национального банка Беларуси, по состоянию на 14 ноября этого года на территории Беларуси действует 27 банков и НКФО. 5 банков являются государственными, среди банков с участием иностранного капитала широко представлены крупные российские банки – 5 банков (см. табл. 1). Из оставшихся банков в 8 преобладает иностранный капитал из других стран (Австрия, Швейцария, Польша, Нидерланды и другие) и 6 банков контролируются частным капиталом. Всего насчитывается три НКФО: ОАО «Небанковская кредитно-финансовая организация «Хоум Кредит», ЗАО «Небанковская кредитно-финансовая организация «ИНКАСС Эксперт» и ОАО «Небанковская кредитно-финансовая организация «ЕРИП».

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Реструктуризация денежно-кредитной системы России и Беларуси в условиях глобальной финансово-экономической нестабильности» №15-22-01010.

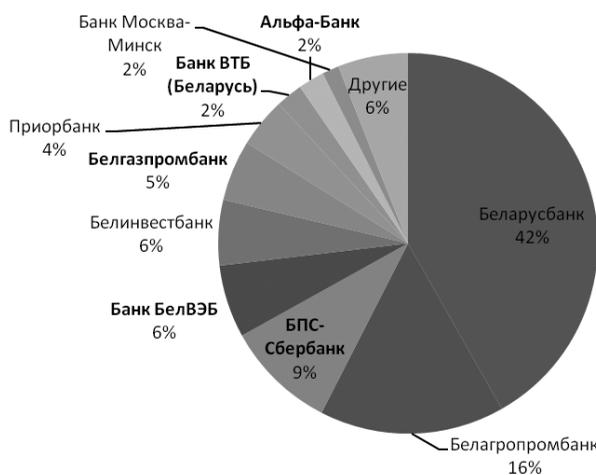
Таблица 1

**Банки с преобладающей долей российского капитала,
оперирующие на территории Республики Беларусь**

Банк	% акций за 2012 г.*	% акций за 2015 г.	Главный акционер
ОАО «БПС-Сбербанк»	93,27**	97,91***	ОАО «Сбербанк России»
Открытое акционерное общество «Белгазпромбанк» (ОАО «Белгазпромбанк»)	49,02	49,66	ОАО «Газпром»
	49,02	49,66**	ОАО «Газпромбанк»
ЗАО «Банк ВТБ (Беларусь)»	69,7	71,4	ОАО «Банк ВТБ»
	16,9	16,3***	Концерн «Белнефтехим»
ОАО «Белвнешэкономбанк» (ОАО «Банк БелВЭБ»)	97,52	97,52**	Внешэкономбанк
ЗАО «Альфа-Банк»	97,91	99,88**	«Альфа-Групп»

Источник: составлено автором по данным: * [2]; ** с сайтов банков; *** <http://www.interfax.by/article/102224>.

Одной из особенностей белорусской банковской системы является значительная роль государственных банков. Так, 79% всех банковских активов приходится на 5 крупных банков, 3 из которых являются государственными – Беларусбанк (42%), Белагропромбанк (16%) и Белинвестбанк (6%) (см. рис. 1). Государственный банк Беларусбанк является абсолютным лидером на рынке банковских услуг в Республике.

Источник: Официальный сайт Национального Банка Республики Беларусь (<http://nbrb.by/system/finpos/?bank=108&quarter=3&yr=2012>), расчеты автора.

Рис. 1. Распределение банков по величине активов по состоянию на 1.01.2016 г., %

В 2004 г. в Республике Беларусь функционировало 4 банка, контролируемых российским капиталом [1]. В настоящее время российский капитал контролирует по крайней мере 5 из 27 банков, действующих на территории Республики Беларусь (см. табл. 1). Почти все банки с российским капиталом входят в десятку крупнейших банков Беларуси. Наиболее крупным банком с российским капиталом на протяжении нескольких лет является БПС-Сбербанк, из банков с другим иностранным капиталом – Приорбанк (87,74% принадлежит австрийскому Raiffeisen Bank).

С 2012 г. общее количество банков, функционирующих на территории Республики Беларусь, сократилось с 32 до 27, но за весь период «дочки» российских банков не покидали банковский сектор и при этом увеличили или оставили неизменной долю акций головной организации в общем объеме акционерного капитала.

Представляет интерес структура собственности ЗАО «Минский транзитный банк» (ЗАО «МТБанк»), не менее 40% которого принадлежит российским гражданам².

ЗАО «АКБ «БЕЛПРОСБАНК» в марте 2013 г. сменил название на ЗАО «Альфа-Банк Финанс», а после, в июне того же года, был реорганизован и вошел в группу ЗАО «Альфа-Банк».

Интересная ситуация складывалась вокруг ОАО «Банк Москва-Минск». Сам банк действовал на территории Беларуси с 2000 г. и являлся дочерним предприятием Банка Москвы (головной банк принадлежит группе ВТБ начиная с 2011 г., когда были куплены 46,6% акций у правительства Москвы, а в мае этого года стал частью группы ВТБ). В октябре 2007 г. унитарное предприятие «Иностранный банк «Москва-Минск» был преобразован в открытое акционерное общество. Позже, в октябре 2014 г., было объявлено о продаже акций «Банка Москва-Минск». Продавцом выступили Банк Москвы и компания БМ Холдинг АГ (Швейцария), входящие в Группу ВТБ, а в роли покупателей – Национальный банк Беларуси и подконтрольный ему «Паритетбанк». К этому моменту у ВТБ уже действовал дочерний банк на территории Беларуси, и «развитие двух банков посчитали нецелесообразным» [7]. Было принято решение не объединять два банка, а выставить на продажу акции нового приобретения группы ВТБ. Сейчас 99,75% акций принадлежит Нацбанку Беларуси, а оставшиеся 0,25% – ОАО «Паритетбанк». Согласно СМИ, сумма сделки составила 55,7 млн долл. А в сентябре этого года на сайте Национального банка РБ был опу-

² Почти 99% акций банка принадлежат кипрской компании MTB INVESTMENTS HOLDINGS LIMITED. В свою очередь 65,7% холдинга владеет компания BRADERO LIMITED. Хозяевами являются С. Савицкий, И. Мальгин и О. Хусаенов (по 33,3% акций) из холдинга «Атлант М» (все они записаны гражданами РФ).

бликован меморандум о сотрудничестве с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) касательно приватизации ОАО Банк «Москва–Минск». Результатом такого взаимодействия после трехэтапного плана по предоставлению помощи и возможного участия ЕБРР в капитале Банка «Москва-Минск» должна стать приватизация «путем продажи контрольного пакета акций приемлемому стратегическому инвестору до 1 января 2020 г.» [8].

В целом нужно отметить, что российский капитал на протяжении последних шестнадцати лет играл активную роль в банковском секторе Беларуси. Это обуславливается размерами двух экономик и движением банков за своими клиентами за рубежом, а именно заинтересованностью российского капитала в Беларуси [1], [3].

По состоянию на июнь 2016 г. в Беларуси открыто 5 представительств иностранных банков. Два из них принадлежат банкам из Латвии и Германии. С 2000 г. в Беларуси находится одно из трех представительств Межгосударственного банка СНГ. Также на рынке Беларуси действуют представительства двух российских банков – ЮниКредит Банка (Российская Федерация, находится в собственности группы UniCredit) с 2007 г., и Российского Сельскохозяйственного банка с 2008 г. В 2010 г. Московский Областной Банк открывал свое представительство в Беларуси, однако после процесса санации в 2014 г. оно не значится в реестре представительств иностранных банков. В России представительство имеет только один белорусский банк – ОАО «АСБ Беларусбанк» (действует с 1997 г.). Дочерних банков с преобладающим белорусским капиталом в России не зарегистрировано.

Банки, контролируемые российским капиталом, занимают заметное место в банковской системе Республики Беларусь. На 1 октября 2012 г. на 6 российских банков приходилось 22,5% активов и 16% капитала банковской системы Беларуси [2]. По состоянию на 1 января 2016 г. на долю российских банков пришлось 27,45% активов и 24,18% капитала банковской системы Республики (см. табл. 2).

Банки с российским капиталом выступают важным источником для формирования корпоративных займов в банковской сфере Беларуси. При этом объемы капитала за период с 2012 г. по 2016 г. в среднем для российских банков выросли в 2,8 раза. Лидером роста выступил Альфа-Банк (3,12 трлн бел. рублей в 2012 г. против 13,4 трлн бел. рублей в 2016 г.). По росту активов картина скромнее: к примеру активы БПС-Сбербанка за тот же период выросли лишь на 1,56%, а ВТБ – на 7,82%.

На протяжении как минимум 4 лет банки с российским капиталом входят в десятку крупнейших банков Беларуси, а два банка – ОАО «БПС-Сбербанк» и ОАО «Банк БелВЭБ» – удерживают места 3 и 5 соответственно [2].

Таблица 2

**Активы и капитал крупнейших белорусских банков
по состоянию на 01.01.2016 г.**

	Доля в активах банковской системы, %	Доля в капитале банковской системы, %	Доля в активах банковской системы, %
1	ОАО «АСБ Беларусбанк»	41,27	44,78
2	ОАО «Белагропромбанк»	19,18	15,19
3	ОАО «БПС-Сбербанк»	7,24	10,65
4	«Приорбанк» ОАО	6,20	4,15
5	ОАО «Банк БелВЭБ»	5,93	5,65
6	ОАО «Белинвестбанк»	5,76	6,21
7	ОАО «Белгазпромбанк»	5,26	5,03
8	ЗАО Банк ВТБ (Беларусь)	2,39	2,44
9	ЗАО «Альфа-Банк»	2,10	2,25
10	ЗАО «ТК Банк»	1,53	0,65

Источник: Официальный сайт Национального Банка Республики Беларусь, расчеты автора.

С конца 2015 г. проявилась интересная тенденция, связанная с ростом заинтересованности российских вкладчиков как минимум в «дочках» российских банков. Так, соотношение вкладов резидентов и нерезидентов в белорусских банках по состоянию на 1 июля 2016 г. составило 97% и 3% соответственно. Причем, по сравнению с предыдущим кварталом объем вкладов нерезидентов вырос на 1,73%.

Доля вкладов в белорусских рублях и иностранной валюте в разбивке для резидентов и для нерезидентов одинаковы – 14,5% в национальной валюте и 85,3% в иностранной валюте [5]. Такая тенденция главным образом связана с разницей в процентных ставках (см. табл. 3 и 4). Основной интерес направлен на вклады в иностранной валюте – в долларах США или евро. Так, если сравнивать средние значения процентных ставок, то разница в рублевых (RUB) составит всего 2 процентных пункта – в белорусских банках среднее значение – 9%, для российских – 7%. Сравнивая аналогичные показатели для валютных вкладов в долларах США и евро разница уже более существенная. Средний показатель в белорусских банках – 3% по двум видам вкладов. Для российских – 1,1% для долларов и 0, 2% для евро.

Дополнительным стимулом для развития этой тенденции также можно назвать разницу в системах страхования банковских вкладов. Так, застрахованная государством сумма банковского вклада в России ограничена 1,4 млн руб. С 2008 г. в Белоруссии создано «Агентство по

Таблица 3

Процентные ставки некоторых банков в Беларуси

Банк	Вклад	Срок	%		
			долл.	евро	руб.
ОАО «БПС-Сбербанк»	«Онлайн-12»	6–12 мес.	1,9	1,9	8
ОАО «Белгазпромбанк»	«На 7 месяцев безотзывный – отличный»	7 мес.	3,8	3,8	8,5
ЗАО «Банк ВТБ (Беларусь)»	«Окно возможностей»	395 дней	3	3	10
ОАО «Банк БелВЭБ»	«Выдачны»	12 мес.	4	4	11
ЗАО «Альфа-Банк»	«Альфа-прайм»	12 мес.	3,5	2,75	9
ОАО «Банк Москва-Минск»	«Оптимальный»	12 мес.	4	4	12
Приорбанк (Райффайзен Интернешнл)	«Пять звезд»	12 мес.	1	1	5,5

Источник: составлено автором по данным сайтов указанных банков за 14.11.2016.

Примечание: При выборе из вкладов выбирался срок наиболее близкий к 1 году. При различии в процентных ставках в зависимости от суммы вклада выбирался вклад с суммой 10 тыс. долл. США или евро и 1 млн руб.

Таблица 4

Процентные ставки некоторых банков в России

Банк	Вклад	Срок	%		
			долл.	евро	руб.
Сбербанк	«Сохраняй онлайн»	6–12 мес.	0,55	0,01	6,85
Газпромбанк	«Газпромбанк-перспективный»	366 дней	1,2	0,10	7,5
ВТБ24	«Выгодный-интернет»	395 дней	0,5	0,01	7,05
Альфа-Банк	«Победа»	12 мес.	1,46	0,1	7,23
Райффайзен банк	«Тройная выгода»	366 дней	2	1	5

Источник: составлено автором по данным сайтов указанных банков за 14.11.2016.

Примечание: При выборе из вкладов выбирался срок наиболее близкий к 1 году. При различии в процентных ставках в зависимости от суммы вклада выбирался вклад с суммой 10 тыс. долл. США или евро и 1 млн руб. (RUB).

гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц», основной целью которого является обеспечение гарантированного возмещения денежных средств в белорусских рублях и иностранной валюте. На данном этапе лимита страховой суммы не существует и вкладчикам возвращается полная сумма вклада. Возмещение

происходит в размере 100% от вклада на момент отзыва лицензии и в той валюте, в которой был сделан вклад (по желанию можно получить выплату в белорусских рублях по курсу Национального банка на дату отзыва лицензии).

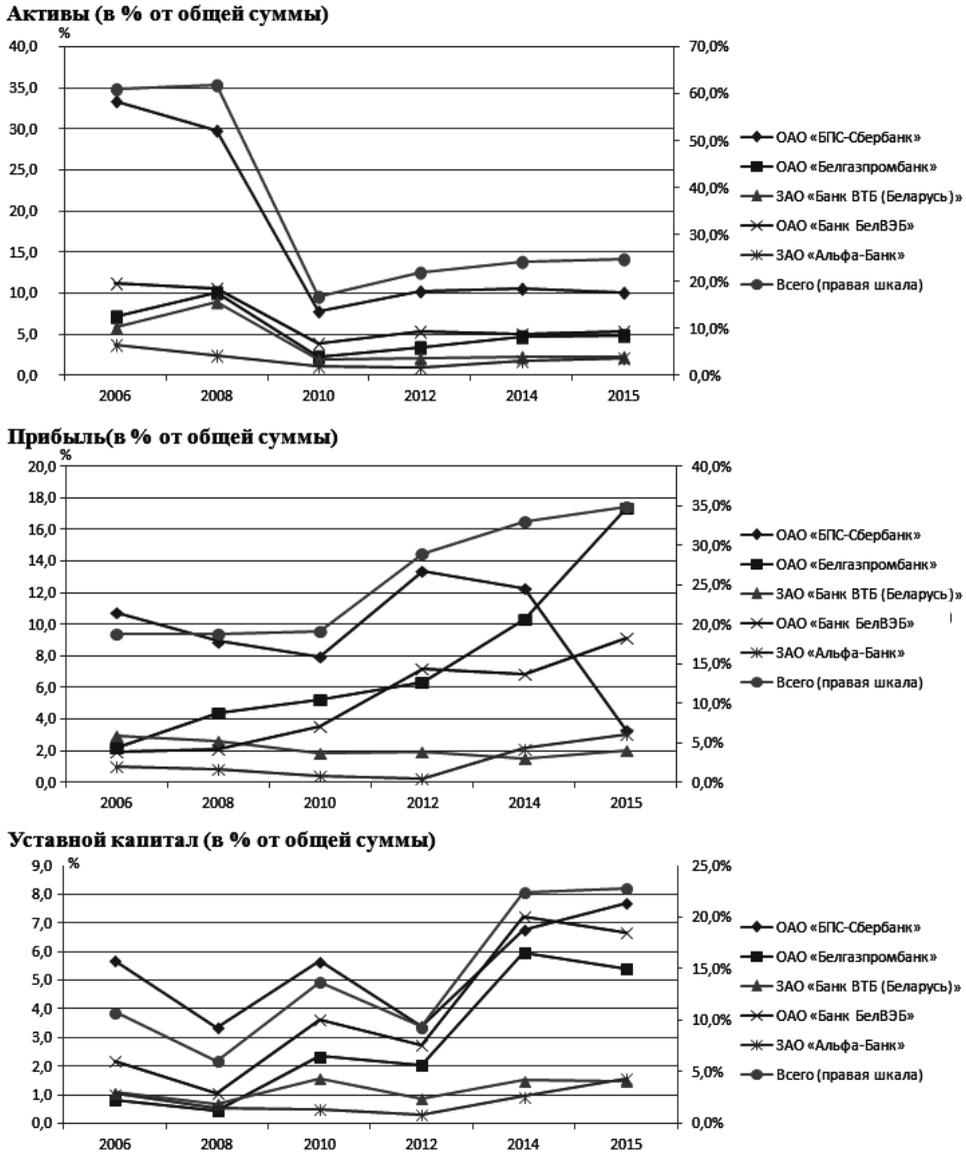
Из минусов, кроме возможных политических рисков и влияния внешних факторов на экономики двух стран как в целом, так и в отношении денежно-кредитной сферы, можно назвать проблему с размещением вкладов, требующую физического присутствия вкладчика. Частично эта проблема снимается при открытии вклада через интернет-банк или перевод средств из основного банка, при уплате процентов за перевод.

Другим минусом можно назвать введение 13%-ного подоходного налога в Беларуси начиная с апреля 2016 г. Данный налог, согласно декрету № 7 от 11 ноября 2015 г. «О привлечении денежных средств во вклады» [9], взимается с процентного дохода по вкладам, как резидентов, так и нерезидентов, сроком менее двух лет. Предполагается, что налог будет автоматически уплачиваться банками, но это не снимает налоговые обязательства для российских вкладчиков как минимум в размере 3% – «по соглашению о двойном налогообложении, ставка белорусского налога, который зачет Россия, составляет максимум 10%» [4]. При условии дальнейшей заинтересованности вкладчиков условия вкладов и процентные ставки могут выровняться.

Происходят изменения в функционировании банковского сектора Республики Беларусь. Так, Национальный банк Республики Беларусь внес изменения в требования о минимальном размере нормативного капитала. Так, с 1 июля 2016 г. данный показатель составлял 48,71 млн деноминированных белорусских рублей. С октября этого года и до конца декабря установленная минимальная сумма была повышена до 49,05 млн. Для банков установлен период для поэтапного увеличения средств в два года – 2013–2014 гг. Однако на начало 2015 г. многие банки находились в группе риска [6], а к 2016 г. пять из них были ликвидированы.

Начиная с 2000-х годов состав и структура российских банков претерпела значительные изменения, в том числе объединение, слияния и ликвидацию банков. Если рассматривать тенденции на основе финансовых показателей пяти ныне действующих российских банков, то прослеживается их рост наряду с увеличением показателей всего банковского сектора Беларуси. Если на начало 2006 г. их доля в совокупном показателе уставного капитала составляла 10,8%, то на начало 2016 г. уже достигла 22,8%. Другие показатели демонстрировали не столь явную динамику. Так, доля российских банков в общих активах банковской системы Беларуси резко сократилась с 2006 по 2010 гг. По всей видимости, это можно объяснить поддержкой белорусским

государством своих банков во время мирового финансового кризиса. Однако с 2009 по 2016 гг. этот показатель демонстрировал тенденцию к росту: с 16,8 до 24,7%. При этом доля российских банков в совокупной прибыли банковской системы Беларуси возросла с 19,1% на начало 2009 г. до 34,8% на начало 2016 г. (см. рис. 2). Как видно из рис. 2, на

Источник: расчеты автора по официальному сайту Национального Банка Республики Беларусь.

Рис. 2. Роль российских кредитных организаций в банковской системе Беларуси.

колебания доли российских банков в банковской системе Беларуси оказали влияние многочисленные кризисные явления в экономиках двух стран: мировой финансовый кризис 2007–2009 гг., национальный белорусский кризис 2011 г. и российский кризис, начавшийся в 2014 г.

Таким образом, важной составляющей банковской системы Беларуси, несмотря на внешние шоки (а иногда – благодаря им), становится активное присутствие крупных российских банков. Наряду с этим за последние два года под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, произошел переход «от количества к качеству» внутри национальных банковских систем двух стран – стремление повысить устойчивость и надежность банковского сектора в целом. Немаловажным фактором является укрепление доверия населения к банкам как финансовым организациям. Однако различные условия в банковском секторе приводят к краткосрочному перемещению вкладчиков между двумя системами, что в конечном итоге может привести в перспективе к выравниванию ставок в банковских секторах России и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкина А.А. Российские банки в Беларуси: расширение присутствия // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 09–10. С. 55–63.
2. Головнин М.Ю., Ушкалова Д.И. Валютно-финансовая интеграция России и Беларуси: формальная и неформальная составляющие // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 1.
3. Абалкина А.А. Иностраные банки в Беларуси: роль российских кредитных организаций // Банковское дело. 2012. № 8.
4. Краснова А. Под гарантии Лукашенко: как открыть валютный вклад в белорусском банке // Статья РБК от 02.03.2016. <http://money.rbc.ru/news/56d591fd9a7947ebe7d03a1f>.
5. Национальный Банк Республики Беларусь. Ежеквартальное обследование по программе «Знай своего клиента» в отношении привлечения срочных банковских вкладов (депозитов) физических лиц за II квартал 2016 г. https://www.nbrb.by/publications/КУС/куч_2016_2.pdf.
6. Банковский сектор 2015 // ЗАО «Инвестиционная компания «Юни-тер». 2015, апрель.
7. ВТБ продал банк регулятору // Ведомости от 29.10.2014. <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/10/29/vtb-prodal-bank-regulyatoru>.
8. Пресс-релиз Национального банка Республики Беларусь от 30.09.2016. <https://www.nbrb.by/Press/?nId=1298>.
9. Декрет № 7 от 11 ноября 2015 г. «О привлечении денежных средств во вклады (депозиты)». РБ. http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-7-ot-11-nojabrja-2015-g-12536/.

NIKITINA S.A.

junior researcher, Institute of Economics Russian academy of science, undergraduate student of Moscow School of economics Moscow State University
s.veta.nikitina@yandex.ru

RUSSIAN BANKS IN BELARUSIAN BANKING SYSTEM

This article examines recent trends and changes in cooperation of Belarus and the Russian banking. State-owned banks have traditionally played a major role in the banking system of Belarus – the three largest state-owned banks have 64% of all banking assets. At the same time, the country has a significant number of banks with foreign capital. Among them are banks with Russian capital, which control 27,5% of total assets. Despite the fluctuations that occur in the key indicators of Russian banks in Belarus, especially during global financial crisis of 2007–2008, The Belarusian national crisis of 2011 and the Russian crisis, started in 2014, consistently high positions of banks with the Russian capital remain in Belarusian banking system.

Keywords: *monetary system, banks, the banking system of Belarus, Russian banks abroad.*

JEL: G21, G28, F21.

В.В. АРХИПОВА
кандидат экономических наук,
младший научный сотрудник Института экономики РАН

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ РЕФОРМ 2010-х годов¹

В статье анализируются глобальные финансовые реформы, которые представляют собой взаимодополняющие формы прямого регулирования трансграничных финансовых потоков: пересмотр Кодекса ОЭСР о либерализации движения капитала, создание глобального инфраструктурного хаба и развитие «зеленых финансов». Обоснованы их преимущества для сокращения количества и глубины финансовых кризисов, снижения вероятности и последствий негативных финансовых эффектов (побочного эффекта, эффектов перетекания, «заражения», финансового «пузыря», внезапных остановок финансовых потоков) и устранения глобальных дисбалансов. Выявлены потенциальные угрозы, связанные с ростом общесистемного уровня финансового контроля и управления.

Ключевые слова: мировая финансовая система, регулирование, ОЭСР, глобальный инфраструктурный хаб, «зеленые финансы».

JEL: E44, G15.

Потребность в более эффективном регулировании трансграничных потоков капитала особенно сильно стала ощущаться после прохождения острой фазы глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Согласно обзору ОЭСР, уже в начале 2009 г. три страны Европейской экономической зоны (*European Economic Area*) вернулись к использованию традиционных мер контроля за движением капитала, которые ограничивают сделки на основе принципа резиденства. Более того, ряд государств, в том числе и некоторые страны ОЭСР, стали применять новые формы валютной защиты, распространяемые на банковские операции с нерезидентами [1, с. 9–10]. Однако в период кризисов подобные защитные механизмы расцениваются как оправданная мера и нормальная реакция государства на финансовый стресс. При этом особую опасность представляет так называемый *коллективный* протекционизм, повышающий риски нарушения работы глобальных финан-

¹ Статья подготовлена в рамках Гранта РГНФ-БРФФИ № 15-22-01010.

совых рынков и мировой финансовой системы (МФС) в целом. Таким образом, «Большой двадцаткой» был инициирован поиск инструментов, которые помогли бы решить внутренние проблемы МФС и постепенно вывести ее на траекторию устойчивого посткризисного роста и локализации финансовых стрессов без возникновения коллективного протекционизма. Подобным комплексным инструментом могло бы стать многоуровневое (национальное, региональное и глобальное) финансовое регулирование.

Тематика регулирования международного движения капитала в том или ином виде проявлялась на всем протяжении глобальных финансовых реформ «Большой двадцатки» в период с 2008 г. по настоящее время. Примерно до 2014 г. она носила скорее косвенный характер, отражаясь в разработке и принятии банковских стандартов «Базель-3», определении круга системно значимых финансовых посредников и требований к ним, борьбы с глобальным «теневым» финансовым сектором и т.п. С 2014 г. эта тематика приобретает особую актуальность и начинает выражаться в форме прямого вмешательства в процессы функционирования МФС. Почему так происходит? Прежде всего преодоление острой фазы глобального финансово-экономического кризиса не привнесло в МФС ни стабилизации, ни эволюционного прорыва. Глобальные финансовые рынки продолжает «лихорадить», в 2010–2012 гг. в еврозоне вновь возникли кризисные явления, новые «волны» финансового стресса прокатились в МФС в 2013–2014 гг. после отмены в США «политики количественного смягчения». Кроме того, базовые проблемы современной мировой финансовой системы также сохраняют свою актуальность, среди которых можно выделить следующие:

- 1) продолжающееся длительное нарастание уровня кризисности в МФС. К примеру, за период 1970–2011 гг. исследователями было обнаружено около 430 эпизодов различных кризисов, в числе которых 34%–банковских, 51%–валютных и 15%–долговых. Более того, из общего количества кризисов выделяются 76 случаев одновременного протекания различных их типов (68 парных и 8 тройных совпадений) [8, p. 11–13];
- 2) развитие негативных финансовых эффектов, таких как эффекты перелива, перетекания и побочные эффекты (это разновидности *spillover effects*), эффекты «заражения» (*contagion effects*), финансовые «пузыри» (*financial bubbles*) и внезапные остановки потоков капитала (*sudden stops*²). Они связаны в основном с движением высокорисковых краткосрочных финансовых ресурсов и обычно

² Более подробный анализ и определение негативных эффектов см. в [7, с. 74–84].

предваряют и становятся причинами вышеперечисленных типов финансовых кризисов;

3) наличие глобальных дисбалансов, имеющих множество разновидностей³:

- общеэкономического, связанного с доминированием в глобальной экономике финансового сектора над производственно-торговым;
- валютного, основанного на привилегированном положении доллара США в обслуживании глобальных экономических процессов и актуальности проблемы долларизации для ряда государств;
- торгового, выраженного в форме коллективных дефицитов и профицитов сальдо счета текущих операций по странам;
- накопительного, искусственно созданного рядом государств посредством «блокирования» финансовых ресурсов в виде крупных валютных резервов;
- агентского, связанного с доминированием в МФС крупных банковских и небанковских игроков из развитых стран;
- географического, отражающего доминирование развитых стран на глобальных финансовых рынках;
- внутрисистемного «раздвоения», выраженного в наличии масштабного глобального сектора «теневых» финансов.

Обратимся к определению понятия «регулирование» применительно к современной мировой финансовой системе и выделим основные инициативы 2014–2016 гг. по ее реформированию, реализуемые на практике или подготавливаемые к проведению.

Классически термин «регулирование» объединяет в себе три важных и не взаимоисключающих (а зачастую дополняющих друг друга) процесса, что в полной мере сохраняется для трансформационных изменений в МФС. К ним относится, во-первых, регулирование как придание или сообщение развитию мировой финансовой системы строго определенного вектора в соответствии с целями и задачами глобальных реформ «Большой двадцатки». Ведущим направлением в этой области, связанным с обеспечением многоуровневого контроля и правового обеспечения трансграничной циркуляции финансовых потоков, является запущенная перед китайским саммитом G-20 в 2016 г. инициатива в части пересмотра Кодекса ОЭСР о либерализации движения капитала (*OECD Code of liberalization of capital movements*) [1]. Данный процесс направлен главным образом на решение таких проблем МФС, как возникновение и прогрессирование негативных финансовых эффектов.

Согласно трактовке ОЭСР, Кодекс о либерализации движения капитала (далее Кодекс ОЭСР) представляет собой на сегодняшний

³ Другие примеры классификации глобальных дисбалансов см. в [9, с. 9–14], [10, р. 3–12].

день уникальное многостороннее соглашение, связывающее взаимными коллективными обязательствами на принципах недискриминации и равноправия свыше 30 стран-участниц и способствующее повышению открытости, прозрачности и международному сотрудничеству в области трансграничного движения капитала [1, с. 3, 9].

Начиная с момента своего возникновения в 1961 г., Кодекс ОЭСР стал одной из важных основ для создания фундамента системы финансового регулирования и управления международными финансовыми потоками и фактически развивался параллельно с МФС, что сделало его динамичным инструментом макроэкономической политики и международного права. Период пересмотров и изменений Кодекса ОЭСР, на наш взгляд, можно условно разделить на 3 крупных этапа. Первый ограничивается 1960–2010 гг. и отличается преимущественно расширением охвата различных видов инвестиционных потоков в рамках соглашения и, соответственно, качественным углублением обязательств стран-участниц ОЭСР. Второй относится к 2011–2015 гг. и характеризуется важными количественными изменениями: в 2011 г. соглашение стало открыто для вступления государств, не являющихся членами ОЭСР, а в 2012 г. этим странам были предоставлены полные права и обязанности в отношении управления Кодексом ОЭСР. Третий этап начат в 2016 г. и вызван дальнейшим развитием глобальных финансовых реформ. Ключевыми направлениями нового пересмотра анализируемого соглашения, по рекомендациям ОЭСР, должны стать следующие [1, с. 3–4, 6]:

- расширение круга инструментов Кодекса, которое связано с уточнением режима мер, эквивалентных ограничениям (*measures equivalent to restrictions*), и с обзором правил работы с финансовыми инновациями;
- включение норм и механизмов, внедренных в практику посредством глобальных реформ. Прежде всего сюда относится согласование содержания Кодекса с макропруденциальными целями, включая принятие валютных мер по управлению потоками капитала (*currency-based capital flow management*) и ряда правил «Базель-3» в отношении стандартов ликвидности;
- изменение списка операций, выступающих объектами введения новых ограничений и отступлений от имеющихся правил (*derogations*), практики применения изъятий и оговорок (*reservations*);
- совершенствование практики финансового регулирования и принятия управленческих решений.

Однако каким образом в одном документе увязываются, на первый взгляд, противоречивые цели развития и углубления финансовой либерализации, т.е. идеи свободы, с задачами регулирования, восходящими к тематике ограничения свободы действий? На самом деле

данное противоречие снимается, как только мы обращаемся к нижеперечисленным качественным подвидам надзора и управления, который предполагается усовершенствовать и реализовать в отношении МФС:

Регулирование международного движения капитала как созидательный процесс, создающий новый качественный положительный эффект. Например, Кодекс ОЭСР предоставляет возможность для управляемости и постепенности финансовой либерализации с периодическим определением ее «разумного критического порога». Так, Франция и Норвегия некоторое время использовали это право, сдерживая кредитование нерезидентов в местной валюте из опасения всплеска валютных спекуляций, однако показатели уровня и глубины финансовой открытости анализируемых европейских стран на сегодняшний день оцениваются как высокие [1, с. 8–9].

Регулирование трансграничных финансовых потоков, как ограничительный процесс, предполагается выстраивать в виде исключительно защитных мер (или их комбинации) при жестком соблюдении всех поставленных соглашением условий. К примеру, новое/повторное введение допустимых Кодексом ограничений на движение капитала может иметь место только: а) для безальтернативных кризисных ситуаций и со сроком действия до тех пор, пока альтернативные меры окажутся эффективными для дальнейшего устранения финансовых проблем; б) при высоком уровне прозрачности и подотчетности; в) при отсутствии дискриминационного характера, побочного эффекта для стран-партнеров и бизнеса, существенных искажений инвестиционного климата для операций с ПИИ и коммерческими кредитами, нарушений норм международного права и других принятых государством соглашений [1, с. 12–13].

Таким образом, инициирование пересмотра Кодекса ОЭСР в рамках глобальных финансовых реформ проведено в целях создания *многостороннего режима регулирования* трансграничных финансовых потоков, предполагающего как наблюдение (мониторинг), так и управление (непосредственное вмешательство и руководство) в МФС; *недопущения одновременного коллективного финансового протекционизма*; приоритета проведения «умной» (последовательной) *финансовой либерализации*.

Во-вторых, регулирование ассоциируется с приведением механизмов и компонентов национальной, региональной (в случае высокого уровня интеграции) и мировой финансовых систем в преференциальное для реформатора состояние, которое обеспечивает их нормальную работу и взаимодействие в глобальной экономике. Для достижения подобного результата в ноябре 2014 г. (австралийский саммит) «Большой двадцаткой» была согласована и принята к реализации инициатива по созданию глобального инфраструктурного хаба (*global infrastructure hub*) [2]. В настоящее время хаб функционирует, в соответ-

ствии с австралийским законодательством, как «независимая некоммерческая компания», которая финансируется Австралией, Китаем, Мексикой, Новой Зеландией, Кореей, Саудовской Аравией, Сингапуром и Великобританией. Основная операционная цель глобального инфраструктурного хаба (ГИХ) состоит в том, чтобы привлечь инвестиционные потоки в инфраструктурный сектор глобальной экономики (в частности, в развитие транспортных, коммуникационных, энергетических сетей)⁴.

Среди задач работы хаба необходимо особо выделить следующие [2, с. 3–20]:

1. Поиск лучшего опыта (*best practice*) в использовании различных механизмов государственной поддержки, распределения рисков и прибыли, рефинансирования, секьюритизации, трансграничного финансирования и международного сотрудничества в целом.

2. Всесторонняя оценка «рамки возможностей» (*capability framework*), т.е. инвестиционной готовности и практики реализации разноуровневых инфраструктурных планов.

3. Выявление базовых принципов успешного финансирования инфраструктурных проектов при наличии региональных различий на практике.

4. Создание на основе накопленной информации объективной и открытой платформы – всеобъемлющей, сводной, структурированной базы данных (решение проблемы информационной недостаточности в сфере инфраструктурных инвестиций и проектов).

5. Моделирование процессов эффективного поиска преференциальных для инвесторов инфраструктурных проектов и полного бизнес-цикла (включая предварительную подготовку к реализации технического плана, закупку, ведение документации и т.п.).

6. Поддержка инноваций, государственных инициатив, государственного и частного партнерства.

7. Сотрудничество с «Большой двадцаткой», многосторонними инвестиционными банками развития, ОЭСР (в том числе через создание совместного форума), Всемирным экономическим форумом и т.д.; развитие сети обмена знаниями и экспертными мнениями.

8. В долгосрочные задачи включается совершенствование социальной инфраструктуры.

9. Мандат хаба исключает консультирование (*advising on*) и финансирование конкретных проектов.

Таким образом, глобальный инфраструктурный хаб призван решать проблемы МФС, связанные и с негативными финансовыми эффектами и с глобальными дисбалансами (в особенности с секто-

⁴ См.: <http://globalinfrastructurehub.org/about>.

ральными). Практика введения в современную МФС регулирующего начала посредством глобального хаба носит, по нашему мнению, созидательный характер, предоставляя субъектам хозяйственной деятельности удобство и право свободы выбора инвестиционных вложений в сфере инфраструктуры.

Наконец, регулирование МФС рассматривается в качестве организации и укрепления прямых связей и взаимодействия между производственно-торговым и финансовым секторами глобальной экономики, например, посредством развития «зеленых финансов» (*green finance*), мобилизации финансовых ресурсов и их целевого направления на «озеленение» МФС и построение глобальной «зеленой экономики» [3, с. 8–9]. Эта мера фактически направлена на сокращение и нивелирование ряда глобальных финансовых дисбалансов посредством решения экологических проблем.

В связи с глобальными «зелеными» инициативами в практику были введены следующие новые финансовые термины и определения⁵:

- частные и государственные, трансграничные и национальные «зеленые инвестиции» (*green investment*) – это одновременно общие вложения и затраты на переход к «зеленой экономике» (включая подготовительные и капитальные издержки)⁶. Осуществляются, например, в области торговли экологическими товарами и услугами, профилактики, минимизации и компенсации ущерба окружающей среде;
- «зеленые финансы» (*green finance*) включают в себя «зеленые инвестиции» и операционные издержки, выходящие за рамки обычных (*business-as-usual*) расходов и входящие в программы государственной политики;
- «зеленые финансы южного ветра» (*south-originating green finance*) – это вид «зеленых финансов», объединяющий страны, не входящие в ОЭСР;
- «климатические финансы» (*climate finance*) – вид «зеленых финансов», отдельно контролируемых Конвенцией ООН об изменении климата;

⁵ В данном случае приведены определения, которые, с точки зрения автора, являются наиболее полными. См.: Zadek S., Chenghui Z. Greening China's Financial System: An Initial Exploration. International Institute for Sustainable Development and the Development Research Center of the State Council. January 2014. P. 9; Lindenberg N. Definition of Green Finance. German Development Institute, DIE. April 2014. P. 2–3.

⁶ Приведено общее определение инвестиций, выступающих и как вложения, и как затраты на приобретение активов и материально-производственной базы, в данном случае – для функционирования «зеленой экономики». См.: Ситолс О.В. Новый англо-русский справочник. Экономика. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 323.

- инструменты (например, «зеленые облигации» и структурированные «зеленые фонды») и институты «зеленой» финансовой системы (такие как *Green Climate Fund*).

«Озеленение» современной МФС, на наш взгляд, осуществляется посредством создания нового системного компонента – наряду с глобальными финансовыми рынками банковских услуг, валюты, ценных бумаг и финансовых инноваций образовывается глобальный рынок «зеленых» финансовых инструментов. По оценкам биржевых аналитиков, сегмент «зеленых облигаций» нового рынка является одним из самых динамичных (наряду с финансовыми деривативами) в составе МФС: за 2012–2015 гг. глобальный выпуск этих бумаг вырос в 40 раз и составил в 2015 г. 42,2 млрд долл. США, что равняется примерно 1,1% от годового выпуска облигационного сегмента глобального фондового рынка (см. рис.). В 2016 г. на Лондонскую фондовую биржу вышли 9 видов-новинок «зеленых облигаций», сумевших привлечь около 2,5 млрд долл. США⁷.

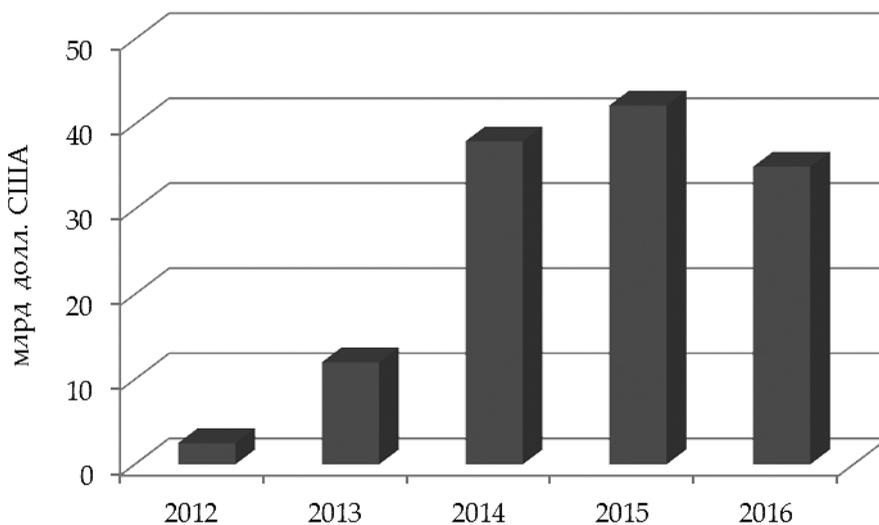

Рис. Глобальный выпуск «зеленых облигаций».

Источник: [4].

Процесс глобального регулирования через развитие сферы «зеленых финансов», по нашему мнению, носит преимущественно созидательный характер. За 2004 – начало 2013 гг. совокупный объем «зеленых финансов южного ветра» в развитие возобновляемых источников энергии увеличился с 5 до 73 млрд долл. США и в 2010-е годы составил

⁷ Источники данных: Green Bonds: Factsheet. London Stock Exchange Group. 07 July. 2016. P. 1; <http://ru.cbonds.info/news/item/754195/>.

примерно 48,8% глобальных «зеленых инвестиций» данного направления. В разбивке по странам с самыми крупными накопленными инвестициями здесь выделяются Китай (в 2012 г. обогнал США по данному показателю), Бразилия, Индия, Таиланд, ЮАР и Аргентина. В 2010-х годах Китай начал активную реализацию задачи «озеленения» своей внутренней финансовой системы и экономики и сумел «заразить» этой идеей весь мир, что отразилось и на повестке саммита «Большой двадцатки» под председательством этой страны в 2016 г. Подчеркнем, что Китай активно развивает такой финансовый инструмент, как «зеленый кредит». К примеру, *China Development Bank* является одним из крупнейших в мире кредиторов «зеленых проектов» [5, с. 10–11, 13].

Следует особо отметить, что фактически в задачи глобального инфраструктурного хаба и «зеленых финансов» входит отвлечение институциональных инвесторов (например, пенсионных и инвестиционных фондов, страховых компаний) от спекулятивной деятельности на глобальных финансовых рынках на получение стабильных доходов в средне- и долгосрочной перспективе. По экспертным оценкам, эти небанковские финансовые посредники по странам ОЭСР в начале 2010-х годов концентрировали на себе активов около 75 трлн долл. США (из них более 40% приходится на институты, базирующиеся в США) [6, с. 15].

В совокупности все перечисленные формы и составляющие единого процесса регулирования международного движения капитала в контексте глобальных реформ, представляющего собой многоуровневый (преимущественно надгосударственный и государственный) контроль и управление трансграничной циркуляцией финансовых потоков, призваны сдерживать нарастание и в дальнейшем снизить уровень общесистемной кризисности путем устранения ключевых угроз финансовой глобализации.

Однако, рассуждая о преимуществах глобальных реформ, направленных на регулирование международного движения капитала, следует помнить как о фактических, так и о потенциальных угрозах, которые могут возникнуть в ходе реализации анализируемых инициатив и/или выступить в качестве их последствий. В результате анализа нам удалось выявить следующие группы реальных и вероятных угроз:

- возникновение проблемы неумеренности финансового регулирования системными процессами вследствие отсутствия четко определенного уровня эффективного вмешательства глобального реформатора в работу МФС;
- географический охват рассматриваемых реформ сравнительно невелик (всего, при исключении двойного счета, выявляется около 43 активно участвующих стран, см. таблицу). Так, по состоянию на начало 2016 г. Кодекс ОЭСР объединяет 34 страны – участницы ОЭСР, из которых 12 государств – члены «Большой двадцатки»,

причем Китай и Индия не приняли этот документ [1, с. 6]. За время существования глобального инфраструктурного хаба в его функционировании активное участие принимают 13 стран: 7 развитых (Австралия, Германия, Великобритания, Новая Зеландия, Сингапур, Корея, Япония) и 6 государств с развивающимися рынками (Аргентина, Индонезия, Китай, Турция, Мексика, Саудовская Аравия)⁸. «Зеленые финансы» на сегодняшнее время весьма динамично распространяются как в развитых, так и в развивающихся государствах (кстати, ряд стран БРИКС является активными участниками данной инициативы), но охват стран существенно не расширяет границ анализируемых реформ (см. табл.). При этом на другой стороне «весов» против 43 указанных стран-участников оказываются около 150 государств мира, которые в разной степени испытали на себе прямое действие и побочные эффекты глобального финансово-экономического кризиса с острой фазой в 2008–2009 гг., т.е. кризисный охват превысил реформаторский более чем в 3 раза.

- реформаторский охват различных групп институциональных инвесторов (небанковских финансовых посредников) также сравнительно невелик и пока еще достаточно выборочен и фрагментарен. Например, на долю США и европейских стран приходится примерно 92% глобальных активов хедж-фондов и взаимных фондов (причем из них Штаты контролируют порядка 65% указанных активов)⁹. При этом на сегодняшний момент времени США не представлены в числе активных участников ГИХ, а европейские государства входят в круг заинтересованных лиц в сравнительно небольшом составе. Таким образом, создаются сразу две угрозы. Первая: реформы по регулированию трансграничных финансовых потоков встречают активное уклонение/сопротивление со стороны незаинтересованных в них групп субъектов финансово-экономической деятельности, старающихся уйти в «тень» и сделать свою работу как можно менее прозрачной¹⁰. Вторая: страны либо сознательно ограничивают свое участие, либо имеют неравный доступ к использованию и/

⁸ См.: Global Infrastructure Hub Business Plan 2015-16. Global Infrastructure Hub. P. 6–7; <http://globalinfrastructurehub.org/about/>. Классификация стран по методологии МВФ, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/weoselco.aspx?g=110&sg=Al+countries+%2f+Advanced+economies>.

⁹ Источники данных: World Development Indicators. World Bank. См.: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>; Hedge Funds. Financial Market Series. The CityUK partnership prosperity. May 2013.

¹⁰ Например, по состоянию на 4-й квартал 2015 г. совокупный размер активов «теневого банкинга» по странам ЕС составляет 37 трлн евро, или 36% общих финансовых активов. Более того, с конца 2012 г. эксперты фиксируют рост этих показателей. См.: EU Shad-

Таблица

Страны – основные участницы глобальных реформ 2010-х годов в сфере регулирования международного движения капитала

	Кодекс ОЭСР (34)	Глобальный инфраструк- турный хаб (13)	«Зеленые финансы»
Только ОЭСР (6, без учета повторений)	Норвегия Исландия Швейцария Чили Израиль Новая Зеландия	Новая Зеландия	ОЭСР и «Большая двадцатка» (всего 34), из них преимуще- ственно: Мексика США Турция Франция
ОЭСР и «Большая двадцатка»	Австралия Великобритания Германия Италия Канада Мексика США Турция Франция Корея Япония Другие страны ЕС (по ОЭСР: Австрия, Бельгия, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Греция, Венгрия, Ирландия, Польша, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Словакия, Словения, Испания, Швеция)	Австралия Великобритания Германия Мексика Турция Корея Япония	
Только «Большая двадцатка» (7, без учета повторений)		Китай Саудовская Аравия Аргентина Индонезия	Китай Аргентина Индонезия Бразилия Индия ЮАР
Другие (2, без учета повторений)		Сингапур	Сингапур Таиланд

или получению выгод от данных реформаторских инициатив, в том числе вследствие разного уровня развития национальных экономик и финансовых систем.

Несмотря на отмеченные выше уже возникшие и вероятные угрозы, глобальные инициативы в области регулирования международного движения капитала являются уникальным институциональным экспериментом, обладающим высоким потенциалом для решения основных проблем современной МФС. На наш взгляд, на начальном этапе своей реализации допустимо, чтобы эти реформы имели сравнительно узкий географический охват, поскольку в дальнейшем локальный трансформационный успех способен привлечь большее количество участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. The OECD Code of Liberalization of Capital Movements: Recent Developments. OECD Report to the G20. April 2016.
2. Global Infrastructure Hub Business Plan 2015–16. Global Infrastructure Hub.
3. Theme and Key Agenda Items of the G20 Summit in 2016. G20 SUMMIT 2016, CHINA. – 17 p.
4. Green Bonds: Factsheet. London Stock Exchange Group. 07 July. 2016.
5. Zadek S., Chenghui Z. Greening China's Financial System: An Initial Exploration. International Institute for Sustainable Development and the Development Research Center of the State Council. January 2014.
6. The Role of Banks, Equity Markets and Institutional Investors in Long-Term Financing for Growth and Development. Report for G20 Leaders. OECD. February 2013.
7. Архипова В.В. Глобальный финансовый «пузырь» как феномен эпохи финансовой глобализации // Инновации и инвестиции. 2014. № 5.
8. Laeven L., Valencia F. Systemic Banking Crises Database: An Update // International Monetary Fund. June 2012. WP/12/163.
9. Lim M. Old Wine in a New Bottle: Subprime Mortgage Crisis – Causes and Consequences // The Levy Economics Institute of Bard College. 2008. April. № 532.
10. Blanchard O., Milesi-Ferretti G.M. Global Imbalances: in Midstream? // IMF. December 22. 2009. Staff Position Note SPN/09/29.

ow Banking Monitor. European System of Financial Supervision. European Systemic Risk Board. July 2016. No 1. P. 3.

V. ARKHIPOVA

PhD in economics, junior research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Q123zv@yandex.ru

REGULATION OF WORLD CAPITAL MOVEMENT IN THE CONTEXT OF GLOBAL FINANCIAL REFORMS 2010S

The article places emphasis on global financial reforms of such nature that correspond to direct regulation of cross-border financial flows, i.e. recent review of the OECD Code of liberalization of capital movements, creating of global infrastructure hub and developing of «green finance». Author shows evidence for effective and efficient dealing with reasons and consequences of financial crises, negative financial effects (such as spillover effects, contagion effect, financial “bubbles” and sudden stops) and global imbalances by means of financial regulation. Besides, it is estimated, that raising of the level of global financial control and governance can become the potential threat for normal work of world financial system.

Keywords: *world financial system, regulation, OECD, global infrastructure hub, «green finance».*

JEL: E44, G15.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.В. КОСТИКОВ

доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором
международных финансовых исследований Центра исследований
международной макроэкономики
Института экономики Российской академии наук

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ К 2030 ГОДУ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ Часть 1

Анализ перспектив развития финансового рынка России должен базироваться на долгосрочных прогнозах развития мирового финансового сектора, и финансового рынка в частности, и осуществляться с учетом уже наметившихся трендов на всех уровнях – от национальных финансовых рынков вплоть до глобального. Преобладающий в настоящее время технический анализ не в состоянии учесть такие явления, как технологическая перестройка мира финансов, перегруппировка участников глобального финансового рынка, существенный – количественный и качественный – рост национальных финансовых рынков развивающихся стран.

Ключевые слова: *долгосрочный прогноз, макроэкономический анализ, российский финансовый рынок, национальные финансовые рынки, изменения на глобальном финансовом рынке, технологические изменения в мире финансов.*

JEL: A10, E4, F3, G1, P20.

Прогнозы развития финансового сектора и финансового рынка России не выходят за рамки анализа отдельных секторов финансового рынка и кредитных отношений. Однако при всем осознании необходимости (в первую очередь прикладной) инструментального подхода, за скобками остаются среднесрочная и долгосрочная перспективы. Но среднесрочное прогнозирование, не говоря о долгосрочном, базируется не на результатах технического анализа инструментов и секторов финансового сектора, а на изучении макропроцессов (вплоть до глобального уровня). Важно принять во внимание, что сегодня в мировых финансах происходит технологическая революция. Идет не только

техническое и технологическое перевооружение, но и, что важнее, глобальная организационная перестройка и перераспределение отдельных групп финансового рынка и групп стран. Вот это явление, которое и определит облик финансового мира ближайшего будущего, пока не нашло место в прогнозах развития российского финансового сектора.

Особенности развития глобального финансового рынка за последние 25 лет заключались в том, что рынки развивающихся стран существенно отставали в своем развитии по сравнению с ростом их веса в мировой экономике. Глобальное производство группы этих стран достигло показателя 51%, в то же время их доля в глобальной рыночной капитализации составляет только 22%, на рынке корпоративного долга доля меньше – 14%, еще меньше их доля в индексе MCSI – 12%. Очевидно, что в следующие 15 лет в этой сфере произойдут существенные изменения. Предполагается, что доля этой группы стран в глобальном производстве может достигнуть к 2030 г. 70% глобального ВВП. Существенно изменится и их доля на глобальном рынке акций. Исходя из нынешних трендов, она может достигнуть за тот же период 39%. Многие развивающиеся страны существенно отстают по развитию рынка внутреннего и международного рыночного суверенного долга. При этом можно полагать, что их доля в следующие полтора десятилетия будет возрастать [1].

В большинстве этих стран существуют проблемы с институционализацией внутренних сбережений населения. Постепенно эта проблема будет разрешаться с учетом технологических прорывов в финансовом секторе и изменений в организационной структуре финансового рынка. Это будет менять структуру спроса на рынке капитала. Принципиально изменится соотношение источников капитала. Так, уже в ближайшие четыре-пять лет объем институционализированных сбережений населения в Китае превысит аналогичный показатель США.

Несмотря на тяжелый экономический период и политические проблемы во многих развивающихся экономиках, перспективы развития этого сегмента рынка достаточно обнадеживают, по крайней мере для ряда стран с достаточным уровнем внутренней институционализации сбережений.

Национальный рынок капитала предполагает наличие минимально необходимых условий и некоторых особенностей для своего функционирования. В первую очередь необходимо существование достаточно емкого рынка государственного долга, который позволяет бюджету легко преодолевать проблемы циклических дефицитов без обращения к внешним заимствованиям.

Во-вторых, внутренний рынок государственного долга и денежных инструментов должен быть достаточно объемным, для того чтобы обеспечить эффективную реализацию монетарной политики.

В-третьих, развитие или, лучше сказать, наличие финансового рынка создает возможности для долгосрочного привлечения капитала на внутреннем рынке, при объемах, позволяющих реципиентам капитала и финансов надежно управлять финансовыми рисками.

В-четвертых, наличие развитого национального финансового рынка обеспечивает доступ к национальной валюте, снижает потребность в иностранной валюте.

В-пятых, развитый национальный финансовый рынок, наряду с развитой институциональной структурой, повышает эффективность размещения капитала в национальной экономике.

В-шестых, развитый национальный финансовый рынок обеспечивает приток иностранных инвестиций.

В-седьмых, наличие развитого национального финансового рынка повышает стабильность национальной финансовой системы в целом и увеличивает возможность управления рисками.

Эти семь свойств взаимно дополняют и усиливают друг друга, повышая эффективность функционирования финансовой системы [2].

Однако не следует переоценивать роль исключительно одного финансового сектора. Безусловно, есть определенные показатели, значения которых должны иметь определенную величину или находиться в заданных пределах, чтобы обеспечить потребности экономического роста. Например, таким типичным показателем служит показатель кредитования национальной экономики в объеме ВВП [3]. Для развивающихся экономик с несформировавшейся финансово-кредитной системой этот показатель может и должен быть выше. Однако он должен поддерживаться ростом сбережений и их вливанием в финансовый рынок. Иначе, как в случае с развитыми экономиками, так и в случае с развивающимися экономиками с неэффективной трансформацией сбережений в инвестиции, превышение данного показателя может иметь негативный эффект на экономический рост и уровень инвестиций [3, с. 18].

Национальный финансовый рынок обеспечивает необходимые преимущества инвестиционной модели экономического роста, бенефициариями которой выступают как предприниматели, заемщики, инвесторы, так и правительства.

Развитый рынок внутреннего государственного долга позволяет финансировать даже существенный дефицит государственного бюджета без привлечения внешних заимствований и без наращивания валютных рисков. За последние полтора десятилетия внутренний государственный долг был сведен к минимуму. Однако балансирующую функцию в государственном бюджете стал исполнять неудачно подобранный субститут – нефтяные доходы. Доходы и расходы удалось уравнять, но за это пришлось заплатить перекосом всей финансовой системы страны. Последствия этого начали ощущаться уже в 2008–

2010 гг. и привели к структурному кризису экономики в 2015–2016 гг., на преодоление которого потребуется еще не менее пяти лет.

Развитие национального финансового рынка (денежного рынка и рынка государственного долга) служит инструментальной основой осуществления монетарной политики. Недостаточность объема рынка государственного долга ограничивает возможности инструментального воздействия, не позволяет проводить эффективные меры по стерилизации избыточной денежной массы и стабилизации финансового и кредитного рынков, не говоря о том, что отсутствие объемного рынка долгосрочного государственного долга не позволяет рыночным образом определять ключевые показатели денежного обращения и кредита. Это создает дополнительные риски на финансовом рынке, повышает нестабильность и ухудшает условия кредитования и инвестирования, снижает возможности целенаправленного воздействия на рынок. В этих условиях экономические агенты не реагируют на регулятивные сигналы и меры, предпринимаемые монетарными властями.

По сути, единственным используемым инструментом монетарной политики стал валютный курс, что тоже имело негативные последствия. Подобный подход привел к сдерживанию экономического роста, свертыванию темпов расширения национального финансового рынка, перекосу бюджета, к отсутствию нормального инвестиционного процесса и в конечном итоге к массовому оттоку капитала (1,3 трлн долл. за период с 1990 по 2014 гг., причем большая часть после 2000 г.) из страны [4, с. 15]. Анализ декапитализации и рыночной недооценки национальных активов был произведен профессором Колумбийского университета Дж.С. Хенри.

Негативное воздействие избранной модели на экономику будет сказываться довольно долго. Прежде всего потому, что резко снизился инвестиционный потенциал российской экономики. Во-вторых, возникли необоснованные валютные риски. В-третьих, сохранилось отставание рыночной оценки национального богатства от паритета, что неизбежно негативно сказалось на объеме национального рынка капитала. В-четвертых, финансовый рынок стал монокультурным – основным инструментом служит торговля валютными парами рубль/доллар, рубль/евро.

Негативное воздействие «нефтяной» модели финансирования бюджета на инвестиционный процесс очевидно. Мировой уровень инвестиций в ВВП составляет 24%; в странах БРИКС он достигает в отдельные годы 45%. В России данный показатель за эти годы не превышал 17–18%. При таком уровне инвестиций рассчитывать на ускорение экономического роста свыше 2% в год не приходится. Это же во многом обусловило и недоразвитость финансового рынка и низкий уровень рыночной капитализации российской экономики [5].

Между тем развитие национального финансового рынка предоставляет экономическим агентам доступ к долгосрочному финансированию по рыночным ставкам и позволяет им эффективнее управлять процентами и рисками. Важно, что модель реализуется в границах национальной экономики. Возрастающая потребность в таком управлении приводит к развитию рынка деривативов и структурированных финансовых инструментов. Одновременно создаются предпосылки для снижения кредитных ставок, что стимулирует инвестиционный процесс.

Объемный рынок государственного долга создает базу для развития рынка корпоративных облигаций, а затем и рынка акций. Этот рынок позволяет обеспечивать наиболее эффективное перераспределение активов в экономике, что положительно сказывается на государственном бюджете. Таким образом повышается финансовая стабильность экономики, а финансовые институты получают возможность привлекать более широкий ассортимент инструментария для управления рисками.

Прогресс в финансовом секторе и уровень технологических и организационных инноваций не позволяют сегодня определить, какие именно изменения будут наиболее принципиальными. Непонятно, какие из них будут развиваться опережающими темпами и будут определять основные тренды изменений. Это ведет к высокой неопределенности в эволюции бизнес-моделей в глобальном финансовом секторе, вызывает существенное непонимание в определении будущего основных глобальных игроков, ведет к усилению конкурентного давления в этой сфере во всех направлениях.

Всемирный экономический форум, состоявшийся в 2015 г., выделил 11 основных направлений инноваций:

1. Безналичный мир.
2. Беспрерывные расчетные потоки.
3. Проникновение искусственного интеллекта на основе нового оборудования.
4. Новые рыночные платформы.
5. Влияние процесса глобализации на изменения внутристрановых финансовых институтов.
6. Усиление роли розничных инвесторов и потребителей.
7. Краудфандинг.
8. Расширение альтернативного кредитования.
9. Изменение потребительских приоритетов.
10. Дيسагрегация страхования.
11. Встроенное страхование [6].

Для общего анализа перспектив до 2030 г. следует рассмотреть взаимовлияние финансового сектора и отдельных глобальных факторов, места и роли национального российского финансового рынка. Основные факторы можно сгруппировать по следующим шести направлениям:

- особенности национального типа инвестиционного роста экономики;
- глобальные и национальные социально-демографические изменения, ведущие к изменению направлений основных финансовых потоков на национальном и интернациональном уровнях;
- рост и взаимопроникновение «новых национальных финансовых рынков», формирование новой мировой финансовой инфраструктуры;
- изменение роли финансовых институтов;
- прорыв «state of the art» информационных технологий в текущую деятельность финансовых институтов и воздействие технологических инноваций на структуру финансового сектора;
- усиление «голоса» миноритарных инвесторов и розничных потребителей финансовых услуг.

Особенности национального типа инвестиционного роста российской экономики

Во многом тренды и среднесрочные тенденции в развитии финансового сектора, и финансового рынка в частности, определяются особенностями национального экономического роста. Количественно различия достаточно просто установить исходя из доли инвестиций в ВВП, поскольку именно этот показатель определяет на перспективу темпы прироста ВВП, а соответственно, закладывает основу для определения объема и типа финансовых ресурсов для инвестиционного процесса.

Многочисленные исследования, обобщенные Мировым банком, установили, что для первого десятилетия «нулевых» среднемировой показатель доли инвестиций в ВВП составлял 22%; после первого финансового кризиса 2008–2010 гг. он вырос до 28%, а в последние 2–3 года для США и Европы он достиг 33%. Для крупнейших развивающихся экономик – Индии и Китая – показатель колеблется последнее десятилетие в рамках 35–45%.

Прогноз на ближайшее десятилетие по этому показателю по развитым экономикам: снижение до 20%, а возможно, и до 15% к 2020 г. с последующей стабилизацией на таком уровне на протяжении двух-трех десятилетий.

Российская экономика по этому показателю находится на довольно низком уровне. За последние 20 лет этот показатель не превышал 20%, а в отдельные годы был ниже 18%. Такой низкий уровень инвестиций в ВВП замораживает какие-либо надежды на экономический рост выше 3–4% годовых, а соответственно определяет и рост финансового сектора исключительно консервативными темпами. Одна из причин – наращивание в последние годы энерго-сырьевых доходов без капита-

лизации внутри российской экономики, что не позволило изменить ни темпы, ни качество инвестиционного роста. Нельзя не упомянуть и архаичную модель бюджетной политики, навязанную в свое время Мировым банком и Международным валютным фондом.

Даже в серьезной экономической литературе крайне редко можно встретить вывод о том, что российская экономика недооценена. Между тем в 2014–2016 гг. этот факт был признан, например, Мировым банком и независимым исследовательским центром Economist Intelligent Unit. В исследовательских материалах US Central intelligent agency отмечается принципиальная недооценка российской экономики в международных сопоставлениях по крайней мере в три раза [7].

Это вызвано перекосом в валютном курсе и паритете национальной валюты. Проблема замалчивается или тонет в общих рассуждениях, как правило, негативного толка, однако для российской экономики, и финансового сектора в особенности, она имеет ключевое значение. Сегодня оценка активов зависит от заниженного паритета национальной валюты. Такая недооценка сложилась в ходе приватизации 1990-х годов, в ходе кризиса 1998 г. и «золотого дождя нефтяных доходов». Сейчас она воспринимается как неоспоримая аксиома.

Реально цена активов должна быть существенно выше, но это требует изменения структуры потребительских доходов. Придется вернуться к вопросу о пересмотре приватизации и ее бенефициариев, а также к масштабам оттока в конце 1990-х – 2010-х годов капитала из российской экономики.

При выработке мер, направленных на сбалансирование курса национальной валюты, рыночной стоимости активов, соответствующего роста доходов населения, российский финансовый рынок может приобрести необходимый импульс роста, обеспечить себе надежное 5-е место в мире и снизить уровень волатильности. При этом остается открытым вопрос: каким образом сблизить курс национальной валюты и паритет покупательной способности.

Одной из ключевых задач экономической политики должно быть увеличение рыночной стоимости национального богатства. Без этого не удастся реализовать потенциал, заложенный в недооценке национального богатства, – он будет потерян в пользу «пиратских» инвесторов.

Глобальные и национальные социально-демографические изменения, влияющие на финансовые рынки

Прогнозы международных организаций предсказывают, что в ближайшие полтора десятилетия будет нарастать дефицит инвестиционных ресурсов во всем мире. Это обусловлено тем, что на протяжении последних трех десятилетий постепенно снижался уровень сбереже-

ний в развитых экономиках, тому же будет в какой-то мере способствовать и перераспределение приоритетов в сторону потребления в китайской экономике.

В то же время мировая экономика вступает в период резкого увеличения инвестиционного спроса со стороны экономик Африки, Азии и Латинской Америки, где резко возрастает потребность в новых домах, транспортных системах, производственных мощностях, госпиталях, учреждениях образования [8, с. 2]. К этим регионам следует добавить и страны СНГ. Аналогичная ситуация наблюдалась во второй половине 1940-х – 1959-х годов. Она была связана с восстановлением разрушенных экономик Европы и Японии после Второй мировой войны. После этого наступил 30-летний период спада сбережений и инвестиций, закончившийся только к 2002 г.

Экономический рост в следующие десятилетия сможет достигнуть таких темпов, что это потребует инвестиций до 25% мирового ВВП, к 2030 г. инвестиционный спрос может максимально достигнуть 24 трлн долл. США. В зависимости от темпов и качества роста дефицит инвестиционных ресурсов может составить от 0,8 до 2,4 трлн долл. США [8].

Ближайшие два десятилетия принесут принципиальные изменения в социально-демографических трендах. Произойдет перераспределение в темпах роста населения в странах-лидерах. По оценкам, 2030 г. может стать демографическим плато для Китая, который к этому моменту начнет перестраивать собственную экономическую политику с учетом новой обстановки на рынке труда. Демографическим лидером в мире станет Индия, которая, скорее всего, обгонит Китай к этому времени по темпам экономического роста.

Демографическая ситуация принципиально изменит источники капитала на финансовых рынках. Безоговорочно, основным источником ресурсов для финансовых рынков станут сбережения населения.

К 2030 г. развивающиеся страны будут вносить 62 долл. на каждые 100 долл. сбережений, в сравнении с 2010 г., когда их доля была 45 долл. [9, с. 62].

В последние годы произошло принципиальное изменение в географическом распределении сбережений. В развивающихся экономиках уровень сбережений в доходах населения достиг максимального значения в 2014 г. – 34%, и это было переломным моментом. В дальнейшем этот уровень будет немного снижаться – до 32% к 2030 г. В развитых странах уровень сбережений в доходах населения существенно ниже. В следующие 15 лет он снизится с 20% до 15% (к 2030 г.). [10].

Эти тренды в сочетании с демографическими показателями наглядно демонстрируют принципиальное изменение позиций развитых и развивающихся стран в пуле доступного капитала. Китай

обгонит по сбережениям США где-то в середине 2020-х годов, к концу десятилетия по этому показателю США обгонит и Индия. К 2030 г. абсолютным лидером по объему сбережений населения будет Китай, за ним будет следовать Индия [9, с. 79].

По оценкам Мирового банка, уровень сбережений населения в России будет сокращаться, что, безусловно, определяется демографическими обстоятельствами – резким увеличением доли неработающего населения. В России уровень сбережений в ВВП сократится за следующие полтора десятилетия с 30% до 26–27%. Россия, с учетом существующих демографических трендов и низкого уровня сбережений, диктуемым низким уровнем доходов населения, должна будет опираться в существенной мере на ликвидность, привлекаемую извне. Географическое положение позволяет рассчитывать на привлечение финансовых ресурсов с азиатского центра ликвидности [9, с. 80].

Демографические процессы внутри страны аналогичны общеевропейским, где основными трендами будет старение населения, снижение доли работающего населения, рост затрат на пенсионное обеспечение и на медицинское обслуживание. Очевидно, что эти неблагоприятные демографические факторы будут увеличивать нагрузку на бюджет, что потребует негативных изменений фискальной и бюджетной политики.

Особенностью демографического процесса в России по сравнению с европейскими странами является эмиграция профессионально квалифицированной рабочей силы в сочетании с иммиграцией низкоквалифицированной рабочей силы. Такое движение, при прочих равных, отрицательно сказывается на показателях производительности труда.

Поскольку Россия будет оставаться чистым импортером капитала в следующие два десятилетия, необходимо учитывать, что конкуренция за капитал обострится и цена капитала будет возрастать. Все это потребует существенных изменений в экономической и бюджетной политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Langridge K., Valle P.* The Changing Shape of Capital Markets in Emerging Economies. www.manulifeam.com/Research-and-insights/Market.
2. *Laeven L.* IMF Working paper. The Development of local Capital Markets: Rational and Chalanges. December 2014.
3. The Global Economy in 2030: Trends and Strategies for Europe. ESPAS / Ed. D. Gros, C. Alcidi. 2013. P. 18.
4. The Guardian. Offshore finance: more than \$12tn siphoned out of emerging countries. By H. Stewart. Sunday, 8th May 2016.
5. The Global Economy in 2030: Trends and Strategies for Europe. ESPAS / Ed. D. Gros, C. Alcidi. November 2013. P. 15.

6. World economic forum. The Future of Financial Services. Final Report. June 2015.
7. Central Intelligence Agency. [www.cia.gov/library/publications / the-world-factbook/rankorder/](http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/).
8. How the growth of emerging markets will strain global finance. R. Dobbs, S. Lund, A. Schreiner. McKinsey&Company. P. 2.
9. Capital for the future: Savings and Investment in an Interdependent World. The World bank. Washington, D.C.

KOSTIKOV I.V.

doctor habilitatus in economics, professor, head of Sector of the international financial studies of the Center for international macroeconomic researches of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ikostikov@yahoo.com

GLOBAL PROSPECTS OF RUSSIAN FINANCIAL MARKET BY 2030. Part 1

Analysis of the future development of the financial market of Russia should be based on the results of the long-range prognosis, macroeconomic and global assessments. Technical analysis prevailing now is unable to see such crucial events as technological changes in the world of finances, re-grouping of the participants of the global financial market, sufficient – qualitatively and quantitatively – growth of national financial markets of the developing countries.

Key words: *long-range prognosis, macroeconomic analysis, Russian financial market, national financial markets, global financial market changes, technological changes in the world of finance.*

JEL: A10, E4, F3, G1, P20.

Л.Н. ЛЫКОВА

доктор экономических наук, главный научный
сотрудник Института экономики РАН

И.С. БУКИНА

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник, заведующая Центром макроэкономического
анализа и прогнозирования Института экономики РАН

ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ¹

Статья посвящена анализу бюджетно-налоговой политики России в условиях внешних шоков. Рассматривается реакция бюджетно-налоговой системы в ответ на колебания деловой активности, вызванные внешнеэкономическими причинами в 1990–2010-х годах. Авторы приходят к выводу о том, что бюджетно-налоговая политика скорее сама реагирует на изменения конъюнктуры сырьевых рынков, чем способствует антициклическому воздействию на российскую экономику. Анализ циклических колебаний налоговых доходов позволяет авторам предложить подходы к реформированию налога на прибыль и НДС в целях снижения их зависимости от внешних шоков и антициклическому воздействию на деловую активность.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая политика, внешние шоки, налог на добавленную стоимость, налог на прибыль, структурный дефицит.

JEL: H20, H60.

Формирование бюджетно-налоговой политики в открытой экономике представляет значительную сложность. Имеющиеся в экономической литературе обширные разработки разных аспектов функционирования открытых экономик с различными характеристиками эластичностей инвестиций (см.: [1], [2], [3]) позволяют сформулировать отдельные аспекты проблемы, которые предопределяют наиболее существенные элементы взаимодействия денежно-кредитной и налоговой политики и последствия для экономики их взаимосогласованного воздействия.

¹ Статья выполнена по гранту РГНФ № 15-02-00391 «Денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика России на современном этапе глобализации».

В условиях открытой экономики инструменты бюджетно-налоговой политики и кредитно-денежной политики фактически выступают как некое единое целое. Мероприятия налоговой политики могут оказывать воздействие на состояние денежно-кредитной сферы, а денежно-кредитная политика сказываться на формировании доходов бюджета. Это обстоятельство имеет целый ряд следствий. Так, *de facto* приходится определять приоритеты и делать выбор между приоритетом бюджетно-налоговой политики и приоритетом денежно-кредитной политики. По сути, налоговая политика в условиях фиксированного валютного курса по своему регулирующему воздействию будет отличаться от таковой в условиях плавающего курса. Это означает, что принципиальный выбор политики валютного курса предопределяет и порядок использования целого ряда инструментов налоговой политики. В случае выбора бюджетно-налоговой политики в качестве приоритета, определение типа и параметров денежно-кредитной политики должно носить вторичный характер. Проведение независимых бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики в условиях открытой экономики (малой открытой экономики) приводит к снижению действенности мер обеих «политик». Отчасти именно это и происходит в настоящее время в России.

Существенную проблему для малой открытой экономики представляют внешние шоки (внешние негативные шоки, в первую очередь). К числу ключевых рисков таких шоков следует отнести глобальные финансовые риски и суверенные риски больших открытых экономик; риски товарных рынков ключевых торгуемых товаров и др.

Остановимся на проблемах бюджетно-налоговой системы России в условиях реализации ряда негативных внешних шоков последних десятилетий.

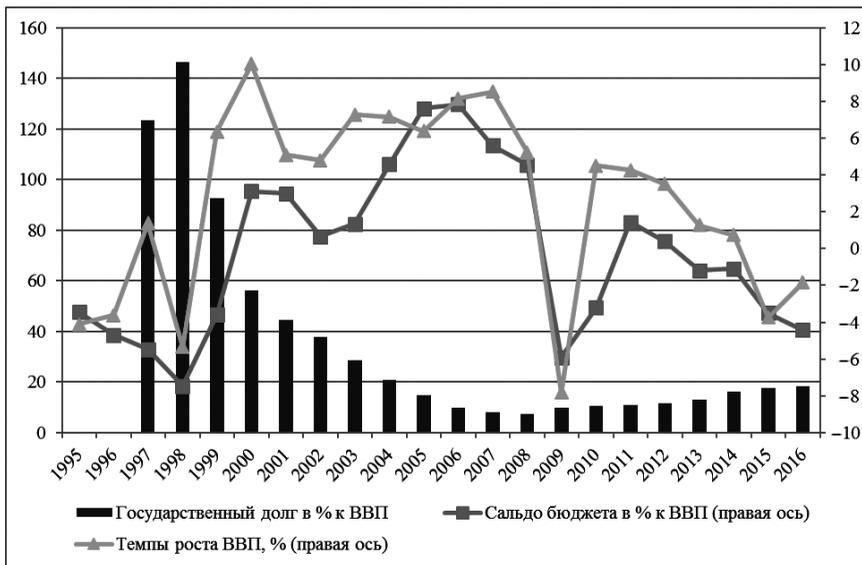
Общая характеристика бюджетно-налоговой политики России

Со сменой политических ориентиров и выходом на международные рынки в качестве самостоятельного государства неизбежно стала меняться и бюджетная сфера нашей страны. Но если доходная часть бюджета практически сразу претерпела существенные изменения, то расходная часть во многом унаследовала тенденции советской экономической системы. В первую очередь это касается социальных обязательств государства. Несмотря на реформы собственности и отказ от централизованного планирования и распределения ресурсов, правительство Российской Федерации приняло на себя значительную часть прежних социальных обязательств.

Становление налоговой системы в условиях трансформации социально-экономической и политической системы страны происходило

непросто – сказывалось отсутствие опыта и механизмов эффективного налогового администрирования. Жесткая денежно-кредитная политика и распространение неденежных форм расчетов усугубляли проблему неплатежей. Политическая и экономическая нестабильность провоцировали уклонение от уплаты налогов и вывоз капитала. Все это сказывалось на формировании доходной части бюджетов всех уровней власти. Одновременно расходная часть, несмотря на регулярный секвестр, не могла покрываться за счет бюджетных доходов.

Политика последних лет существования Советского Союза к началу 1990-х годов привела состояние общественных финансов к кризисному (дефицит бюджета достигал 10% ВВП [4]). Правительству РФ пришлось решать не только проблемы, обусловленные переходным периодом, но и столкнуться с грузом долговых и социальных обязательств, принятых на себя предыдущей властью. Трансформационный кризис сопровождался неожиданными, огромными по своим масштабам потерями в объемах производства и благосостояния. Макроэкономический кризис 1998 г., вызванный внешним шоком, происходил на фоне растущего госдолга и хронического дефицита бюджета.

Источник: составлено автором по данным: Российский статистический ежегодник. М., 2003.

Рис. 1. Государственный долг, сальдо консолидированного бюджета (относительно ВВП) и темпы роста ВВП, %.

Из рис. 1 видно, что максимальный объем госдолга (внешнего и внутреннего в совокупности) относительно ВВП приходится на 1998 г., когда госдолг составил 146,5% ВВП. Ключевой проблемой в этот

момент было отсутствие цивилизованного механизма финансирования дефицита государственного бюджета и схемы обслуживания государственного долга. Однако сформировавшаяся к началу 1998 г. крайне неэффективная структура внутреннего долга с доминированием в ней краткосрочных ценных бумаг привела к краху не только модели обслуживания задолженности, но и схемы неналогового финансирования государственных расходов.

К началу 1998 г. фактически стала очевидной невозможность обслуживания накопленной задолженности по прежней схеме ГКО. Расходы на обслуживание государственного долга (только по официально применявшейся в этот момент методологии) составили почти 5% ВВП.

Однако с 1999 г. объем задолженности стал резко снижаться и к году следующего мирового кризиса (2008) составил 7,5% ВВП. Этому способствовали как объявление дефолта по государственным облигациям, так и девальвация рубля, а затем последующий рост цен на нефть и номинально «избыточных» доходов федерального бюджета. Уже с 2000 г. и вплоть до 2008 г. консолидированный бюджет стал сводиться с профицитом. В это же время отмечается рост ВВП.

Период с начала 2000-х годов до 2007 г. можно считать временем реализации положительного внешнего шока для российской экономики. Рост цен на нефть и на прочие сырьевые товары определил не только циклический подъем, но и повышательный тренд российского ВВП.

Налоговая реформа, проводимая с конца 1990-х годов, сопровождалась разработкой механизмов изъятия природной ренты. Позитивный внешний шок, которым для российской экономики стало повышение цен на энергоносители, безусловно, повлиял на формирование доходов бюджета. В первую очередь это коснулось доходов федерального бюджета.

Со второй половины 2000-х годов появилось устойчивое выражение «нефтегазовые доходы», под которыми Бюджетный кодекс понимает «доходы федерального бюджета от уплаты: налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья (нефть, газ горючий природный из всех видов месторождений углеводородного сырья, газовый конденсат из всех видов месторождений углеводородного сырья); вывозных таможенных пошлин на нефть сырую; вывозных таможенных пошлин на газ природный; вывозных таможенных пошлин на товары, выработанные из нефти» (ст. 96.6. БК РФ). Таким образом, наш федеральный бюджет, строго говоря, зависит исключительно от нефтегазовых доходов.

С 2002 по 2008 г. проблема сбалансированности федерального бюджета была неактуальна: устойчиво формировался профицит, сокращались расходы на обслуживание госдолга, за счет его погашения. Кризис 2008 г. привел к резкому падению доходов бюджетной системы и сопровождался ростом государственных расходов.

Внешний шок, которым для России стало падение цен на нефть, а также последствия финансового кризиса в экономике США, сильнее всего отразился на показателях федерального бюджета. Параметры консолидированных бюджетов субъектов Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов показывают большую финансовую устойчивость.

В 2011–2013 гг. ежегодно планировался дефицит федерального бюджета и утверждался определенный объем заимствований. Поступления нефтегазовых доходов регулярно превышали запланированные уровни, однако план по заимствованиям продолжал реализовываться. Это позволило возобновить отчисления в Резервный фонд.

Однако уже в 2015 г. Резервный фонд становится основным источником финансирования растущего дефицита федерального бюджета. В 2016 г. ожидается аналогичная ситуация. Если на 1 января 2016 г. объем средств Резервного фонда составил порядка 50 млрд, то уже на 1 октября 2016 г. – лишь 32 млрд долл. США. Дефицит федерального бюджета, по данным на 1 сентября 2016 г., оценивается более чем в 1,4 трлн руб. С такими темпами расходования средства Резервного фонда иссякнут уже к концу 2017 г.

Значительные заимствования, вместе с формированием профицита и отчислениями в Резервный фонд, фактически означают изъятие ликвидности. В условиях высокой инфляции такая политика имеет смысл при условии, что Центральный банк не имеет возможности влиять на денежную массу (как правило, это характерно для политики фиксированного курса национальной валюты). По итогам 2011 г. инфляция действительно снизилась до 6,6% по сравнению с 8,8% в предыдущем периоде. Нельзя утверждать, что снижение инфляции – исключительно заслуга сдерживающей фискальной политики. Более того, планы по заимствованиям утверждаются одновременно с утверждением Закона «О федеральном бюджете...», следовательно, их основная цель – финансирование планируемого дефицита бюджета, а не проведение ограничительной монетарной политики.

Гораздо важнее, что расходы на обслуживание займов, как правило, больше доходности от сбережений (69% в 2010–2013 гг. и 11–14% в 2014–2016 гг. против 3–4% годовых)²... Фактически этот спрэд в доходности представляет собой плату за развитие долгового рынка. Однако следует учитывать растущую долговую нагрузку на бюджет: в настоящее время доля расходов на обслуживание госдолга невелика, но стабильно растет. Если учесть, что сейчас, когда правительство РФ осуществляет заимствования, наличие Резервного фонда привлекает инвесторов, то в тот период, когда заимствования должны будут стать

² См.: официальный сайт Минфина РФ. <http://www.minfin.ru>.

основным источником покрытия дефицита бюджета, средств в Резервном фонде уже не останется. В условиях отсутствия обеспечения в виде накоплений в Резервном фонде вопрос о доходности государственных обязательств будет стоять более остро.

Возможности количественной оценки компонент фискальной политики

В экономической теории характер фискальной политики (является ли она сдерживающей или стимулирующей), как правило, оценивается по состоянию структурного сальдо бюджета, которое не учитывает циклических колебаний доходов и расходов госбюджета, вызванных циклическими колебаниями ВВП. Эмпирически структурная компонента временного ряда вычисляется с использованием различных фильтров, например, фильтра Ходрика-Прескотта [5]. Циклические колебания оцениваются как разница между фактическими и структурными значениями переменной.

В таблице приведены расчеты структурной и циклической компонент ВВП и сальдо консолидированного бюджета для 1993–2016 гг. Из них следует, что фискальную политику, которая проводилась с 2001 по 2011 гг. включительно, можно трактовать как сдерживающую, поскольку консолидированный бюджет характеризовался структурным профицитом. Согласно теории, если проводится антициклическая фискальная политика, то в периоды спада политика должна стимулировать совокупный спрос (следовательно, наблюдается структурный дефицит), а в периоды подъема деловой активности – сдерживать рост совокупного спроса (посредством структурного профицита). Подъемы и спады деловой активности измеряются отклонением фактического выпуска от его потенциального уровня. Последний в эмпирических исследованиях часто заменяется трендом ВВП.

Периоды очевидных спадов – 1998 г. и 2009 г. – характеризуются наибольшим снижением рассчитанной циклической компоненты прироста ВВП. При этом фискальная политика в 1998 г. носила скорее стимулирующий характер (отрицательное структурное сальдо бюджета), а в 2009 г. структурная компонента бюджетного сальдо свидетельствует о профиците, иными словами, в этот период проводилась сдерживающая фискальная политика, а дефицит консолидированного бюджета обуславливался исключительно циклическим падением выпуска.

Формально из таблицы можно сделать вывод, что в период циклического подъема российской экономики (с 1999 по 2008 г.) правительство проводило сдерживающую фискальную политику (сформировался структурный профицит консолидированного бюджета). Однако следует заметить, что структурная компонента сальдо консолидиро-

**Структурная и циклическая компоненты ВВП и сальдо
консолидированного бюджета, %**

Год	Темпы рост ВВП, %		Сальдо бюджета, % к ВВП	
	Структурная компонента	Циклическая компонента	Структурная компонента	Циклическая компонента
1993	-9,11	0,41	н/д	н/д
1994	-7,03	-5,67	н/д	н/д
1995	-4,95	0,85	-5,50	2,06
1996	-2,91	-0,69	-4,46	-0,23
1997	-0,97	2,35	-3,40	-2,06
1998	0,83	-6,17	-2,31	-5,15
1999	2,46	3,89	-1,18	-2,43
2000	3,83	6,22	-0,06	3,18
2001	4,88	0,21	0,96	2,05
2002	5,64	-0,85	1,83	-1,16
2003	6,12	1,17	2,54	-1,19
2004	6,32	0,86	3,05	1,55
2005	6,26	0,12	3,30	4,33
2006	5,96	2,20	3,27	4,57
2007	5,45	3,08	2,95	2,66
2008	4,78	0,46	2,42	2,15
2009	4,04	-11,86	1,74	-7,66
2010	3,30	1,20	1,03	-4,24
2011	2,53	1,73	0,31	1,14
2012	1,71	1,80	-0,44	0,83
2013	0,83	0,44	-1,22	0,03
2014	-0,08	0,83	-2,03	0,94
2015	-1,03	-2,72	-2,85	-0,65
2016 (оценка)	-1,97	0,12	-3,68	-0,74

Источник: Расчеты авторов по данным: Российский статистический ежегодник. М., 2003; Отчеты об исполнении консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов (ежемесячные) в 2007–2011 гг. <http://www.roskazna.ru>.

ванного бюджета и после 2008 г. оставалась положительной. В большей степени структурный профицит консолидированного бюджета соответствует структурной компоненте темпов роста ВВП. Это можно интерпретировать следующим образом. Сальдо консолидированного бюджета изменялось в ответ на смену тренда ВВП и циклические

колебания деловой активности. Таким образом, фискальная политика в основном была пассивной.

Получение количественных оценок влияния фискальной политики на экономическую активность является отдельной и весьма трудоемкой задачей. Тем не менее предварительно можно предположить, что фискальная политика в России скорее подстраивается под общеэкономические тенденции, чем активно влияет на деловую активность в стране. Поскольку российская экономика по отношению к мировой является малой открытой экономикой (т.е. не влияет на мировую ставку процента и прочие индикаторы), не только шоковые, но и любые изменения мировой рыночной конъюнктуры, касающиеся сырьевых товаров (в первую очередь углеводородов), оказывают заметное влияние на динамику ВВП [6].

Реакция налоговых доходов бюджета на внешние шоки

Остановимся более подробно на динамике налоговых поступлений основных для отечественной бюджетно-налоговой системы платежей – НДС и налоге на прибыль организаций. Рассмотрим реакцию каждого из указанных платежей в периоды трех ключевых экономических шоков для отечественной бюджетно-налоговой системы. Определенную проблему здесь представляет факт осуществления крупных макроэкономически значимых корректировок налогового законодательства, которые имели место в рамках данного периода (снижение ставки НДС – с 28% до 20% и далее до 18%, а также ставки налога на прибыль с 32–35% до 24% и позднее – до 20%). Кроме того, на протяжении всего рассматриваемого периода проводились менее значительные, с точки зрения макроэкономической статистики, корректировки порядка налогообложения всеми указанными налогами (изменения расчета налоговой базы, расширение и изменение налоговых льгот, изменения порядка определения налогоплательщиков и др.).

На рис. 2 приведены данные о поступлении налога на добавленную стоимость в бюджетную систему в виде трех позиций – номинальных значений, значений, скорректированных на реальный курс рубля и относительно ВВП³. Как видно из рис. 2, на протяжении всего рассматриваемого периода (1992–2015 гг.) номинальные значения поступлений НДС имели выраженную повышательную динамику. Четко просматривается только одно падение поступлений данного налога (по номинальным значениям) в 2009 г.

Более отчетливо просматриваются шоковые периоды по налоговым поступлениям, учитывающим корректировку на индекс реаль-

³ Здесь и далее с учетом изменения размерности в 1998 г.

ного валютного курса. По этим данным просматривается относительно «плавное» снижение поступлений налога в 1993–1998 гг. и в 2014–2015 гг. Сокращение реальных сумм налоговых поступлений в 2008–2009 гг. было относительно незначительным. С этой точки зрения интерес представляет соотношение динамики номинальных значений налоговых поступлений и реальных – фактически динамика валютного курса обеспечивала в 2009 г. «компенсацию» падения реальных доходов.

Необходимо отметить, что бюджетная система имеет дело именно с номинальными суммами поступивших налогов и именно провал или рост поступлений по номинальным значениям сказывается на проведении бюджетно-налоговой политики. Инфляционное (с учетом курсовых соотношений) обесценение налоговых поступлений представляет собой почти исключительно аналитический инструмент, позволяющий оценивать качество проводимой политики.

Более интересной представляется динамика налоговых поступлений относительно ВВП (см. рис. 2). В целом в рамках рассматриваемого периода доля НДС в ВВП имела тенденцию к понижению (с 10,4% ВВП в 1993 г. до 4,7 в 1999 г. и 3,5% в 2015 г.). Исключение составляет период 2000–2005 гг., когда доля НДС в ВВП возрастала до 6,7–6,8%.

На протяжении всего рассматриваемого периода показатели эластичности налоговых поступлений по ВВП были в среднем достаточно устойчивы: в 1993–1999 гг. эластичность составляла 0,933, в 2000–2009 г. –

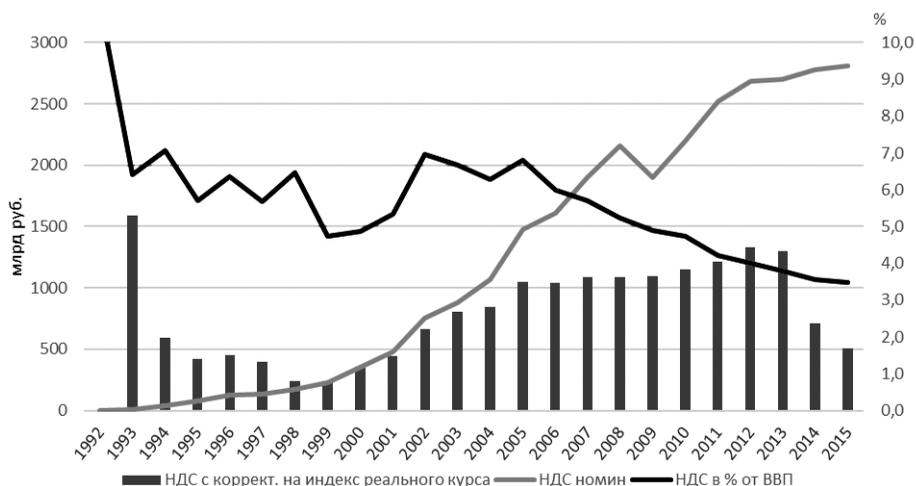

Рис. 2. Поступления НДС в консолидированный бюджет РФ.

Источник: Здесь и далее источники информации: Российский статистический ежегодник. М., 2003; Отчеты об исполнении консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов (ежемесячные) в 2007–2015 гг. <http://www.roskazna.ru>.

0,989, а в 2010–2015 гг. – 0,945. В сторону понижения эластичности поступлений данного налога работал фактор изменения налогового законодательства (понижение ставки, расширение круга товаров и услуг, облагаемых по пониженным ставкам), а также фактор, связанный с особенностью экономики, – рост экспорта (и спекуляций вокруг него).

Отчасти именно НДС выступает налогом, стабилизирующим общие доходы бюджетной системы. Так, в единственном году, когда имело место падение номинальных поступлений налога по сравнению с предшествующим годом (2009 г.) на 12,1%, не просматривалось падения поступлений по отношению к среднему значению за три предшествующих года падения (рост на 0,5%).

Более чутко реагируют на внешние шоки поступления налога на прибыль организаций (см. рис. 3).

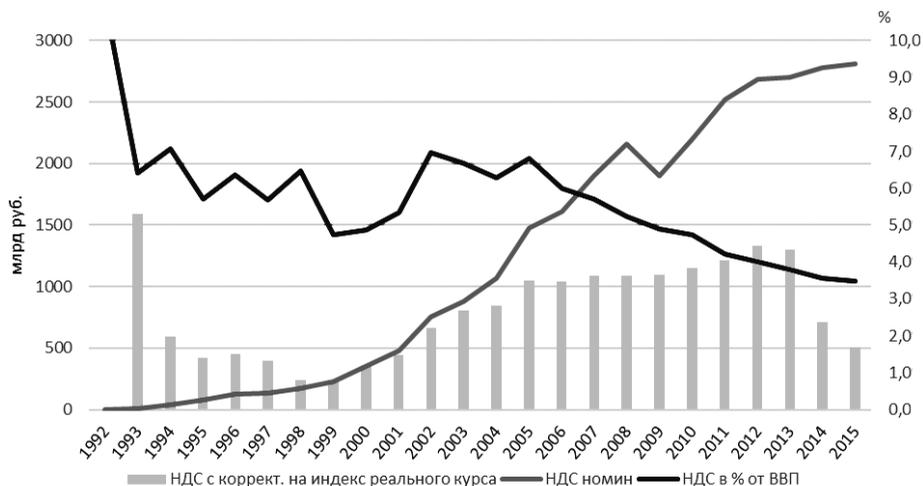

Рис. 3. Поступления налога на прибыль организаций в консолидированный бюджет РФ.

Как видно из рис. 3, колебания номинальных значений поступления налога на прибыль были более явно выражены по сравнению с таковыми НДС. Существенные падения поступлений имели место в 1996 г., 2002 г., 2009 г. и 2013 г. Внешний шок, который испытала отечественная экономика в 1998 г., сказался не столько на номинальных поступлениях налога на прибыль, сколько на реальных. Падение реальных поступлений налога на прибыль в 1998 г. составило 45% по сравнению с предшествующим годом и 61% по сравнению со средними значениями за предшествующие три года.

Влияние внешнего шока 2008–2009 гг. на поступления налога на прибыль было более значительным. Но отделить воздействие шока от результатов существенных изменений, внесенных в порядок исчис-

ления налога на прибыль, с 2009 г. довольно сложно. Так, наиболее значительными корректировками налогового законодательства, нацеленными на поддержку экономических агентов в кризисной ситуации, были снижение ставки налога с 24% до 20% с 2009 г., увеличение размера амортизационной премии с 10% до 30% по отдельным видам основных средств, а также изменение порядка учета убытков (возможность полного списания без ограничений). Падение номинальных поступлений налога на прибыль в 2009 г. по сравнению с предшествующим годом составило 50%, из них за счет снижения ставки сокращение поступлений могло составить лишь 17 п.п., сокращение поступлений за счет учета убытков составило 4,7 п.п., а за счет амортизационной премии – еще 5,9 п.п.⁴ Таким образом, за счет изменения порядка налогообложения прибыли в 2009 г. снижение суммы налоговых поступлений могло составить 27,6 п.п. из 50 п.п., а 22,4% фактически отражают падение доходов хозяйствующих субъектов в ходе кризиса.

Падение номинальных поступлений налога в 2013 г. также в большей мере является результатом внутренних проблем отечественной экономики. Непосредственное воздействие внешних шоков в полной мере проявилось с 2014 г. в виде падения реальных значений поступлений при росте номинальных (сказывается стремительное падение рубля). При этом единственной макроэкономически значимой корректировкой налогового законодательства стало введение уплаты налога на прибыль консолидированными группами налогоплательщиков (на этот фактор приходится около 25% от общей суммы снижения номинальных доходов). Остальные корректировки налогового законодательства, вступившие в силу с 2013 г., касались частных вопросов и не могли привести к значительным потерям доходов.

Динамика поступлений налога на прибыль относительно ВВП имела большее число пиков и падений. Так, наряду со спадами 1996–1998 гг. и 2009 г. просматривается снижение поступлений налога в 2003 г., как реакция на проблемы, предшествовавшие банковскому кризису 2003–2004 гг. По поступлениям налога в реальном исчислении также просматриваются три проблемных точки (1998 г., 2002–2004 гг. и 2014 г.).

На степень устойчивости (а точнее – неустойчивости) к внешним шокам поступлений налога на прибыль организаций в настоящее время существенное влияние оказывают следующие причины: значительная доля налога, поступающего от нефте- и газодобывающих организаций, и переход к уплате налога на прибыль организаций консолидированными группами налогоплательщиков.

⁴ Рассчитано по данным формы статистической налоговой отчетности 5нп за 2008 г. и 2009 г. https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/3877137/.

Начиная с 2006⁵ г. доля поступлений налога на прибыль от организаций, основным видом деятельности которых является «добыча сырой нефти и природного газа, предоставление услуг в этих областях» и «производство нефтепродуктов», имеет тенденцию к росту. Так, в 2006 г. доля этих видов деятельности в общей сумме поступлений налога на прибыль составляла 15,7% (а в общем объеме налоговых платежей, администрируемых ФНС, – 30,2%). В 2012 г. на эти виды деятельности приходилось 12,8% поступлений налога на прибыль (и 36,7% всех налогов), а по итогам 2015 г. – 17,8% налога на прибыль (29,9% всех налогов).

Действующая в настоящее время модель налогообложения прибыли имеет целый ряд дефектов, непосредственно воздействующих на формирование реакции экономики на внешние шоки. Рассмотрим некоторые из них.

Совершенно очевидно, что налог на прибыль поддерживает крупные компании в ущерб малому и среднему бизнесу. Переход к уплате налога в рамках КГН существенно усилил данную тенденцию. Сформированные в настоящее время КГН активно интегрированы в мировое экономическое пространство (включая офшорную активность). Поэтому, с одной стороны, обладают потенциально относительно большей устойчивостью к собственно российским последствиям шоков, а с другой – испытывают на себе воздействие шоков, возникающих в иных юрисдикциях, и транслируют их на своих отечественных контрагентов.

Система обложения прибыли поддерживает иностранные и псевдоиностранные инвестиции и дестимулирует вложение отечественного капитала в отечественную экономику. Несмотря на целый ряд мер, принятых в последние годы (формирование списка офшоров для целей налогообложения, введение режима налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и др.), сохраняется высокая эффективность взаимодействия с низконалоговыми юрисдикциями и использования их для целей налогового планирования.

Пропорциональная модель налогообложения прибыли по низкой налоговой ставке, с одной стороны, нивелирует действие любых «тонких» инструментов стимулирования инвестиционной активности организаций, а с другой – не позволяет использовать встроенные элементы антициклического регулирования. Возникает необходимость перехода на «ручное управление» (ярким примером этого является необходимость понижения ставки налогов в 2009 г.).

⁵ На сайте Федеральной налоговой службы в настоящее время представлена информация в разрезе формы статистической налоговой отчетности №1-НОМ начиная с 2006 г.

Самостоятельную проблему представляет «встроенность» в режим налогообложения прибыли ключевой ставки Центрального банка (ранее ставки рефинансирования), исходя из которой определяются допустимые значения вычитаемых процентных расходов по банковским кредитам. Результатом является возникновение прямых налоговых потерь экономических агентов в результате снижения ключевой ставки.

Для повышения устойчивости модели налогообложения прибыли организаций к внешним шокам могут быть предложены некоторые корректировки действующего законодательства.

Так, целесообразно введение прогрессивной шкалы налогообложения прибыли организаций в виде дополнительного налога на прибыль для высоких сумм прибыли. Усиление налоговой нагрузки на крупнейших налогоплательщиков (в том числе и в рамках КГН) сформирует определенные преграды на пути укрупнения хозяйствующих субъектов и отчасти поддержит конкурентные позиции среднего (не очень крупного бизнеса). В условиях экономической цикличности и негативных внешних шоков при сокращении прибыли для таких организаций будет срабатывать кейнсианский принцип встроенного стабилизатора.

Целесообразно определение нового статуса налогоплательщиков, выделяющего национальные компании, не контролируемые из-за рубежа и не имеющие подконтрольные компании за рубежом. Данный статус («налогоплательщик – российская компания») позволит проводить целенаправленную политику по стимулированию отечественных инвестиций и позволит ограничить недобросовестный вывоз капитала из России.

Обеспечение режима налогообложения в условиях признания контролируемой задолженности требует серьезного анализа реалистичности установленных коэффициентов 3 и 12,5 не с точки зрения мировой практики, а с точки зрения фактически складывающихся в РФ соотношений в рамках применяемых отечественными налогоплательщиками схем налоговой оптимизации. Необходима также доработка положений законодательства с учетом имеющейся арбитражной практики по вопросам тонкой капитализации и применения положений о недискриминации в соответствии и соглашениями об избежании двойного налогообложения. Положения ст. 269 (п. 2–6), действующие в настоящее время, нуждаются в корректировке, поскольку не определяют исчерпывающе и однозначно все ситуации, когда реально возникают проблемы злоупотреблений, основанные на замещении дивидендных выплат процентами по займам.

Необходим отказ от использования ключевой ставки Центрального банка в качестве базовой величины для определения допускаемых к вычету расходов по выплате процентов по кредитам. В насто-

ящее время «вычитаемые» выплаты процентов должны находиться в пределах от 0,75 до 1,25 ключевой ставки Центрального банка по кредитам в рублях. Аналогичным образом установлены пределы ставок по валютным кредитам, где в качестве базы используются варианты ставки ЛИБОР в зависимости от валюты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробышевский С., Полбин А. Декомпозиция динамики макроэкономических показателей РФ на основе DSGE модели // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 20–42.
2. Фролов И.Э., Македонский С.Н., Широв А.А. Сценарное моделирование устойчивости российской бюджетной системы к внешним шокам в 2013–2015 гг./ Проблемы прогнозирования. 2013. Т. 24. № 4. С. 324–335.
3. Холопов А.В. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 120–126.
4. Синельников-Мурылев С.Г. Бюджетный кризис в России: 1985–1995 годы. М.: Евразия, 1995.
5. Hodrick R., Prescott E.C. Postwar U.S. Business Cycles: An Empirical Investigation // Journal of Money, Credit, and Banking. 1997. 29 (1). Pp. 1–16.
6. Ломиворотов Р.В. Влияние внешних шоков и денежно-кредитной политики на экономику России // Вопросы экономики. 2014. № 11.

L.N. LYKOVA

doctor habilitatus in economics, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lykoval@inecon.ru

I.S. BUKINA

PhD in economics, head of the Center of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
bis.email@gmail.com

THE FORMATION OF RUSSIAN FISCAL POLICY IN THE CONDITIONS OF EXTERNAL SHOCKS

This article analyzes the Russian fiscal policy in the conditions of the external shocks. We consider the reaction of the fiscal system in response to fluctuations in business activity caused by external shocks in the 1990s – 2010s. The authors conclude that the fiscal policy itself rather responds to changes in commodity markets, thus contributing to counter-cyclical impact on the Russian economy. The analysis of cyclical tax revenue fluctuations allows authors to suggest approaches to the reform of the corporate income tax and VAT in order to reduce their dependence on external shocks and counter-cyclical impact on business activity.

Keywords: corporate income tax, external shocks, fiscal policy, structural deficit, value added tax.

JEL: H20, H60.

И.Э. БОГАТОВА
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова,
младший научный сотрудник ИЭ РАН

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

В статье анализируется изменение денежно-кредитной политики под влиянием внешних шоков, передаваемых экономике России через трансграничные потоки капитала. Описаны основные направления и инструменты денежно-кредитной политики, применяемые монетарными властями в период с 1990 г. по 2016 г.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, трансграничное движение капитала, валютный курс, валютные интервенции, процентные ставки.

JEL: E42, E44, E52, F31.

С момента распада СССР на экономику России все больше стали оказывать влияние глобализационные процессы, а также возросшее и нестабильное трансграничное движение капитала. Это воздействие потребовало ответной реакции со стороны экономической политики российского государства, в том числе и посредством денежно-кредитной политики.

На начальном этапе переходного периода Россия проводила политику жесткого контроля за трансграничными потоками капитала, поэтому с начала 1990-х годов основным инструментом реагирования на воздействие глобализационных процессов был валютный курс рубля, который строго регулировался российским правительством в пределах заданного коридора. В 1998 г. от задаваемого валютного коридора отказались, началась либерализация операций по текущим операциям и отдельным статьям по операциям с капиталом. Однако в кризисный период 1998-99 гг. опять произошло усиление мер валютного регулирования. После кризиса монетарные власти вернулись к таргетированию валютного курса, но в неявной форме, а с 2005 г. стали таргетировать курс бивалютной корзины, состоявшей на конец 2005 г. из 0,65 единиц доллара США и 0,35 единиц евро.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика России на современном этапе глобализации» №15-02-00391.

Действие положительных внешних факторов в начале 2000-х годов привело к увеличению экспортной выручки, что способствовало и увеличению притока иностранной валюты в экономику. Увеличение предложения иностранной валюты вызвало укрепление курса рубля. В сложившихся условиях у Банка России был ограниченный набор инструментов для предотвращения роста валютного курса рубля (при этом следует иметь в виду, что масштабная покупка иностранной валюты увеличила бы инфляцию). Поэтому был выбран курс на постепенную либерализацию трансграничного движения частного капитала, в частности, были сняты ограничения на операции с портфельными инвестициями. В 2004 г. были ослаблены меры контроля за иностранными счетами резидентов, снижены нормы резервирования по валютным счетам резидентов и нерезидентов. Пик либерализации по отношению к движению капитала пришелся на 2006 г., когда были окончательно сняты формальные ограничения на трансграничные потоки капитала. Тем не менее монетарные власти России оставили для себя некоторую возможность для ограничения трансграничного движения капитала, в частности, был введен отдельный норматив обязательных резервов по обязательствам кредитных организаций перед банками-нерезидентами в валюте Российской Федерации и иностранной валюте. Значительный рост чистого притока капитала в 2006 г. способствовал увеличению ликвидности в банковской системе, поэтому для стерилизации излишнего денежного предложения и недопущения роста инфляции данный норматив был повышен с 2 % до 3,5 %.

Во второй половине 2007 г. начался отток капитала из российской экономики, связанный с первыми потрясениями на мировых финансовых рынках. В ответ на это для поддержания уровня ликвидности банковской системы были увеличены объемы предоставляемых Банком России кредитов. Одновременно продолжала проводиться денежно-кредитная политика, целью которой было поддержание валютного курса рубля при сохранении свободного трансграничного движения капитала.

Как следствие этого, применяемая Банком России денежно-кредитная политика была направлена на борьбу не с причинами изменений в монетарной сфере под воздействием внешних шоков, в частности, резкого оттока капитала, а лишь с их последствиями. Поэтому инструментарии управленческой политики со стороны Банка России в кризисный 2008 г. и последующие годы были направлены на регулирование уровня ликвидности банковской системы при одновременном поддержании валютного курса в заданном диапазоне. Для увеличения ликвидности были снижены нормы обязательного резервирования по всем видам обязательств, были увеличены объемы предоставляемых средств Банком России. В связи с падением стоимости портфелей цен-

ных бумаг, которые раньше могли выступить в качестве обеспечения получаемых кредитов, Банк России пошел на рискованный шаг и стал использовать такой инструмент, как предоставление кредитов без обеспечения, который действовал до начала 2011 г. Активно стали применяться операции валютного свопа². Меры регулирования валютного курса, подразумевающие высокие ставки процента, и меры поддержания стабильности банковской системы вошли в противоречие друг с другом. Для противодействия оттоку капитала Банком России были повышены ставки по операциям овернайт и по депозитам «Томнект», что повысило верхнюю и нижнюю границы процентного коридора. Однако средства, выделяемые для увеличения уровня ликвидности банковской системы, направлялись в иностранные активы, а это оказывало давление на валютный курс, поэтому в ответ на это Банку России приходилось увеличивать объем валютных интервенций и предоставлять банкам дополнительные объемы иностранной валюты, которые выводились за рубеж либо самими банками, либо их клиентами [1]. Несмотря на проведенные меры, ощущался недостаток ликвидности в банковской системе, что привело к росту краткосрочных процентных ставок. Таким образом, в кризис 2008–2009 гг., при двойственности действий Банка России, основной целью было все-таки поддержание стабильности валютного курса, поэтому пострадала ликвидность банковской системы.

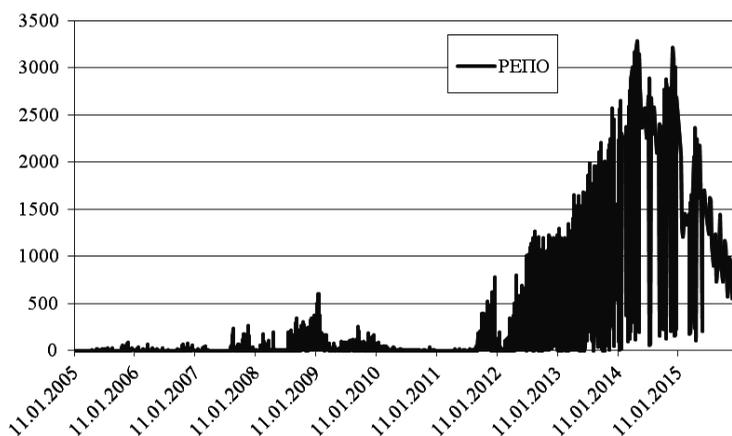
В 2009 г. начали проводиться операции прямого РЕПО на сроки 6 и 12 месяцев, а также аукционы по предоставлению кредитов без обеспечения сроком на 1 год. В конце года начала повышаться норма резервирования, значительно снизились объемы средств по операциям предоставления ликвидности. Проведенные меры в совокупности со стабилизацией трансграничных потоков капитала привели к снижению межбанковских процентных ставок и ставок по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым предприятиям [2].

После кризиса Банк России начал реализовывать программу перехода к политике свободного плавления курса рубля. Переход осуществлялся постепенно, путем расширения границ плавающего операционного интервала курсовой политики Банка России. В марте 2009 г. опера-

² Сделка «валютный своп» (foreign exchange swap) представляет собой операцию по обмену между двумя сторонами средств в двух различных валютах по курсу, согласованному при заключении сделки (первая часть сделки «валютный своп») с обязательством совершения в установленный срок обратной операции (вторая часть сделки «валютный своп») также по согласованному при заключении сделки курсу, который, как правило, отличается от курса первой части сделки «валютный своп» (Центральный Банк РФ).

ционный интервал бивалютной корзины составлял 2 руб., а к 2013 г. был расширен до 7 руб.

В конце 2011 г. усилился отток капитала, что было вызвано нестабильностью на внешних рынках вследствие кризиса суверенного долга в еврозоне. Для увеличения рефинансирования кредитных организаций были возобновлены аукционы РЕПО сроком на 1 год, аукционы ломбардного кредитования на аналогичный срок, кредиты под обеспечение золотом и нерыночными активами сроком на полгода и год. Были существенно увеличены объемы средств, предоставленных через однодневные операции РЕПО. Банк России значительно увеличил объемы выданных средств и в 2012–2014 гг., что было вызвано переходом к использованию аукциона РЕПО как основного инструмента регулирования уровня ликвидности банковской системы и процентных ставок.

Источник: Центральный Банк РФ (cbr.ru).

Рис. 1. Совокупный объем средств, предоставленных через аукционы РЕПО (2005–2015 гг.), млрд руб.

В первой половине 2013 г. из-за падения цены на нефть и анонсирования сворачивания программы количественного смягчения иностранный капитал стал уходить из экономики России, что вызвало падение индекса ММВБ, снижение уровня ликвидности и ослабление курса рубля к бивалютной корзине. При этом Банк России не проявлял особой активности на внутреннем валютном рынке для сглаживания колебаний курса рубля.

Отдельного внимания заслуживает 2014 г., когда российская денежно-кредитная политика существенно изменилась. Значительное влияние внешних шоков испытали на себе фондовый и валютный рынки, а также рынок банковского кредитования.

Первым негативным шоком для российского фондового рынка стали результаты референдума 16 марта 2014 г. о присоединении Крыма к России. На фоне негативных ожиданий политических последствий этого решения иностранные инвесторы стали продавать российские ценные бумаги. В результате за I квартал 2014 г. произошло сокращение обязательств по портфельным инвестициям на 12,37 млрд долл. (примерно 0,43 трлн руб. по среднему курсу рубля к доллару за данный период.), основная часть этих средств была выведена за границу в марте 2014 г., а уровень капитализации Московской биржи снизился по сравнению с февралем (конец марта к концу февраля) примерно на 0,4 трлн руб. Пик падения индекса ММВБ и капитализации пришелся на 14 марта 2014 г. Одним из основных негативных последствий падения фондового рынка стало снижение стоимости ценных бумаг, выступающих в качестве залога при получении кредитными организациями кредита у Банка России. Таким образом, резко ограничилось возможность проведения денежно-кредитной политики Банком России.

Вторым существенным негативным фактором стало падение во второй половине 2014 г. цены на нефть (снизилась с июня по декабрь 2014 г. с 111,73 до 63 долл. за баррель). Кроме того, на конец 2014 г. пришелся пик погашения внешнего долга и соответственно произошло повышение спроса на иностранную валюту – все это в условиях дефицита иностранной валюты на валютном рынке и отсутствия возможности рефинансирования долгосрочных обязательств.

Наконец, на фоне введенных санкций, ограничивающих приток капитала, нерезиденты существенно сократили инвестиции в Россию. Тем самым, при увеличивающемся оттоке капитала произошла резкая «остановка» притока капитала. Введенные финансовые санкции ограничили возможность для российских компаний и кредитных организаций рефинансировать внешний долг, а также перекрыли доступ к внешним источникам иностранной валюты. Повылся спрос компаний на иностранную валюту на внутреннем рынке, что также оказало давление на курс рубля.

В совокупности все эти факторы привели в резкому падению курса рубля к доллару (за июнь – декабрь 2014 г. курс упал с 34 руб./долл. до 62 руб./долл.). Последующие девальвационные ожидания населения способствовали увеличению активов на 22,5 млрд долл. США. Компании-экспортеры держали валютную выручку, не конвертируя ее в рубли, многократно увеличились объемы спекулятивных сделок. Все это усилило падение курса рубля.

Для снижения инфляционного давления, долларизации экономики и уменьшения доходности спекуляций против рубля Банком России была повышена ключевая ставка до 17% [3].

Для поддержания валютного курса и увеличения объемов иностранной валюты в условиях ее дефицита у кредитных организаций, Банком России были введены специальные инструменты предоставления ликвидности кредитным организациям в иностранной валюте, а именно аукционы РЕПО в иностранной валюте и сделки «валютный своп», впоследствии были расширены сроки предоставления валюты в рамках механизма валютного РЕПО (1 неделя, 28 дней, 365 дней), процентные ставки по операциям по предоставлению иностранной валюты были снижены до ставок LIBOR +0,5 п.п.[3] Был введен на срок до 2017 г. инструмент предоставления кредитным организациям кредитов в иностранной валюте, под обеспечение кредитными требованиями в иностранной валюте (на срок 28 дней и 365 дней) [4].

Помимо нехватки иностранной валюты кредитные организации испытывали на себе дефицит ликвидности в национальной валюте. Для снижения этого дефицита Банк России расширил перечень активов в Ломбардном списке, были увеличены сроки предоставления средств, а также увеличены объемы предоставляемых кредитов под нерыночные активы. Отток капитала из банковского сектора был несколько компенсирован ростом объемов кредитования по операциям РЕПО.

В 2014 г. экономика России испытала на себе значительный отток капитала, который оказал давление на валютный курс рубля в сторону его понижения. Для его поддержания в рамках коридора Банку России пришлось бы задействовать значительную часть золотовалютных резервов. В связи с этим Банком России было принято решение о досрочном упразднении механизма курсовой политики в ноябре 2014 г., а не в октябре 2015 г., как было запланировано. Россия перешла от политики регулируемого валютного курса к свободному плаванию. Но пока Банк России оставляет за собой право валютных интервенций в случае шокового изменения валютного курса. Так, значительные колебания курса в 2014 г. в связи со значительным оттоком капитала, вынудили Банк России неоднократно проводить интервенции на валютном рынке, хотя их объем был сокращен до 350 млн долл. США в день.

В декабре 2014 г. в ответ на резкое обесценение рубля, в котором не последнюю роль сыграли крупные игроки валютного рынка, было введено (хотя на законодательном уровне нигде не декларировалось) адресное требование сдачи валютной экспортной выручки в качестве меры по снижению давления на валютный рынок. Для повышения предложения иностранной валюты на рынке со стороны компаний с государственным участием была направлена директива о приведении к 1 марта 2015 г. величины чистых валютных активов к уровню не выше, чем по состоянию на 1 октября 2014 г. [5].

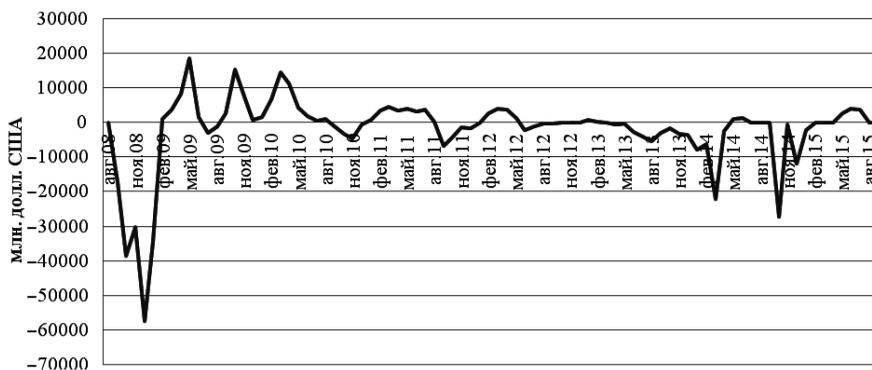
Таким образом, в отличие от кризиса 2008 г., монетарные власти старались поддержать банковский сектор, жертвуя валютным курсом рубля.

Давая оценку действиям Банка России, можно сказать, что в ситуации, когда денежно-кредитная политика определялась свободным движением капитала, управляемым валютным курсом и зависимой от этого монетарной политикой, решение властей Банка России о переходе к политике, предполагающей свободное движение капитала, свободный валютный курс и относительно независимую денежно-кредитную политику, было правильным. Верным были и последующие жесткие шаги по стабилизации сложившейся экономической ситуации. Политика перехода от управляемого «плавания» валютного курса рубля в рамках заданного коридора к свободному валютному курсу в кризисный период соответствует международной практике [6].

Но несмотря на проведенные правильные меры, ситуация в экономике приблизилась к катастрофической. Поэтому возникает вопрос: а была ли данная комбинация денежно-кредитной политики оптимальной? На наш взгляд, нет. Основной причиной кризисов 2008 г. и 2014 г. стал значительный отток капитала, поэтому ситуация могла быть значительно смягчена, если бы были введены меры ограничения трансграничного движения краткосрочного капитала.

Последующий 2015 г. также оказался нестабильным для фондового и валютного рынков. В январе два рейтинговых агентства (S&P и Moody's) снизили суверенный рейтинг России до спекулятивного, что спровоцировало продажу российских ценных бумаг нерезидентами. В это же время, несмотря на смягчение денежно-кредитной политики ЦБ РФ (снижение ключевой ставки в феврале 2015 г. с 17 до 15%), которое привело к снижению доходности облигаций, а также снижение премий по кредитно-дефолтным свопам (CDS) на государственный долг РФ, что должно было снизить эффект снижения суверенного рейтинга России и предотвратить падение интереса иностранных инвесторов, был зарегистрирован существенный отток спекулятивного капитала с фондового рынка России как из долевых, так и из долговых ценных бумаг. Это в совокупности с погашением внешнего долга повлияло на динамику валютного курса в сторону его понижения.

С марта по май 2015 г. укреплению курса способствовал приток капитала по линии портфельных инвестиций, вызванный покупкой нерезидентами резко подешевевших российских активов. В ответ на укрепление курса Банком России были проведены интервенции на валютном рынке по покупке долларов США (см. рис. 2). В IV квартале 2015 г. усилилась волатильность на фондовом и валютном рынках под давлением снижения цены на нефть, ожидания повышения ставки ФРС США и последовавшего из-за этого оттока капитала. Волатиль-

Источник: расчеты автора по данным Центрального Банка РФ (cbr.ru).

Рис. 2. Интервенции Банка России на внутреннем валютном рынке (чистая покупка).

ность валютного курса под действием внешних шоков и нестабильных потоков капитала сохраняется, поэтому для сглаживания колебаний курса Банк России продолжает использовать механизмы непрямого регулирования валютного курса, в том числе рефинансирование кредитных организаций в иностранной валюте, а также операции РЕПО в иностранной валюте на срок 12 месяцев.

Первая половина 2016 г. характеризовалась существенным сокращением (почти в два раза по сравнению со второй половиной 2015 г., а по сравнению с началом 2015 г. – в три раза) оттока капитала по финансовому счету платежного баланса на фоне стабилизации внешнеполитических отношений России и повышения цены на нефть. В связи с этим были отменены операции РЕПО в иностранной валюте на срок 12 месяцев. Для снижения объема обязательств в иностранной валюте в пассивах кредитных организаций Банк России повысил за 2016 г. норматив обязательного резервирования по обязательствам кредитной организации в иностранной валюте с 4,25 до 7,00% (и до 6% по обязательствам в иностранной валюте перед физическими лицами).

После перехода Банка России к политике инфляционного таргетирования дальнейших изменений для предотвращения внешних шоков не было. Набор инструментов денежно-кредитной политики Банка России изменялся лишь для проведения тех или иных мер по корректировке процентных ставок и регулирования уровня ликвидности банковской системы. Некоторые инструменты были применены для сглаживания колебаний курса рубля не прямым способом без выхода Банка России на валютный рынок, а лишь снижая или увеличивая спрос на иностранную валюту со стороны кредитных организаций.

С 2014 по 2016 гг. денежно-кредитная политика пошла по пути свободно плавающего валютного курса в условиях валютной либерализа-

ции. Таким образом, решение проблем, возникающих из-за внешних шоков в период глобализации, было предоставлено рыночным механизмам. Такой вектор развития монетарной политики характерен для большинства развитых стран. Но для отлаженной работы рыночных механизмов по корректировке экономической ситуации нужно, чтобы была развита и отлажена финансовая сфера страны, чтобы работали все финансовые рынки, чего пока еще нет в России. Монетарные власти следовали по пути либерализации экономики, при этом кризис и сильные внешние шоки, такие как падение цены на нефть, финансовые санкции, необходимость погашения основного объема внешнего долга, вынудили Банк России перейти к свободному плаванию курса рубля и последующему повышению процентных ставок. Но финансовая сфера была к этому не подготовлена. Банку России приходилось вмешиваться в динамику валютного курса, потому что автоматической стабилизации не происходило, как не происходит и сейчас, за тем лишь, исключением, что сейчас экономика страны не испытывает на себе сильных внешних шоков, поэтому внешне курс кажется относительно стабильным.

Но проводимая сейчас денежно-кредитная политика без развития финансового сектора не будет способна противостоять новому мощному внешнему шоку, если таковой произойдет в кратко- или среднесрочной перспективе. Более того, такие высокие процентные ставки фактически перекрыли возможности для последующего развития реального сектора. Поэтому изменения в системе инструментов денежно-кредитной политики должны касаться не только механизмов регулирования уровня ликвидности банковского сектора, но и механизмов борьбы с основным источником переноса внешних шоков в экономику РФ – нестабильными трансграничными потоками краткосрочного капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головнин М.Ю. Денежно-кредитная политика России в условиях глобализации. М.: Институт экономики РАН, 2012.
2. Богатова И.Э. Взаимосвязь денежно-кредитной политики и трансграничных потоков капитала // Вестник института экономики Российской академии наук. 2014. № 5. С. 128–140.
3. Обзор финансовой стабильности. М: Центральный Банк России. IV квартал 2014 – I квартал 2015.
4. О мерах Банка России по поддержанию устойчивости российского финансового сектора. М: Центральный Банк РФ, 2014.
5. Обзор финансовой стабильности. М: Центральный Банк России. IV квартал 2014 – I квартал 2015.

6. Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions. Washington, DC: International Monetary Fund, 2013.

I.E. BOGATOVA

Moscow School of Economics Lomonosov State University, Junior Researcher of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
bogatova.irina@gmail.com

THE EVOLUTION OF RUSSIAN MONETARY POLICY AT THE PRESENT STAGE IN THE PERIOD OF GLOBALIZATION

The article analyzes the changes in monetary policy under the influence of external shocks transmitted economy of Russia through the cross-border capital flows. It's also described the main directions and instruments of monetary policy used by the monetary authorities in the period from 1990 to 2016.

Keywords: *monetary policy, cross-border capital flows, exchange rate, foreign exchange interventions, interest rates*

JEL: E42, E44, E52, F31.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Д.Ш. ГОГОХИЯ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ: ОТ К. МЕНГЕРА ДО ДЖ.М. КЕЙНСА

В статье рассматриваются вопросы происхождения денег, их роли в становлении и развитии рыночной экономики. Известные в экономической литературе подходы сопоставляются с предлагаемым автором, в центре которого роль денег как предпочтительной для накопления (общепринятой) формы богатства, устраняющей влияние различий в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ на процессы рыночного ценообразования. Прослеживается связь между концепциями происхождения денег и осмыслением проблем современной центробанковской системы с частичным резервированием депозитов. Предлагаются меры, способные обеспечить безусловную сохранность стоимости денежных вкладов при сравнительно дешевом банковском кредите.

Ключевые слова: теория денег, кредит, цены, издержки содержания, банки.

JEL: E42, E52, F41.

Центральная идея неоклассической экономической теории состоит в том, что при свободном рыночном ценообразовании любое первоначальное или произвольно заданное распределение различных хозяйственных благ между людьми будет изменено в лучшую сторону, поскольку обмен доставит хозяйственные блага туда и тому, для кого они представляют сравнительно большую ценность. В связи с этим, моделируя условия общего рыночного равновесия на товарных рынках, экономисты (неоклассики) обычно обходятся без денег. Считается, что для оценки товаров в принципе подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. Специфическая функция денег состоит в том, что они облегчают товарообмен, после того как цены установлены рынком. Достаточно очевидно, однако, что если цены известны, то независимо от того, кем

и как они устанавливаются, деньги как средство обмена могут быть полностью замещены теми или иными формами кредита.

На самом деле этого не происходит и не может произойти, даже при планомерной организации общественного производства, поскольку во всяком обществе деньги воспринимаются и используются людьми не только как средство приобретения товаров, но также как форма богатства, пригодная (удобная) для накопления. Более того, если говорить о родовых признаках денег, то скорее они являются именно средством накопления¹. Ведь во всяком человеческом обществе, так или иначе, решается вопрос о том, сколько работать и какую часть результатов производства потратить, а какую – сохранить с целью накопления богатства. Деньги дают возможность принимать решения по этому вопросу независимо от натуральной формы производимых продуктов, далеко не всегда пригодных к накоплению. Именно поэтому полезные вещи и услуги отчуждаются в обмен на деньги (превращаются в товары), а желание увеличить денежные запасы (накопления) стимулирует общественное производство на всех исторических ступенях его становления и развития.

В современном обществе накопленный запас денег включает не только те формы денег (наличные и банковские вклады до востребования), которые используются для покупки товаров и других расчетов, но также деньги на сберегательных и срочных банковских депозитах (денежный агрегат M2) и, кроме того, денежные суммы, вложенные в надежные государственные ценные бумаги (денежный агрегат M3). Разумеется, денежные сбережения могут частично или полностью расходоваться теми, кто берет деньги в займы. Вместе с тем само существование банковских депозитов означает, что если бы их не было, вложенные в них деньги оставались бы по большей части неизрасходованными. Ведь деньги, находящиеся на банковских счетах, передаются банкам на хранение. Другой вопрос, что делают с ними банкиры, и почему развитие банковского бизнеса привело к практике частичного резервирования депозитов, что позволило банкам не требовать как прежде некоторой платы за хранение денег, а напротив, выплачивать процент. Нельзя недооценивать данное обстоятельство, поскольку при частичном резервировании банковских депозитов масштабы кредитования не ограничиваются ранее накопленными суммами денег и, следовательно, кредит выступает как особый и самостоятельный источник предложения денег. В этих условиях равновесие между предложением и спросом на деньги как непременное условие, обеспечивающее стабильность стоимости (покупательной силы) денег,

¹ Экономoантропологи на основе анализа первоисточников давно пришли к такому выводу. См.: [1].

предполагает в некоторых случаях превышение ставки процента по банковским депозитам над ставкой процента по банковским кредитам. Понятно, что такая процентная политика означала бы разорение частных банков, но этого никак нельзя сказать о Центральном банке. Задача состоит в том, чтобы в рамках существующей центробанковской системы с частичным резервированием депозитов обеспечить как дешевизну кредитов на долгосрочной основе, так и безусловную сохранность стоимости денежных накоплений. Проще всего это сделать, если в области аккумуляции денежных средств на банковских депозитах коммерческие банки будут выступать как простые филиалы Центрального банка. Это нисколько не подорвет ресурсную базу коммерческих банков, если Центральный банк, помимо обычных кредитов, будет устанавливать лимит кредитования коммерческих банков по весьма низкой ставке процента в зависимости от размеров денежных средств, собранных банком посредством открытия по поручению Центрального банка депозита, гарантирующего безусловную защиту от инфляции. Пересматривая ставку процента по данному депозиту (назовем его стабилизационным счетом Центрального банка – ССЦБ) и кредитам по отдельности, Центральный банк в короткий срок способен погасить инфляционные ожидания, улучшив вместе с тем перспективы развития отраслей и производств, независимо от их ориентации на внешние или внутренние рынки. Для двойного решения по ставкам процента нет никаких препятствий. Нужно только исключить возможность появления денег, выданных в кредит по льготной ставке одному банку, на ССЦБ в других банках. Сделать это нетрудно путем фиксации разницы в сроках предоставления кредитов и выплаты процентов по этому счету².

В рамках традиционного взгляда, укорененного в экономической науке, деньги в лучшем случае могут нарушать процессы ценообразования на товарных рынках, хотя не совсем понятно, как это происходит, ибо никакой общепринятой (достаточно обоснованной) теории, разъясняющей взаимосвязь между процессами ценообразования (спросом и предложением) на товарных и денежном рынках на сегодняшний день не существует. При этом не прекращаются попытки «теоретически» обосновать практическую значимость принципа неизменности стоимости денег. Неудивительно, что меры, направленные на стабилизацию стоимости денег, как правило, чреватые негативными последствиями для производства и занятости и вызывают законные нарекания, поскольку способны вообще заморозить деловую активность. В связи с этим вполне понятна позиция экономистов, которые настаивают на существенном снижении ключевой ставки Центрального банка России, хотя не до конца ясно, почему эта мера будет сти-

² См. подробнее: [2, гл. 2].

мулировать производство товаров, а не просто рост цен и еще большее падение валютного курса.

Устойчивое развитие рыночной экономики в сколь угодно длительной перспективе вполне достижимо именно при дешевом кредите для заемщиков, использующих деньги для покупки производственных ресурсов, и прежде всего рабочей силы, по устойчивым (равновесным) ценам на товарных рынках. Дешевый кредит будет стимулировать исключительно рост производства, не затрагивая общий уровень цен (меновую стоимость денег), при наделении Центрального банка дополнительными функциями, о которых говорилось выше. Однако для строгого обоснования этой меры необходимо отказаться от ортодоксального взгляда на деньги, к чему, кстати сказать, призывают многие экономисты (среди них такие известные авторы, как Н. Калдор, Дж. Стиглиц, Х. Мински, Б. Бернанке, Д. Инхем и др.), акцентирующие внимание на кредитной природе современных (банковских) денег³.

Настоящая работа посвящена в основном фундаментальным вопросам теории денег: их происхождению (назначению) и роли в процессах ценообразования. Без внесения полной ясности в эти вопросы обсуждать проблемы экономической политики вообще и денежно-кредитной политики в частности, – занятие малопродуктивное, вызывающее нескончаемые дискуссии, о чем свидетельствует вся история экономической мысли. *Мы намерены показать, что по происхождению и назначению своему деньги – средство накопления. Спрос на деньги играет ключевую роль в становлении товарного производства и нормализации процессов ценообразования на всех ступенях его развития. Только спрос на деньги как средство накопления формирует такие цены, которые уравновешивают спрос и предложение на всех рынках, в том числе на рынке рабочей силы и на кредитном.*

По фундаментальным вопросам теории денег высказывались практически все крупные экономисты и экономические школы. Вместе с тем, учитывая наш интерес к деньгам как средству накопления, нельзя не выделить учение Дж.М. Кейнса, хотя самостоятельный интерес представляет в этой связи, как ни странно, и учение о деньгах родоначальника австрийской школы К. Менгера.

Учение о деньгах Дж.М. Кейнса и К. Менгера

Дж.М. Кейнс исходил из той простой истины (положив ее в основу теории денег и процента), что *деньги высоко ценятся хозяйствующими субъектами как форма богатства, накопление которой снижает беспокой-*

³ Обзор литературы и анализ новейших тенденций по вопросам теории денег и кредита см. в монографии Ю. Вымятниной [3].

ство относительно неопределенного будущего. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, т.е. возможность использования их для достижения различных (не определенных заранее) целей, но также на минимальные издержки содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но как справедливо подчеркивает Кейнс (в 17 главе «Общей теории занятости, процента и денег»), деньги – это такая форма богатства, накопление которой и, соответственно, растущий спрос не встречают противодействие со стороны растущих издержек содержания. Кейнс считал, что поскольку все товары длительного пользования также отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания, то спрос на деньги как предпочтительной для накопления формы богатства может замещаться спросом на товары и наоборот. Нельзя не отметить также, что, по Кейнсу, «ликвидность» и «издержки содержания» важны в некотором сочетании, т.е. значение имеют не (L) и (c) по отдельности, а $(L - c)$. При этом не существует никакой абсолютной (количественной) нормы ликвидности, а только шкала ликвидности, которая учитывается при оценке сравнительных преимуществ владения различными формами богатства [4, с. 323]. Формула $(L - c)$ просто показывает, что именно сочетание относительно высокой ликвидности и абсолютно низких издержек содержания характеризует хозяйственное благо с точки зрения пригодности к накоплению по сравнению с другими благами. В этой связи Кейнс поправлял авторов, которые считали, что тягу к деньгам легко устранить, наложив какой-то налог на хранимые суммы. Никакой налог, указывал Кейнс, не способен устранить различий между хозяйственными благами как хранилищами богатства. «Испортив» одни деньги, мы лишь получим взамен другие. На самом деле это не совсем так, учитывая, что к существующим деньгам люди привыкают, а всякий отказ от привычек сопряжен с издержками. Но различия между хозяйственными благами как хранилищами богатства, на которые указал Кейнс, не только имеют важное значение при исследовании колебаний спроса и цен на рынках капитальных благ и финансовых рынках. Эти различия проливают свет на становление и развитие самого товарного производства. Чтобы убедиться в этом, обратимся к учению о деньгах К. Менгера [5], которое высоко ценится всеми экономистами (не только сторонниками австрийской школы) за то, что в его рамках деньги как общепринятое средство платежа за товары появляются на свет не как результат какого-то соглашения или принуждения, а спонтанно, в ходе эволюционного процесса, как результат свободного осмысленного выбора хозяйствующих субъектов.

В основе учения К. Менгера лежит сходная с кейнсианской идея о том, что товары отличаются не только по своей непосредственной

полезности, но и по своей способности к обмену (сбыту), т.е. степени ликвидности. Если бы это было не так, несовпадение предпочтений товаровладельцев (владелец товара *A* желает обменять свой товар на товар *B*, в то время как владелец товара *B* предпочитает товар *C* и т.д.) оказалось бы непреодолимым и создавало бы постоянно возникающие тяжелые препятствия для разделения труда и производства благ для неизвестного покупателя. Но поскольку товары отличаются способностью к сбыту, перед каждым хозяйствующим субъектом встает альтернатива: либо отказаться от обмена, учитывая трудности бартера, либо постараться обменять свой товар на такой, который обладает большей способностью к сбыту, чем собственный. Во втором случае вероятность достижения хозяйствующим субъектом своей конечной цели – приобретение путем обмена необходимых ему потребительских благ – значительно увеличивается. Менгер особо подчеркивал, что хотя обмен товаров, обладающих меньшей способностью к сбыту, на товары с большей способностью к сбыту отвечает экономическому интересу всякого хозяйствующего индивида, но фактическое проведение таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны хозяйствующих субъектов, которые никогда сразу не приходят в одно и то же время к такому пониманию. Напротив, сначала только отдельные, наиболее предусмотрительные и деятельные хозяйствующие субъекты начинают понимать преимущество обмена на товары с большей способностью к сбыту и практиковать такой обмен. Но чем больше людей следует их примеру, тем очевиднее и весомее выгода использования того или иного товара в качестве денег (средства обмена). «Таким образом, практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами» [5, с. 4]. Ирония, однако, в том, что, пытаясь разъяснить, почему собственно товары различаются способностью к сбыту, и рассматривая в этой связи эволюцию товарных форм денег, К. Менгер выделяет черты, благодаря которым товары ценятся людьми как средство накопления.

Возьмем такую известную многовековую форму товарных денег как домашний скот, которая отличалась, как отмечает Менгер, большой притягательной силой, ибо скотоводческие народы высоко ценили домашний скот по трем причинам.

Во-первых, домашний скот полезен во многих отношениях⁴.

Во-вторых, «скот представляет собой товар с достаточной способностью сохраняться, издержки на его содержание всюду, где много

⁴ Он доставляет молочные и мясные продукты питания, материал (шерсть и шкуры) для одежды, жилья и т. п.

дугов и где он содержится не в особых помещениях, чрезвычайно малы» [5, с. 7].

Наконец, в-третьих, рыночная стоимость скота отличалась устойчивостью, так как в условиях, «когда каждый стремится обладать как можно большими стадами, вряд ли мыслимо переполнение им рынка»⁵. Вместе с тем в связи с разделением занятий, образованием городов с населением, занимающимся по преимуществу ремеслом, стимулы к накоплению скота ослабевают, в частности, из-за растущих издержек, связанных с его содержанием⁶. Поэтому, по мере культурного развития как по отношению к кругу лиц, так и по отношению ко времени, в течение которого можно пренебречь издержками содержания, способность скота служить общепринятой формой богатства уступает все больше и больше подобной же способности других благ, а именно металлам, и, в конечном счете, золоту и серебру [5, с. 9].

Опираясь на эволюцию товарных форм денег, Менгер вопреки намерению, фактически учит тому, что обычно люди предпочитают накапливать такое благо, которое может иметь различное употребление, служить разным целям, т.е. обладает естественной ликвидностью⁷. Но принципиально важно, чтобы растущий запас хозяйственного блага не встречал противодействие со стороны растущих издержек хранения (содержания). При этом если благо, в силу пригодности к накоплению по двум свойствам (L и c), выбрано в качестве предмета накопления многими людьми, сам процесс накопления будет способствовать стабильности (устойчивости) его рыночной стоимости. Обобщая, нетрудно сделать главный вывод: чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им вовсе не обязательно быть посредником при обмене – им достаточно обладать свойствами, которые ценятся (имеют значение) для *всех хозяйствующих субъектов*. Поскольку некоторые из этих свойств (пригодность к накоплению) с самого начала ясны каждому хозяйствующему субъекту, появление и использование товарных форм денег как *общепринятого средства платежа* нигде и никогда не нуждалось ни в каком соглашении и/или государственном принуждении. Поскольку по происхождению своему деньги не являются продуктом какого-то соглашения, более точно определять деньги не как *общепринятое*, а как *принимаемое всеми* средство платежа.

⁵ [5].

⁶ «Даже для сельского хозяина сохранение и забота о скоте не составляет сколько-нибудь значительной экономической жертвы только до тех пор, пока в его распоряжении сколько угодно лугов и не исчезло обыкновение держать животных на воле» [5, с. 9].

⁷ В этом отношении большинство сырьевых товаров имеет явное преимущество перед готовой продукцией.

Сказанное о происхождении и назначении денег несколько не противоречит тому, что по мере развития товарного (специализированного) производства все большая часть денежной выручки от продажи товара расходуется на приобретение других товаров. Но если бы деньги воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами только как средство платежа за товары, решения относительно объемов покупок и продаж различных товаров оставались бы несогласованными, порождая, с одной стороны, избыточный спрос, а, с другой – избыточное предложение на различных товарных рынках.

Возьмем в качестве примера ситуацию, описанную А. Смитом. Хотя А. Смит много сделал для развенчания денег как средства накопления (в связи с критикой меркантилистских учений), он хорошо понимал, что развитие товарного (специализированного) производства в известной степени смягчает противоречие, связанное с несопадением предпочтений товаровладельцев. Ведь всякое расширение товарного (специализированного) производства означает расширение круга потенциальных торговых партнеров для каждого отдельного товаровладельца. Поэтому рассуждение о трудностях или издержках безденежной бартерной торговли никогда не использовалось Смитом. Обсуждая обстоятельства возникновения денег, А. Смит отмечал, что безденежную торговлю (обмен) ограничивают (затрудняют) не издержки, связанные с поиском торговых партнеров, а уже накопленные товарные запасы. Если, например, мясник уже запасен тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время, между ним, пивоваром и булочником не может состояться обмен [6, с. 83]. Нетрудно заметить, однако, что пивовару и булочнику намного легче было бы договориться с мясником, если допустить, что хлеб и пиво были бы столь же долговечны, не подвержены порче и занимали столь же мало места как деньги. Мясник наверняка пошел бы навстречу булочнику и пивовару в их желании приобрести дополнительное количество мяса, если бы прирост запасов хлеба и пива, как платы за мясо, был бы столь же необременителен с точки зрения издержек содержания, сколь необременителен прирост запаса денег. С другой стороны, если бы деньги воспринимались и использовались мясником (равно булочником и пивоваром) только как средство приобретения товаров, способ оплаты (замена товара деньгами) не мог бы ничего изменить в ситуации, когда отдельный товаровладелец, ориентируясь исключительно на собственные предпочтения и издержки, не идет навстречу другим товаровладельцам в плане расширения продаж своего товара, будь то мясо, хлеб или пиво.

Казалось бы, затруднение исчезает, если принять во внимание зависимость спроса и предложения от соотношения цен товаров и, соответственно, возможность при необходимости пересматривать

меновые пропорции, как это имеет место в неоклассической модели общего рыночного равновесия Л. Вальраса. Но у Вальраса процесс согласования решений, принимаемых хозяйствующими субъектами относительно продаж (покупок) своих (чужих) товаров, находится под бдительным контролем всевидящего аукциониста, который назначает цены и тут же, если они не уравнивают спрос и предложение на всех товарных рынках, аннулирует контракты на покупку и продажу товаров по этим ценам и назначает новые.

Работа Вальраса сыграла важную роль в прояснении условий общего рыночного равновесия, поскольку очевидно, что на той стадии развития товарного производства, когда товары производятся посредством товаров и их объем и разнообразие многократно увеличиваются, каждый товаровладелец, планируя свои продажи и покупки, стоит перед выбором, суть которого в том, чтобы отобрать из огромного множества торгуемых товаров оптимальную для себя корзину. При этом планы (намерения) всех товаровладельцев должны быть учтены и согласованы таким образом, чтобы все товары были распроданы. Но было бы большим преувеличением сказать, что Вальрас или кто-либо другой из экономистов до конца разъяснил механизм оптимального отбора и рыночного согласования посредством корректировки цен. И дело тут не в том, что на подавляющем большинстве товарных рынков нет фигуры вальрасовского всевидящего аукциониста, аннулирующего контракты по неравновесным ценам и назначающего набор новых цен. Дело в том, что, с одной стороны, никакой новый набор цен не приближает к общему рыночному равновесию, если изменения в меновых пропорциях (при переходе к новым ценам) по-разному влияют на стоимостную величину товарного запаса (бюджетного ограничения), с которым хозяйствующие субъекты выходят на рынок, а с другой – различия в товарных запасах обуславливаются именно развитием товарного (специализированного) производства, особенно когда товары производятся посредством товаров.

Деньги, закон спроса и закон Вальраса

Из уравнений общего рыночного равновесия Вальраса, строго говоря, можно вывести лишь одно: при любом наборе цен избыточный спрос на одних товарных рынках уравнивается по стоимости избыточным предложением на других. Допуская, что цены назначаются, скажем, в рублях (но ни у кого из торгующих агентов нет запаса рублей, т.е. рубль – условная счетная единица), можно и должно ожидать (опираясь на уравнения Вальраса), что повышение цен на одних рынках будет непременно сопровождаться их снижением на других. Но отсюда вовсе не следует, что повышение цен на одних рынках и сниже-

ние на других побудит владельцев дефицитных товаров и владельцев избыточных товаров увеличивать спрос на избыточные товары, сокращая тем самым спрос на дефицитные. Ведь разнонаправленное изменение цен будет воздействовать разнонаправленно на покупательную способность (реальную величину богатств) экономических агентов. Одни станут богаче, другие – беднее. Ожидать в этих условиях согласованного поведения рыночных агентов по расчистке товарных рынков нет достаточных оснований. Эффект реального богатства, или, как его чаще называют, эффект дохода, будет эффективно противодействовать такому согласованному поведению (подробнее см.: [8, гл. 2]).

Только денежная форма богатства раскрывает нам механизм рыночных сил спроса и предложения, обеспечивающих согласованное поведение людей в ответ на изменение рыночных цен, независимо от набора полезных вещей и услуг, находящихся в их распоряжении. Проблема в том и состоит, что всякое изменение цен по-разному влияет на финансовое положение рыночных агентов (в зависимости от величины и состава бюджетного ограничения). Согласованность в поведении достигается в той мере, в какой изменение денежной цены воспринимается как изменение меновой стоимости товара, но не денег, меновая стоимость которых должна восприниматься как нечто данное и неизменное. Только в этом случае эффект дохода будет действовать в том же направлении, что и эффект замещения, ибо деньги будут восприниматься как «лучший товар» для накопления. В противном случае (если хозяйствующие субъекты начинают учитывать возможность изменения меновой стоимости денег) нарушается единство и взаимосвязь процессов ценообразования на товарных рынках, что совершенно исключается в рамках модели общего рыночного равновесия. Тем не менее единство и взаимосвязь процессов рыночного ценообразования нарушится из-за естественных различий в степени ликвидности и издержках содержания товаров, ибо при наличии сомнений в стабильности меновой стоимости денег, различия в пригодности к накоплению ($L - c$) привлекут к себе особое внимание и приобретут тем самым значение особого и самостоятельного *ценообразующего* фактора, перемещающего совокупный спрос от денег к товарам дифференцированно. Иначе говоря, эти различия приобретут значение фактора, стимулирующего спрос на одни товары в ущерб другим. На языке неоклассической теории сказанное означает, что произойдут дифференцированные (не одинаковые) сдвиги кривых спроса на всех товарных рынках.

Неоклассическая экономическая теория в короткий срок завоевала господствующее положение в экономической науке, не в последнюю очередь благодаря обоснованию закономерностей спроса, увязав их с рациональным выбором потребителя. Считается, что необходимость выбора (рационального) диктуется практически неограниченными

потребностями людей (во всяком случае людей, живущих в современном обществе) и ограниченностью ресурсов по их удовлетворению, допускающих различное (альтернативное) использование. При этом «...сама по себе ограниченность ресурсов, несмотря на всю свою важность, не составляет достаточного признака экономических явлений. Если средства ограничены, но не имеют альтернативного использования, их нельзя «экономить» [9, с. 17]. Точнее будет сказать, что экономические стимулы к экономии ресурса, не имеющего альтернативного использования, будут относительно слабыми. Но если ключевой аспект проблемы рационального выбора связан с тем, что одни и те же средства (ресурсы) могут иметь различное употребление, использоваться для достижения различных целей, наиболее ценным ресурсом в этой связи являются деньги. При этом чтобы понять, как деньги становятся деньгами, имеет смысл обратить внимание на тот факт, что в принципе любое благо с низкими издержками содержания вписывается в логику рационального выбора. Ведь всегда существует альтернатива между использованием такого блага в разные моменты времени.

Законы спроса действительно связаны с рациональным выбором потребителя, но именно потому, что рациональный потребитель выходит на рынок не с запасом товаров, а с запасом денег. Вопрос о том, где и как он приобретает деньги, имеет непосредственное отношение к вопросу о движущих силах товарного производства. В целях прояснения закономерностей спроса имеет смысл снабдить нашего потребителя запасом денег безвозмездно (сбросив деньги, например, с вертолета) и посмотреть, почему его поведение подчиняется или, напротив, не подчиняется закону, согласно которому между ценой и спросом на товар существует обратная зависимость.

Поскольку запас денег является тем ограничением, из которого исходит в своих планах и расчетах потребитель, изменение планируемого спроса на какой-то товар предполагает в качестве неперемного условия изменение в противоположном направлении спроса на деньги или на какой-то другой товар или товары. Но если предположить (как это обычно делается при построении кривой спроса)⁸, что цены всех прочих товаров остаются неизменными, изменение цены одного товара должно приводить к изменению спроса только на деньги и на тот товар, цена которого изменилась. При данном, аналитически вполне оправданном предположении кривая спроса во всех точках будет иметь отрицательный наклон, если количество денег, рас-

⁸ Кривая спроса индивида или любой группы индивидов на конкретный товар показывает количество товара, которое они пожелают приобрести в единицу времени при каждой цене.

ходуемых на товар, увеличивается или сокращается в меньшей пропорции, чем количество товара, приобретаемого за деньги.

В понятиях неоклассической теории такое соотношение количества денег и товара можно и должно объяснить тем, что предельная полезность денег убывает с меньшей скоростью, чем предельная полезность товара. Если это так, то при обосновании закона спроса предельную полезность денег можно принять в качестве постоянной величины, что без лишних слов зафиксировало принципиальное соотношение (разницу) между скоростью убывания предельной полезности денег и предельной полезности товара (не денег).

Выделение из мира хозяйственных благ денег и неденег (товаров) связано с тем, что скорость убывания предельной полезности различных хозяйственных благ неодинакова, прежде всего потому, что неодинакова оценка благ как хранилищ богатства. Чем выше такая оценка, учитывающая, естественно, степень ликвидности и издержки содержания ($L - c$), тем сравнительно медленнее убывает полезность при одинаковом в процентном отношении увеличении количества блага, которым распоряжается или желает распоряжаться хозяйствующий субъект.

Закон спроса, упорядочивая процессы рыночного ценообразования, играет ключевую роль в формировании стоимостей товаров как устойчивых цен, при которых достигается равенство спроса и предложения на взаимосвязанных законом Вальраса рынках. Но чтобы закон спроса действовал на всех рынках, включая высоколиквидные, т.е. с высоким ($L - c$), критически важно, чтобы находящиеся в обращении деньги воспринимались преимущественно как средство сохранения стоимости и в этой связи как предпочтительная для накопления форма богатства. Ведь привлекательность денег с точки зрения ликвидности и издержек содержания ($L - c$) заведомо выше привлекательности любого товара. Но рост денежных цен, означающий падение меновой стоимости денег, означает вместе с тем возможность быстрого обогащения посредством накопления тех или иных товаров, т.е. отсрочки их превращения в деньги. При этом именно те товары, которые отличаются высоким ($L - c$), становятся особенно привлекательными для накопления. Поэтому при падении меновой стоимости денег существенные преимущества в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ ($L - c$) учитываются хозяйствующими субъектами при плановых расчетах об объемах покупок и продаж различных товаров, что ведет к деформации структуры рыночных цен и, как следствие, к финансово-экономическим кризисам.

Таким образом, получается, что проблема стандарта стоимости, воспринимаемого как нечто данное и неизменное, это не просто проблема теоретического осмысления практически наилучшей (идеальной) меры стоимости (ценности), над которой бились классики поли-

тической экономии, – это проблема создания условий, при которых обеспечивается способность рыночной экономики к саморегулированию и устойчивому равновесию.

В заключение не лишним будет показать, что принцип неизменности стоимости денег не только согласуется с теорией предпочтения ликвидности Кейнса, но придает ей логическую строгость. Кейнс заложил основы денежной теории, указав на свойство ликвидности и минимальные издержки содержания, поскольку эти свойства сохраняются в активе денег как средства накопления при любых обстоятельствах, независимо от места и времени. Достаточно очевидно, что в обществах с рыночной экономикой привлекательность денег как средства накопления зависит во многом от устойчивости их меновой стоимости, которая определяется не только спросом на деньги, но также их предложением.

В современной посткейнсианской литературе вопросам предложения денег уделяется особое внимание, хотя высказывания самого Кейнса по этому поводу довольно банальны. С одной стороны, он указывал, что предложение денег в долгосрочном аспекте не может оставаться жестким, ибо при росте производства нормальным выходом из положения будет скорее изменение самой кредитно-денежной системы, чем снижение цен. Но в краткосрочном аспекте предложение денег находится под жестким контролем денежных властей и этим отличается от предложения товаров. Иначе говоря, номинальное количество денег не может быть увеличено рыночной экономикой также легко, как количество каких-то ценных товаров за счет сокращения производства менее ценных товаров. При этом, однако, эффективное, с учетом покупательной способности, предложение денег нельзя рассматривать как строго постоянное. «В частности, понижение заработной платы высвободит наличные деньги из других областей применения для удовлетворения потребности в ликвидности. Кроме того, при падении ценностей товаров в деньгах повысится отношение общего количества денег к совокупному богатству общества» [4, с. 317]. Кейнс приводит ряд причин, из-за которых в экономике привычного для нас типа «падение ценностей товаров в деньгах» не в состоянии повысить спрос на товары за счет снижения спроса на деньги. Вместе с тем все эти причины так или иначе сводятся к $(L - c)$, т.е. к показателю, по которому можно судить о способности разных благ замещать собою деньги [4, гл. 17]. Так неужели эта способность столь низка у любых торгуемых на рынке благ, что деньги, по существу, незаменимы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужна не Общая теория занятости, процента и денег, а Общая теория денег, процента и стоимости, раскрывающая природу денег как средства сохранения стоимости, а процента как той цены, которая обеспечивает или должна обеспечивать устойчивость стоимости денег по сравнению с любыми не денежными

товарными активами. Ведь согласно теории предпочтения ликвидности, процент – это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги инвестируются или отдаются в долг другому лицу⁹. Однако деньги могут приносить убытки и при хранении, если товарные цены растут. Иначе говоря, существует риск, связанный с потерей (снижением) стоимости самих денег. Кейнс не обратил должного внимания на данное обстоятельство. Между тем логически строгая теория предпочтения ликвидности предполагает, что деньги имеют преимущество перед товарами именно как средство сохранения стоимости. Ведь если существуют активы, стоимость которых более устойчива, чем стоимость денег, мотив предпочтения ликвидности повисает в воздухе. Способность денег служить средством достижения различных (заранее не определенных) целей утрачивает экономическую ценность. Для чего хранить деньги, если в качестве средства сохранения стоимости более пригодны товары, которые при возникновении каких-то непредвиденных платежей или расчетов могут быть без дополнительных издержек превращены в деньги. Единственное требование к хранимым товарам – низкие издержки содержания. Если не придавать значения данному фактору и исходить из того, что стоимость товаров более устойчива, чем стоимость денег, или даже столь же устойчива, как стоимость денег, свойство ликвидности может быть перенесено на товары не только без всякого ущерба, но даже с достаточно обоснованной претензией более глубокого анализа товарно-рыночной организации общественного производства. К этому сводится скрытый смысл или действительное содержание учения К. Маркса о форме стоимости, раскрывающее процесс возникновения денег как всеобщего эквивалента из противоречия, заключенного в товаре. В результате получилась общая теория товара, стоимости и денег, разъясняющая, почему купля и продажа товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения, не может быть сведена к нему даже при простом товарном производстве, не говоря уже о производстве товарно-капиталистиче-

⁹ Многие крупные экономисты как до, так и особенно после Кейнса отказывались рассматривать процент как плату за сбережения. Отмечалось, что акт сбережения далеко не всегда означает жертву, связанную с откладыванием потребления и таким образом нуждающуюся в компенсации или поощрении в виде получаемого процента. Кроме того, как подчеркивал Кейнс, процент не в состоянии уравновешивать сбережения и инвестиции, коль скоро предполагается, что люди делают сбережения из доходов с целью увеличить потребление в будущем. В этом случае повышение нормы процента не стимулировало бы сбережения, а напротив, угнетало бы их, так как запланированное на будущее потребление при более высокой ставке процента могло быть достигнуто посредством меньших сбережений. Достаточно убедительно поэтому выглядит заявление Кейнса о том, что процент – это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью.

ском. Как это видно из вышеизложенного, купля и продажа товаров за деньги действительно не может быть сведена к простому товарному отношению, но по более глубокой причине, чем это полагал Маркс. В этой связи анализ товарно-рыночной организации общественного производства нужно начинать не с товара, а с денег, которые, как это видно из вышеизложенного, приобретают свойство ликвидности (непосредственной обмениваемости) именно как предпочтительная для накопления форма богатства – и никак иначе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов С. Деньги и экономическая психология // Деньги и кредит. 1992. № 1.
2. Гогохия Д.Ш. Деньги, кредит и банки. М.: ИЭ РАН, 2016.
3. Вымятина Ю. Теория денег. СПб, 2014.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
5. Менгер К. Основания политической экономии. Гл. 8. Учение о деньгах. gumfak.ru/econom/html/menger/menger09.shtml.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
7. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Изд-во «Изограф», 2000.
8. Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1993.
9. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. Т. 1. 1993.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

D.SH. GOGOKHIYA

doctor habilitatus in economics, leading research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
gogohia.dorik@yandex.ru

THEORY OF MONEY: FROM K. MENGER TO J.M. KEYNES

The paper distinguishes the functions of money, its role for emergence and performance of market economy. Money is interpreted as a socially accepted form of wealth which role is to neutralize the impact of differences in liquidity and maintenance costs among traded goods on pricing. This approach is compared to those of classical, neoclassical and institutional economics. Rival theories of money origins are used as a background to assess controversies over contemporary fractional reserve banking. The author offers the measures for preserving of value of money deposits, while keeping bank credits at moderate level.

Key words: *theory of money, credit, prices, maintenance costs, banking.*

JEL: E42, E52, F41.

И.И. СМОТРИЦКАЯ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
заведующая сектором контрактных отношений
Института экономики РАН

С.И. ЧЕРНЫХ

доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором Института проблем развития науки РАН,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

КОНТРАКТНАЯ ПАРАДИГМА. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ-2016

В статье рассматриваются основные направления исследований О. Харта и Б. Хольмстрёма – лауреатов Нобелевской премии по экономике 2016 г., раскрывается их вклад в развитие теории контрактных отношений, понимание природы и факторов контрактации. Показано значение работ новых нобелевских лауреатов для решения социально-экономических задач российской экономики.

Ключевые слова: *контрактная парадигма, внутрифирменные отношения, исследования и разработки, эффективный контракт, теория неполных контрактов.*

JEL: B400; C780.

Лауреатами 48-й премии по экономике памяти Альфреда Нобеля, которую неофициально называют «Нобелевской премией по экономике», стали англичанин Оливер Харт (Гарвардский университет) и финн Бенгт Хольмстрём (Массачусетский технологический институт) с формулировкой «за вклад в теорию контрактов» (for their contributions to contract theory). Говоря обобщенно, работы этих новых лауреатов посвящены теоретическому исследованию проблем развития контрактных отношений и сравнительному анализу применяющихся различных форм контрактов между экономическими агентами.

Выбор Нобелевского комитета представляется далеко не случайным. В последние десятилетия в экономической науке резко возрос интерес к институциональной теории и, в частности, к концептуальному рассмотрению рыночных отношений сквозь призму взаимовыгодных контрактных (договорных) отношений. В научной литературе такой подход называют *контрактной (договорной) парадигмой*. На базе теории прав собственности (Р. Коуз, Р. Познер, С. Пейович) и теории оптимального контракта (Дж. Стиглиц, Й. Макнил) институциональная теория рассматривает проблему развития контрактных отноше-

ний с учетом широкого спектра форм собственности и контрактных форм. Более того, в связи с существующей тенденцией к доминированию высокотехнологичной информационной модели экономики меняется сам предмет экономической науки: если раньше она была «наукой о выборе», то теперь она в большей степени становится «наукой о контрактах» [1, с. 69]. При этом деятельность экономических субъектов рассматривается преимущественно сквозь призму взаимовыгодных контрактных отношений в рамках контрактной парадигмы, которая может реализовываться как через внешнюю институциональную среду (выбор правил игры: социальных, правовых и политических), так и через внутрифирменные отношения. Соответственно организация и управление рассматриваются учеными данного направления как сплетение контрактов, поэтому для них экономические теории контракта и теории организации тесно связаны.

Так, представитель новой институциональной теории, нобелевский лауреат (2009 г.) О. Уильямсон большую часть экономических отношений (фактически все отношения, которые не являются свободно-рыночными), считает контрактными. Субъекты экономических отношений заменяют обычную рыночную сделку купли-продажи на свободном рынке более сложной формой экономической организации – контрактацией для достижения большей эффективности. О. Уильямсон показал, что такие ранее считавшиеся разноплановыми феномены, как вертикальная интеграция, способы организации работы, современная корпорация, корпоративное управление, государственное регулирование, имеют схожую контрактную природу и потому доступны для анализа на основе единой концепции транзакционных издержек [2, с. 549, 550]. Данные издержки во многом зависят от того, справится с реализацией транзакции рынок или нужны какие-то иные (дополнительные или комплементарные) механизмы. Вместе с тем главная сложность при заключении любого контракта состоит в том, что он почти всегда содержит в себе конфликт интересов и ни одна из сторон не обладает полной информацией о предмете контракта.

Именно этот конфликт интересов в рамках внутрифирменных отношений рассматривает в своих работах Бенгт Хольмстрём [3]. Согласно разработанному им принципу информативности, размер выплат одного агента другому должен быть связан со всеми возможными показателями, которые могут указать на действия второго агента. Как поясняет научно-популярное изложение теории контрактов, опубликованное Нобелевским комитетом, в оптимальном контракте размер выплат менеджеру, работа которого влияет на стоимость акций компании, должен зависеть не только от изменений стоимости акций, но и от изменения стоимости акций других компаний той же отрасли. В противном случае работник может получать премии или, наоборот, не получать

их из-за факторов, которые от него не зависят. Так, для областей, деятельность в которых связана с высокой долей риска, теория рекомендует выбирать постоянные оклады, а в устойчивых областях экономики зарплаты можно связать с показателями продуктивности [4].

Представляется, что теория Б. Хольмстрёма вполне может быть использована в российских реалиях, в частности, при организации работы по внедрению так называемого «эффективного контракта» в сфере исследований и разработок. Согласно утвержденной распоряжением Правительства РФ «Программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы», эффективный контракт – это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых услуг, а также меры социальной поддержки.

Пока не ясно, какие конкретные виды контрактов с исследователями будут действовать в научных организациях. Если это контракт в области прикладных исследований и разработок, где к определенному сроку добиться результата вполне возможно, – это одно. Если это контракт в области чистых фундаментальных исследований, где результат может быть достигнут через десятки лет, – это совершенно другое. Также следует учитывать, что отрицательный итог исследований – это тоже результат, который идет в приращение новых знаний о природе и обществе. Риск при проведении фундаментальных исследований значительный, и именно здесь, как нигде, следует использовать постоянные оклады в рамках базового финансирования, дополненного конкурсными механизмами. Что касается прикладных исследований, то они более связаны с показателями продуктивности (в данном случае – количество публикаций, индекс цитируемости и т.д.). Вместе с тем мы согласны с точкой зрения, что «существующие библиометрические индикаторы науки позволяют лишь косвенно оценить внешние стороны научной деятельности, а приняты они, в основном, в интересах облегчения статистического учета с институциональных позиций, без оценки содержательных аспектов собственной активности науки» [5, с. 10]. Кстати, по своей публикационной активности оба новых нобелевских лауреата по экономике вряд ли бы считались у нас корифеями.

Работы профессора Гарвардского университета Оливера Харта посвящены проблемам государственного регулирования экономики, теории контрактов и корпоративного управления [6]. Основной вклад О. Харта состоит в разработке одной из областей теории контрактов – теории «неполных» контрактов. В отличие от «полных» контрактов «неполные» контракты предполагают влияние неких переменных,

которые не могут быть учтены и регламентированы в контракте наперед. Никто не знает, какие условия могут вдруг измениться, поэтому важно заранее определить роль каждой из сторон. В работах О. Харта, в частности, акцентируется внимание на том, что именно каждая из сторон должна делать в неких будущих ситуациях, и кто будет решать, что делать в тех ситуациях, когда стороны по каким-то причинам не могут прийти к согласию. Основную роль в данной ситуации будет играть тот, кто может принимать решения, так как обладает формальными правами и реальными возможностями, в первую очередь необходимой информацией для принятия обоснованного решения.

По мнению специалистов, разработки О. Харта и его коллег могут применяться при анализе сложных финансовых контрактов и приватизации активов. Эта теория позволяет определить, к примеру, в каких ситуациях организации (например, образовательные или пенитенциарные учреждения) должны быть частными или общественными. Данный вопрос не является однозначным, так как приватизация позволяет сократить издержки бизнеса, но в то же время может привести к ухудшению качества. Так, условия в американских частных тюрьмах зачастую хуже, чем в государственных, — именно поэтому федеральные власти США недавно приняли решение прекратить использование частных тюрем [7].

Действительно, в современных условиях волатильности рынка невозможно заранее составить исчерпывающий, совершенный контракт, так как не все факторы или потенциальные составляющие сделки можно оговорить в контракте. Данное положение чрезвычайно остро проявляется и в российской экономике, например, в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения общественных нужд. Отечественная нормативно-правовая база регулирования государственных и муниципальных закупок предусматривает заключение практически только полных контрактов, с твердой регламентацией основных финансово-экономических показателей и условий реализации контрактов. В первую очередь это относится к проблеме единой нормативной модели государственного контракта (на основе твердой фиксированной цены контракта) и методики определения экономически обоснованной начальной цены контракта. В современных экономических условиях, при неустойчивости курса рубля, недостатке ликвидных денежных средств у предприятий, заключать на длительный период контракты по твердой фиксированной цене (даже с учетом дефлятора) означает закладывать высокий риск их невыполнения.

Значительно повышает риски и ставит под угрозу реализацию заказов на инновационную и технологически сложную продукцию отсутствие в базовом Федеральном законе от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспече-

ния государственных и муниципальных нужд» (далее ФЗ-44) нормы об оценке рисков при расчете начальной (максимальной) цены контракта и управлении рисками при реализации долгосрочных, дорогостоящих и сложных заказов в условиях невозможности изменения параметров контракта. В результате в рамках ФЗ-44 отменяется порядка 10% закупок. В 2015 г. было расторгнуто 495 079 контрактов на сумму более 1,15 трлн руб., что составляет 17,4% от общего объема закупок и означает наличие серьезных проблем на этапе заключения и выполнения контрактов [8]. При этом возникают дополнительные государственные расходы на обеспечение общественных потребностей в связи с неисполнением или некачественным исполнением контрактов на поставки товаров, работ, услуг. Одним из основных факторов, обуславливающих расторжение контрактов, выступают недостоверность и неполнота информационного обеспечения субъектов контрактной системы, в том числе:

- возможность неверного указания заказчиком информации о контрактах, размещаемых в реестрах контрактов;
- указание заказчиком на применение типового контракта, который не соответствует объекту закупки;
- указание единиц измерения количества товаров, объема выполняемых работ, оказываемых услуг, не соответствующих объекту закупки и т.д.

Таким образом, совокупность рассмотренных фактов позволяет говорить о недостаточной зрелости наших контрактных институтов, неполноте контрактной инфраструктуры и серьезных недостатках функционирования государственной контрактной системы в ее нынешней модели.

В странах с инновационной конкурентной экономикой национальные контрактные системы имеют широкий функционал не только в сфере государственных и муниципальных закупок. Контрактная система выступает институтом государственного хозяйствования, механизмом управления экономикой, регулируя широкий круг контрактных (договорных) отношений, в том числе в рамках проектов государственно-частного партнерства и управления государственным имуществом. Таким образом, теория контрактных отношений в целом и, в частности, исследования О. Харта и Б. Хольмстрёма, за которые они получили Нобелевскую премию по экономике, должны быть обязательно востребованы в России, поскольку в основе необходимой модернизации отечественной системы управления должна лежать разработка и реализация экономической политики, базирующейся на изменении методологии и переориентации рыночных отношений на контрактную парадигму, адекватную специфическим задачам и особенностям современной экономики, а также глобальным вызовам, с которыми сталкивается наша страна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бьюкенен Дж.* Избранные труды. М.: Таурус-Альфа, 1997.
2. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
3. *Holmström B.R., Milgrom P.* The Firm as an Incentive System // *American Economic Review*. 84(4). 1994. P. 972–991; *Holmström B.R., Roberts J.* The Boundaries of the Firm Revisited // *Journal of Economic Perspectives*. 12(4). 1998. P. 73–94.
4. <https://nplus1.ru/news/2016/10/10/nobel-economics>.
5. *Фролов И.Э.* Проблемы капитализации российской науки: продуктивность, результативность, эффективность // Проблемы прогнозирования. 2015. № 3.
6. *Hart O.S.* The Market Mechanism as an Incentive Scheme // *Bell Journal of Economics*. 1983. Autumn. Vol.14. P. 366–82;
7. *Харт О.С.* Неполные контракты и теория фирмы // Природа фирмы: К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы» / Под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера; / пер. с англ. М.Я. Каждана. М.: Дело, 2001. С. 206–236.
8. *Ткачев И., Фейнберг А.* Нобелевскую премию по экономике дали за теорию контрактов/РБК. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics>, дата обращения: 10.10.2016.
9. Доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ « О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в 2015 г. Минэкономразвития РФ. С. 14–15. Режим доступа [http:// zakupki.gov.ru](http://zakupki.gov.ru). (Дата обращения: 10.10.2016).

I.I. SMOTRITSKAYA

Doctor of Economics, Head of sector of Institute of Economy of RAS
irinasmot@yandex.ru

S.I. CHERNYKH

Doctor of Economics, professor, Head of sector of Institute for the study of science of RAS,
Senior scientific worker of Institute of Economy of RAS
esterbio@rambler.ru

CONTRACT PARADIGM. NOBEL PRIZE IN ECONOMICS 2016

The article examines the main areas of research by O. S. Hart and B.R. Holmström – Nobel Prize in Economics in 2016 describing their contribution to the development of the theory of contractual relations, understanding of the nature and contracting factors. Showing the role that new work of Nobel Prize winners can play in solution of domestic social and economic problems.

Keywords: *contract paradigm, in-house relations, research and development, effective contract, the theory of incomplete contracts.*

JEL: B400, C780.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

М.А. ДЕРЯБИНА
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ РЫНОЧНОЙ КООРДИНАЦИИ КАК НОВЫЙ ТИП ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Статья посвящена основным формам координации предпринимательской деятельности в системе рыночных отношений, включая «отношенческие» и сетевые рыночные связи. Обосновывается необходимость согласованного развития материально-технического базиса организаций и принципов их рыночных взаимосвязей, недопущение возможности отрыва денежного капитала от материальных форм богатства, как это неоднократно происходило в условиях финансовых кризисов. Показана связь между гуманитарными и рыночными аспектами в развитии сетевой координации.

Ключевые слова: теория организации, рыночная координация, иерархия, ценовой механизм, сетевые формы координации, горизонтальные связи, партнерство, методологический индивидуализм.

JEL: L120, L140, L200, L220.

Переход к постиндустриальному развитию сопровождается важными изменениями в организации экономики и общества. Российская экономика и российская теоретическая мысль существенно отстают от мировых трендов, однако и у нас уже невозможно не учитывать те вызовы, которые несет с собой новый уклад. В организации реального капитала, даже при сохранении и преобладании пока его индустриального (а нередко и вовсе архаичного) характера, появляются черты нового образа организации – усиление и расширение сферы горизонтальных связей и взаимодействий и их оформление в виде сетевой рыночной координации. Предпосылки к возникновению на основе партнерских связей так называемой «отношенческой» координации исподволь созрели в рамках поступательного социально-экономического прогресса, усложнения и расширения вариантов организации фирм. Они были отмечены уже в рамках фабричной формы организации труда и производства. В современной

экономике развитие материально-технического базиса организации (бесконечного и непрерывного по самой своей природе) получило мощный импульс в виде взрывного развития информационно-коммуникационных технологий, создавших качественно новые возможности рыночных взаимодействий. На этой основе сетевые формы рыночной координации стали стремительно развиваться [1].

В отличие от хорошо известных и описанных в научной литературе иерархической и ценовой форм механизмы сетевой рыночной координации гораздо сложнее. И организация взаимодействий в сетях по своей природе сложнее предприятия, фирмы, крупной международной корпорации. Теоретические основания сетевой координации гораздо шире, чем только экономические рыночные связи эквивалентных или административно выстроенных отношений. Эти основания во многом остаются недостаточно изученными и не во всем пока понятными. Но даже на теперешнем уровне осмысления можно отметить ряд важных аспектов.

«Сетевой» взгляд на организацию способствует преодолению аксиоматичной атомизации рыночных отношений и делает акцент на появление наряду с принципами, описанными строгой экономической теорией, таких, казалось бы, чуждых элементов, как взаимопомощь, сострадание, партнерство, доверие, преданность общим ценностям и многое другое, деньгами не измеряемое. В отличие от рыночной, координация в широком смысле представляет собой способ организации и распределения деятельности различных субъектов во времени и в пространстве в интересах выполнения определенных задач [2]. В этом широком смысле неизбежным предметом координации, наряду с традиционными параметрами рыночных обменов, как раз и становятся общие характеристики отношений и взаимоотношений субъектов любой активной целенаправленной деятельности. К экономической методологии такой подход имеет самое непосредственное отношение, обуславливая ее гуманизацию и междисциплинарную открытость.

В теории экономической координации, как, может быть, ни в каком другом сегменте теоретической экономики, научные исследования возможно базировать не только на математике и эконометрике в приложении к рыночным субъектам и отношениям, а и на выявлении собственно экономической значимости реально существующих человеческих проблем. Так, в экономическую теорию, в противовес методологическому индивидуализму и конкуренции, пришли категории взаимопомощи, сотрудничества, партнерства, кооперации, причем не сами по себе, а еще и в тесном взаимодействии с категориями власти и властных отношений¹.

¹ Характерным образцом такого подхода к экономической методологии являются работы Д. Макклоски [3]. Обращаясь к трудам А. Смита, Макклоски видит в его

Включение этих «неэкономических» в строгом смысле категорий в анализ рыночных отношений возникло не сегодня. В процессе эволюции экономической теории во все времена делались попытки использовать в концепциях экономического развития своего рода антитезы ключевых рыночных категорий. Тирания рынка и накопительства, конкуренция и другие узловые понятия рыночной экономики уравнивались в экономической теории понятиями кооперации индивидов, взаимной поддержки ради реализации общего интереса, взаимных обязанностей и даже добровольного отказа от независимости и части выгоды [5]. Даже в наши дни привлекают и заставляют задуматься, например, взгляды П.А. Кропоткина на роль сотрудничества и кооперации («взаимопомощи») в эволюции человечества в целом, и конкретного промышленного прогресса в частности [6]². Кропоткин считал, что этот прогресс, несомненно, имел более глубокое происхождение, чем «принципы индивидуализма и конкуренции», и главную роль при этом играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. Более того, именно широкое распространение принципа взаимной помощи является, по его мнению, залогом дальнейшего успешного развития. Это такой же по важности фактор экономического развития, как технологии и инвестиции. А чтобы быть действительно полным, взаимодействие людей должно опираться на справедливость.

Казалось бы, эти соображения не имеют прямого отношения к делу. Их можно было бы отнести к моральным качествам человеческих отношений вообще. Если бы не настойчивое противопоставление созданным людьми учреждениям и законам, «правительственной опеке» силы и размаха «свободных соглашений» [7]. В жизни общества, несмотря на гнетущий индивидуализм, находится все-таки обширное поле для свободного соглашения и возможности вести крупные дела на началах общей цели, а не воли, навязанной сверху. В конце концов, общий интерес примиряет всех. На основе общих интересов люди могут придти к соглашению без вмешательства власти. И это общее соглашение само по себе обладает такой силой, которая позволяет достигнуть результатов, превосходящих всемогущество крупного

теоретических построениях то, что обычно ускользало от взгляда исследователей, концентрировавших внимание на свободе сделок и владении собственностью, а именно важность для торговли и обмена таких категорий, как симпатии и добродетель [4]. П.А. Кропоткин, также ссылаясь на труды А. Смита, считал способность рассуждать и общаться такой же важной характеристикой в процессе разделения труда, как и саму склонность к обмену.

² По собственному признанию Д. Макклоски, на ее становление как экономиста оказала большое влияние книга П. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции», впервые изданная на английском языке в 1902 г. в Лондоне.

капитала, к тому же поддерживаемого государством³. Промышленный прогресс XIX в., который обыкновенно приписывается торжеству принципов индивидуализма и конкуренции, имеет несравненно более глубокое происхождение. И что немаловажно, свободное соглашение, свободная организация прекрасно заменяют дорогостоящий государственный механизм, выполняя те же задачи лучше его. При этом в подобных организациях нет иерархии, нет начальства – они создаются исключительно на добровольных началах и берут на себя обязательства по общему согласию и на основе общих интересов. Звучит вполне актуально.

В более поздние времена, как показывает повсеместный опыт, усложнение социальной обстановки, связанное с усилением незащищенности многих, всегда вызывало ответную общественную реакцию – стремление к равенству возможностей, справедливости и взаимопомощи. Причем обычно имеются в виду не имущественные (по крайней мере, не только имущественные) инструменты поддержания общественного равновесия, а социальные механизмы защиты и взаимодействия в обществе [8]. Поиск механизмов справедливости всегда сопутствовал принципам капиталистического накопления и стремления к прибыли. А для общественной организации особенно важен еще один элемент индустриального капитализма – возможность отрыва капитала (как самовозрастающей стоимости) от материальных форм богатства. Это обстоятельство оказалось решающим в условиях финансовых кризисов.

Вместе с тем теория рыночной координации только на основах гуманизации и междисциплинарной открытости объяснять сетевую экономику, конечно, не может. Скорее ее гуманитарные аспекты нужно постоянно иметь в виду как бы «за кадром», в качестве общеметодологического ограничителя. А внутри этих рамок протекают те рыночные процессы, которые требуют координации не только в широком, но и в конкретном смысле, т.е. в смысле конкретных обменов и взаимодействий. В силу недостаточной изученности самой сетевой рыночной координации как экономического и институционального процесса сложно пока достаточно полно уловить и теоретически четко объяснить несомненно существующие взаимосвязи между общегуманитарными и рыночными аспектами этой координации. Зато проясняются конкретные и прагматически значимые организационные тренды.

³ Опираясь на опыт европейских железных дорог, а позднее на опыт Красного Креста, П.А. Кропоткин заключает, что при наличии больших общественных целей, объединяющих интересы многих (сегодня мы называем их крупными общественно значимыми проектами), соглашение между сотнями компаний может устанавливаться непосредственно, без вмешательства центрального правительства и без специальных законов. Такие соглашения могли бы иметь большое будущее [7].

В теории сетевой координации отношения и взаимодействия отличаются от традиционно принятых в экономикс (читай – в индустриальной экономике). Причем эти традиционно принятые не исчезают и не отменяются, но к ним добавляются новые смыслы, обогащающие и расширяющие традиционное когнитивное поле. Что же касается организационных аспектов координации, то в них появляется соответствующий новый тренд.

В индустриальной экономике отношения рыночной координации организовывались фирмами, и рыночное взаимодействие было в основном межфирменным. Отношения же индивидов формировались и развивались в рамках фирм, а фирма позиционировалась как совокупность отношенческих контрактов, которые увязывали индивидуумов в едином предпринимательском процессе (такая трактовка преобладала у представителей неоинституциональной теории) [9]. Именно поэтому координация в рамках фирмы понималась как особая форма управления, и чаще всего это была иерархическая координация. Управление в этом случае необходимо для организации взаимоотношений индивидов, действующих на основе добровольно заключаемых долгосрочных контрактов. Поэтому структура управления этими контрактами (отношениями индивидов) представляет собой своего рода институциональную матрицу, в которой иницируются, реализуются и прекращаются индивидуальные контракты [10].

В постиндустриальной экономике происходит важнейшая, фундаментальная по своему содержанию трансформация отношений, взаимоотношений и взаимозависимостей между субъектами рынка, т.е. рыночной координации. Развертывание горизонтальных связей, сетевых форм рыночной координации последовательно опирается на два новых взаимосвязанных фактора. Во-первых, все большее распространение и все большие возможности получают информационно-коммуникационные технологии, позволяющие налаживать взаимосвязи и взаимодействия не только на рыночных ценовых сигналах и с помощью созданных для этого организационных структур и механизмов, но и непосредственно, в онлайн-режиме и без помощи посредников [11]. Второй фактор фундаментальной трансформации рыночной координации – это выход отношений индивидуумов за рамки фирм, возможность, минуя фирменную иерархию, устанавливать отношения за пределами фирм, на основе иной идеологии, иных интересов, отличных от стандартной логики прибыли и накопления [8]. Мобилизовать участников таких отношений можно с помощью иных ценностей (например, личная независимость, возможность самореализации, поиск партнерских отношений, уход от административного гнета, справедливость, в конце концов), выходящих из круга традиционных ценностей фирмы. Уже 1990-е годы были явно отмечены разо-

чарованием в иерархической модели фирмы. Предъявляемые индустриальным и постиндустриальным прогрессом высокие требования к интеллектуальному капиталу и индивидуальному профессиональному уровню работников вступали в противоречие с организацией «начальников и подчиненных» и, напротив, инспирировали работу в организованной команде на началах равенства коллег и партнеров и оперативной связи между ними [12]⁴.

Сетевая координация исподволь готовится, постепенно оформляется в рамках традиционных рыночных отношений и традиционных организационных структур. Предприятия (фирмы) всегда функционировали в своего рода сетевом окружении – множества субподрядчиков, поставщиков продуктов, работ и услуг, родственных предприятий, частично и временно занятых работников различной квалификации. Это окружение как раз и позволяло, при необходимости, оперативно корректировать производственную программу, варьировать численность персонала, находить ресурсы в зависимости от решаемых задач. Этот особый сегмент отношений в системе рыночных связей имел свой вектор развития и организационное строение. Независимо от моделей самих компаний сетевая сторона организации получала ту или иную модификацию.

Самое же главное – вектор отношений, когда главной фигурой является клиент, а руководитель работает не как администратор, а как координатор. Организационная структура предприятия при этом строится по иной модели, отличной от традиционной. Пирамида управления «переворачивается» – на ее вершине оказываются клиенты, а менеджмент – на нижнем уровне. Сами менеджеры работают не с помощью административных команд и иерархии управления, а через сеть «личных отношений». Команды равных коллег и партнеров самостоятельно контролируют развертывание производственного процесса на своем участке, выявляют и решают возникающие задачи. Важно понимать при этом, что базовая производственная структура и организация предприятия (фирмы) никуда не девается, а к ней добавляются новые связи и отношения – сетевые. Сетевые команды представляют собой пространства самоорганизации и самоконтроля. Информационные технологии позволяют членам сети работать на своем участке организационно независимо друг от друга и не обязательно в одном территориальном пространстве.

⁴ На примере работ П. Друкера, признанного гуру теории управления, можно еще раз убедиться, что идеи сетевой координации исподволь развивались в общем теоретическом потоке практически всегда. В 1960-е годы, когда уже явственно обозначилось стремление к гибкости и адаптивности организации применительно к изменениям, Друкер был идеологом смягчения бюрократии и развития целевого управления, а позднее – модели организации «без верха и низа».

Изменение, вернее, сетевое дополнение вектора отношений приводит к размыванию границ фирмы – она становится более открытой к запросам извне и более ориентированной на потребности клиента. Именно открытость является одной из главных характеристик инновационной фирмы. Новый вектор отношений существенно повышает значимость контрактов, сама фирма организационно трансформируется в систему более или менее длительных контрактных отношений [8]. Новые организационные механизмы постепенно ослабляют иерархический принцип организации фирм и способствуют укоренению у них таких качеств, как гибкость, компетентность, открытость к новаторству. Сетевые структуры позволяют фирмам отказываться от сохранения в своей базовой структуре излишних функций и передавать их внешним партнерам, более приспособленным для их оптимизации. (Сложные проблемы освобождения от непрофильных активов в сетях решаются проще и быстрее.)

В системе рыночной координации на основе сетевых отношений и связей, благодаря экстернализации ряда функций, появляется возможность частично заменить иерархический контроль контролем рыночного типа, осуществляемого через добровольные договорные связи формально равных партнеров. При этом контроль опирается не на административные команды, а на потребности клиентов, т.е. идет от рынка. Сетевая координация постоянно повергается рынком, иначе сети просто теряют смысл. Сети, таким образом, представляют собой особую форму сочетания иерархии и рынка [13].

Однако эта трансформация была бы невозможной, если бы не действовал еще один элемент отношений – доверие. «Отношения на доверии» (например, японские «кейрецу»), «группы равных» (по Уильямсону), разнообразные производственные организации, напоминающие кооперативы, подтверждают жизненную устойчивость доверия как характеристики рыночной координации. Чтобы понять экономическое содержание доверия (в отличие, например, от морального), его следует соизмерить с противоположной характеристикой координации – иерархией. Это разные полюса рыночной координации в общем потоке исторической эволюции организационных форм реальной экономики. На воображаемой шкале этих форм от высокой степени централизации организации и управления (иерархическая координация) до низкой степени (неиерархическая координация) логично укладываются все известные организационные формы реального сектора – от крупных промышленных корпораций до стратегических альянсов, инновационных консорциумов, организаций кооперативного типа и прочих сетевых организаций [14].

Сети партнерских отношений, если эти отношения рассматривать с позиций традиционных коммерческих связей, нужны в конечном

итоге для того, чтобы обеспечить больший результат с меньшими затратами. Казалось бы, для этого достаточно просто заключить классический контракт, устраивающий обе стороны отношений, и никаких других связей не требуется. Тем не менее помимо контрактных отношений, существуют и продолжают с огромной скоростью множиться разнообразные формы сотрудничества организаций и физических лиц, построенные на доверии, – всевозможные альянсы, предпринимательские партнерства, сообщества предприятий и организаций по интересам, наконец, партнерские союзы между различными категориями работников. Доверие теснее связывает работников и с руководителями в рамках фирм (одно из важнейших требований к уровню неомежджмента в отличие от традиционных предприятий) и с участниками сетевой координации. Отношения доверия и их неотъемлемая часть – дружеские отношения, симпатии, взаимопонимание и поддержка – как раз и являются важной связкой между «отношенческой» мотивацией и деловыми интересами. Благодаря этому сетевое информационное пространство способствует быстрому распространению стратегически важной информации, необходимой для рационального распределения ресурсов. А это, в свою очередь, опять-таки требует доверия, т.е. гарантии надежных отношений, даже когда нет иных механизмов, кроме морали и данного слова. Репутация, верность своим обязательствам в сетях становятся достоянием гласности и нередко обеспечивают более надежные гарантии, чем формальный контракт.

Теория экономической, прежде всего рыночной координации, таким образом, выявляет и определяет организационные основы современных рыночных отношений. Многообразные, тесно взаимно переплетающиеся горизонтальные связи по производственной и хозяйственной кооперации существовали всегда. Некоторые из них оформляются, легитимизируются контрактами, однако большую часть составляют «отношенческие» взаимодействия, объединяющие человеческие отношения и деловые интересы. Сетевая координация способствует преодолению, точнее, уравниванию атомизации в обществе и в экономике посредством многосторонних коммуникаций. Совместные интересы часто требуют взаимопонимания, диалога и договоренностей не только между потенциальными партнерами, но и между конкурентами. Тем более, что в современных быстро меняющихся условиях сегодняшний конкурент завтра может стать партнером. Практика организации знает немало случаев, когда такие партнеры создают устойчивые стратегические альянсы. Сетевая организация, сетевые структуры поэтому при необходимости способствуют преодолению, стиранию любых формальных границ, будь то иерархические отношения субординации или организационные рамки самих фирм.

И самый главный вывод, представляющийся уже вполне вероятным: возможно, что именно на основе сетевых отношений формируются контуры более важного феномена современной цивилизации – становления новой модели организации общественного прогресса и экономического роста и развития, в большей степени опирающейся на саморегулирование отраслей, подотраслей, иных групп хозяйствующих субъектов и каждого субъекта в отдельности. Такая самоорганизация в системе рыночных отношений позволит любым экономическим субъектам самостоятельно регулировать свою деятельность, не допуская критических провалов, и, вполне вероятно, самостоятельно, общими силами, финансировать необходимые для страны крупномасштабные проекты. Потенциал самоорганизации – экономической, социальной и гражданской – необходимо осознать и беспрепятственно включать в стратегические наработки социально-экономического развития.

Сетевое видение мира, сетевая репрезентация общества и экономики получают все большее научно-методологическое значение. Речь идет прежде всего о коррекции понятия методологического индивидуализма. «Отношенческие» качества, лежащие в основе объяснения сетей, кардинально отличаются от субстанциональных качеств человека как такового, обосновывающих методологический индивидуализм. Грубое противопоставление здесь, конечно, неуместно. Особый интерес к сетям обнаружился в связи с осмыслением теоретических аспектов экономики знаний и организации процессов познания. Теоретический инструментарий сети оказался более чем кстати в связи с поиском методов распространения знаний с наименьшими искажениями и наименьшими издержками. Трактовка сетей как отношений индивидов, а индивидов – как носителей знания переводит фокус анализа с субстанциональных на «отношенческие» качества индивидов, впрочем, не снимая первые. Методологическая задача заключается в том, чтобы выявить отношения, более стабильные по сравнению с другими, и субстанциональные качества, которыми можно в определенной степени пожертвовать для общего успеха. При этом желательно, чтобы общее поле коммуникаций было максимально открытым и не имело организационно зафиксированных границ и центров [15]⁵. Для методологии исследований важно различать сетевые (чаще горизонтальные) связи (структуры), оформляющие производственную кооперацию и в той или иной форме действующие в любой экономике с развитым разделением труда, и сетевые связи в зрелой

⁵ Так, одна из наиболее распространенных форм производственно-инновационных сетей – стратегические альянсы – обеспечивает гибкость и адаптивность к новшествам, в том числе и за счет связей разной степени тесноты и подвижности управления, через легко перестраиваемые центры координации и открытость для участников [16].

индустриальной и постиндустриальной экономике, формирующиеся на основе самоорганизации и рыночной координации⁶. В реальном секторе по причине разновозрастной структуры капитала неизбежно сосуществуют оба типа сетевых отношений.

Активное практическое освоение реальным сектором преимуществ сетевой организации подтверждается обширным мировым и отечественным опытом. Коммуникативные формы могут развиваться как в рамках крупных корпораций, так и между ними, отлаживая и координируя рыночные связи. Большинство корпоративных сообществ, как и вообще большая часть сетевых структур, являются неформальными свободными объединениями, не зависящими административно от формальной структуры организации, в рамках которой они возникают. Конкретно это могут быть небольшие группы людей (5–30 человек), решающих общую задачу и поэтому объединенных общим желанием успешно и профессионально выполнить ее. Существуют и более крупные сообщества (тысячи человек), выходящие за пределы одной организации и профессионально объединяющие людей для выполнения более масштабных постоянных или отдельных задач на основе общего интереса. Для таких сообществ особенно важны возможности ИТ-технологий, позволяющие сотрудничать территориально удаленным профессионалам. Подобные сообщества строятся не на основе управленческой иерархии с постоянными центрами управления, а на сложной сети личных контактов и взаимоотношений. Эти отношения основаны на доверии друг к другу, на желании поделиться своими знаниями, опытом и компетенциями, на готовности поддержать и помочь друг другу. При этом степень участия членов сообщества жестко не регламентируется и может быть разной по глубине вовлеченности в общую деятельность.

Типичным примером сетевых отношений между корпорациями являются получающие все более широкое распространение стратегические альянсы. Независимые предприятия и организации объединяются для осуществления совместных проектов с использованием ресурсов друг друга и с разделением возникающих рисков между партнерами [16]. Альянсы могут создавать не только фирмы, не конкурирующие между собой, но и фирмы-конкуренты.

Особое место в ряду современных форм организации производства принадлежит кластерам. И хотя теория кластеров возникла

⁶ Проблемы необходимого антимонопольного контроля в сетевых структурах не относятся напрямую к теме данного доклада. Однако, рассматривая весь спектр инструментов рыночной координации, нужно, конечно, иметь в виду возможность таких форм соглашений между акторами, как картели, различного рода стоворы антиконкурентного, чаще монопольного характера [17].

прежде всего в связи с разработкой проблем территориальной конкурентоспособности, позиционирование их как сетевых структур, несомненно, представляет интерес и для теории организации [18], [19], [11]. При всем разнообразии конкретных форм в целом кластер можно охарактеризовать как устойчивое партнерство взаимосвязанных предприятий, организаций и отдельных лиц, нацеленное на повышение конкурентоспособности за счет инноваций и инновационных эффектов. Сама идея конкурентоспособности в масштабах отрасли или региона наводит на мысль о необходимости объединения и взаимодействия усилий многих компаний. То есть кластер – это прежде всего организационная форма рыночной координации. Однако, в отличие от других форм сообществ и партнерств, кластеры нередко связывают с реализацией государственной (главным образом промышленной) политики [19].

Наиболее важной закономерностью организации реального сектора экономики, позволяющей понять и объяснить развитие его структуры, является взаимодействие и взаимозависимость материально-технической природы и соответствующих характеристик агентов, с одной стороны, и законов их рыночного поведения, с другой. Это базовая предпосылка. Из нее следуют принципиально значимые выводы. В практику современной организации возвращается взаимосвязь структуры физического капитала (основных блоков, формирующихся в процессе разделения труда) и соответствующих этой структуре форм отношений и координации. Теория организации в этой связи отчасти восполняет перманентное игнорирование материально-технических основ развития в угоду стоимостным категориям. Если продолжить эту, возможно, слишком простую логику, то получается, что разновозрастная структура капитала (как сложного агрегата), на которой базируется предпринимательская деятельность, ведет к формированию организационных форм рыночной координации, соответствующих этим основным блокам структуры материально-вещественного капитала. Разновозрастные структурные блоки физического капитала по-разному позиционируются в инвестиционных программах, в структуре издержек, в возможности получения доходов. Это значит, что сочетаются и в необходимых масштабах развиваются все известные формы организации рыночных взаимодействий. При этом если с традиционными формами координации вопрос более или менее понятен, то для успешного развития сетевых связей необходимы определенные условия. «Молодые» инновационные блоки основного капитала требуют и своей соответствующей институциональной среды, и своих регулирующих инструментов.

К этому следует добавить, что гипертрофированное внимание, уделяемое финансовому сектору в ущерб нуждам реального, приводит

к тому, что финансовая система перерождается из кровеносной системы экономики в барьер, ограничивающий потенциал развития. Финансовые потоки и денежные ресурсы должны быть конвертированы в реальные активы (материальные, интеллектуальные, организационные), способные генерировать постоянный доход. Но на практике чаще используется возможность отрыва денежного капитала от материальных форм богатства, как это происходит в условиях финансовых кризисов.

В инновационной экономике потенциал сетевой рыночной координации получает свое дальнейшее развитие. Организация рыночного взаимодействия в сетях сложнее других форм координации, и теоретические основания ее гораздо шире. В методологию теоретической экономики, наряду с традиционными категориями рыночных обменов, включаются иные, более общие характеристики отношений и взаимоотношений субъектов любой активной целенаправленной деятельности. Узловые понятия рынка и конкуренции уравниваются теорией кооперации индивидов, их взаимной поддержки ради реализации общего интереса. И что особенно важно – на основе общих интересов и принципов, отличных от традиционно принятых в предпринимательской деятельности, можно прийти к рыночному согласию без вмешательства властных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сморodinская Н.В.* Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015.
2. *Мильнер Б.З.* Теория организации: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2012.
3. *Макклоски Д.* Риторика экономической науки. 2-е изд. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2015.
4. *Расков Д.Е.* Пересекая границы: Макклоски и гуманистический взгляд на экономическую науку (О книге Д. Макклоски «Риторика экономической науки») // Вопросы экономики. 2015. № 4.
5. *Щеголевский В.* Республиканизм и французская философская мысль XVIII века об экономических отношениях в обществе // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1.
6. *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007.
7. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Издательство «Правда», 1990.
8. *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение. 2011.
9. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.

10. *Menard C.* The Economics of Hybrid Organizations. Presidential Address, International Society for New Institutional Economics, MIT, 2002.
11. *Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В.* Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2012.
12. *Drucker Peter F.* Post-Capitalist Society. New York: Harper, 1993.
13. *Powell W.* Neither market nor hierarchy: network forms of organization // *Research in Organizational Behavior*. 1990. Vol. 12.
14. *Белоусенко М.В.* Общая теория экономической организации: организационная эволюция индустриальной экономики: Монография. Донецк: ДонНТУ, 2006.
15. *Boltanski L., Chiapello E.* Le nouvel esprit du capitalism. // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2005. Vol. 18. No 3/4.
16. *Гарретт Б., Дюссож П.* Стратегические альянсы. М.: ИНФРА-М., 2002.
17. *Шаститко А.* Новый взгляд на антимонопольный контроль горизонтальных соглашений // *Экономическая политика*. 2015. Т. 10. № 3.
18. *Портер М.* Конкуренция. М.: Изд. Дом «Вильямс», 2000.
19. *Шаститко А.* Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // *Балтийский регион*. 2009. № 2.

M.A. DERYABINA

PhD in economics, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
deryabina.marina@rambler.ru

NETWORK FORMS OF MARKET COORDINATION AS A NEW ORGANIZATION TYPE OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

The paper is devoted to the main forms of coordination of business activity in system of the market relations, including "relational" and network market communications. The author proves the necessity of the approved development of material basis of the organizations and the principles of their market interrelations, non-admission of a possibility of a separation of the money capital from material forms of wealth as it has been repeatedly occurring in the conditions of financial crises. Communication between humanitarian and market aspects in development of network coordination is shown as well.

Keywords: *theory of the organization, market coordination, hierarchy, price mechanism, network forms of coordination, horizontal communications, partnership, methodological individualism.*

JEL: L120, L140, L200, L220.

В.М. СИМЧЕРА

заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономики и статистики Европейского
Института JUSTO

А.С. НЕШИТОЙ

кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

ЭКОНОМИКА, ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА И СТАТИСТИКА: ВЗАИМНЫЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассматривается актуальная проблема не востребованности в России экономической науки, органически связанная с проводимой социально-экономической политикой. Возрождение экономического потенциала в стране невозможно без одновременного возрождения фундаментальной экономической науки, в основе которой находятся политэкономика, как ее фундамент, и статистика, как ее питательная среда. В статье даны некоторые предложения по исправлению положения дел в области статистической науки.

Ключевые слова: экономика, фундаментальная наука, востребованность науки, политэкономика, статистика, экономический потенциал.

JEL: O100, O500, C100, C400.

О не востребованности экономической науки в России известно в научном сообществе с самого начала проведения так называемых «рыночных реформ». Двадцатипятилетний опыт реформирования экономики, осуществляемого на принципах «вашингтонского консенсуса» и по его рецептам, путем «трансплантации» зарубежных институтов, при игнорировании мнений отечественных ученых, убедительно показал их несостоятельность. Разрушение экономического потенциала страны происходило одновременно с разрушением как теоретической, так и прикладной экономической науки. Скоро исполняется три года процессу «реформирования» штаба фундаментальной науки – Российской академии наук, несмотря на протесты большинства ученых и их обращений к Президенту РФ [12]. Кстати, справедливо в этой связи мнение академика РАН М. Садовского, утверждавшего, что время политкорректности прошло [6].

Экономика России, как известно, находится в беспрецедентно сложном состоянии: за 25 лет выхолощен ее высокотехнологичный сектор,

не востребованы наука и научно-технические достижения, опустели из-за отсутствия рабочих мест целые моногорода и десятки тысяч сельских поселений, деградированы жизнеобеспечивающие и бюджетообразующие виды производств – сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность. В 2015 г. объемы промышленного и сельскохозяйственного производства, инвестиций и располагаемых денежных доходов населения оставались ниже уровня 1990 г. Исчерпаны до дна ресурсы сверхдоходных сырьевых отраслей. Практически почти половина зарегистрированных в стране предприятий убыточны. При этом не только в ближайшей (до 2018 г.), но и в отдаленной перспективе (до 2030 г.) никаких качественных сдвигов не предвидится, о чем свидетельствуют предлагаемые правительством антикризисные меры, – в них нет ничего принципиально нового по сравнению с принимавшимися ранее неадекватными современным задачам мерами; не предусматривается смена экономической модели, хотя об этом говорил Премьер-министр Д.А. Медведев на Гайдаровском форуме в январе 2015 г. Необходимые структурные реформы и важные решения подменяются незначительным мерами и пустыми обещаниями. Кстати, на состоявшемся 13 июля 2016 г. первом заседании вновь образованного при Президенте РФ Совета по экономическому развитию и приоритетным проектам также эта проблема не затрагивалась. В основном обсуждался так называемый «проектный подход к управлению» в рамках действующей системы управления. В экономическом обозрении итогов заседания Совета справедливо отмечено, что «Новые нацпроекты нужны всего лишь для перераспределения сжимающегося бюджета» [7], дефицит которого превысил все допустимые нормы¹.

Возрождение потенциала отечественной науки является основным путем к возрождению экономического потенциала России. Прежде всего необходимо остановить реформирование РАН, возродить фундаментальную науку, в том числе политическую экономию и статистику. На состоявшемся в мае 2015 г. Втором международном политэкономическом конгрессе совершенно справедливо было предложено вернуть политэкономии на соответствующее ей место в академической науке [1], а одним из авторов этой статьи обоснованно утверждалось, что возрождение политэкономии непосредственно связано с необходимостью изменения экономического курса, проводимого в настоящее время в стране и не соответствующего *фундаментальным законам* политической экономии [5].

Возрождение политэкономии, как фундамента экономической науки, а также включение дисциплины «Политэкономия» в общеобразовательные стандарты в ВУЗах – острейшая необходимость. Это

¹ См. подробнее: [2], [3], [4].

позволит готовить профессионально грамотных специалистов для всех уровней управления, понимающих объективные экономические законы и сумевших выработать механизм их реализации в управленческой деятельности.

Первым и безусловным условием преобразующего развития как фундаментальной, так и прикладной экономической науки, является *возрождение статистики*, как науки о доказательствах, основанных на фактах, и как одного из самых мощных средств познания законов окружающего нас мира, без которой ни в науке, ни на практике невозможно принятие объективно обусловленных решений.

Между тем сегодня даже в академических кругах сплошь и рядом статистика используется, как правило, всего лишь как некое наглядное украшение. Почему же при всем своем научном и практическом значении именно такая сомнительная и приземленная роль отводится статистике?

Истина и правда (и человеческие представления о них) всегда и везде, как известно, разные. Но не в таком масштабе и не в таком обнаженном виде, как в статистике. В современной (и не только отечественной) статистике они чудовищно разные, а на поверку, казалось бы, здесь расхождения между ними должны быть минимальными и абсолютно понятными. Негативные отзывы о статистике, общая неудовлетворенность статистическими данными и публикациями (впрочем, как прозрачными, так и сомнительными), массовые фальсификации данных, пробелы, подозрения и недоверие, агрессивные разоблачения и желание их незамедлительно исправить (и как общее следствие – разницей между теоретическими допущениями и наблюдаемыми фактам) – сегодня никого не удивляют и стали нормой жизни.

И хотя современная статистика никак не дальше находится от истины, чем другие родственные науки и отрасли практических занятий, она, вечно обвиняемая в подобных неурядицах и всегда пребывающая в подозрениях и манипуляциях, сегодня глубоко больна и нуждается в серьезном лечении. И не по чисто теоретическим соображениям, но потому, что (при нынешних «урезанных» возможностях) общественные вызовы и спрос на нее везде (по крайней мере кратно, а в академической среде иногда на целые порядки) превышает предложение, тогда как ее продукт (современные полные и достоверные данные) повсеместно остается самым востребованным и остродефицитным.

* * *

Как у нас обстоят дела с востребованностью статистики как науки об аргументированных доказательствах, основанных на истинных фактах (не путать с псевдостатистикой как апологетической наукой и практикой, основанной на подтасовке фактов)? Многие крупные тео-

ретические разработки и гипотезы, за исключением особых случаев, не подкрепленные доказательными цифрами и фактами, повисают в воздухе и не находят какого-либо значимого практического применения². В результате почти все эти годы экономическая наука с ее теоретическими достижениями развивалась сама по себе, а экономическая практика, с приукрашивающей ее статистикой, – сама по себе. Их взаимовлияние всего лишь имитировалось, а синергетический эффект полезного взаимодействия почти полностью отсутствовал. Впрочем, без знания и корреляции подлинных причинно-следственных связей так оно и должно быть [8]. Именно так одним из авторов, возглавлявшим НИИ статистики Росстата (1999–2011 гг.), в тесном сотрудничестве с Институтом экономики и Отделением экономики РАН, было квалифицировано общее положение дел [8], которое с тех пор, несмотря на предпринимаемые меры по его исправлению³, лишь усугубилось [9], [10].

Как исправить это положение? Как противодействовать? (См.: [10]). С чего начинать? Вот наши некоторые предложения в тезисной форме.

Начинать надо с инициирования всеобщей инвентаризации национального имущества и всех других материальных и интеллектуальных активов России, как исходной точки отсчета, без которой полной и достоверной базы данных в России не создать, от искаженных и спекулятивных оценок страну не избавить (данная программа разработана – см.: [11]). Такой полномасштабной инвентаризации в России за

² Почему такая приниженная роль отводится статистике именно в экономической науке? Ответ очевидный: потому, что сама экономика в России уже давно не главная материальная субстанция жизнедеятельности и их исходная матрица, но одно лицедейское искусство и лукавство. Искусство и лукавство фабриковать прибыль, а не строить заводы и созидать человеческие ценности и блага, зарабатывать деньги как угодно (вплоть до преступлений) и на чем угодно (на спекулятивном росте цен, на курсовых разницеах, штрафах и поборах и т. д.), а не работать. Искусство обмана, наживы и грабежа, а не справедливое распределения и потребления создаваемых благ и услуг, искусство подмены доверия и интересов большинства хищническими интересами компрадорского меньшинства. И не потому ли ни самая глубокая теория с ее выверенными учениями о приоритете в природе и обществе объективных законов, ни суверенная статистика с ее эмпирическими доказательствами, основанными на достоверных фактах, ни веками накопленный опыт и лучшие мировые образцы такой экономике и практике не нужны.

³ См.: итоги работы Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН, предложения Межведомственной комиссии, Конгресса работников образования и науки (КРОН – общественная организация) и Диссернета (инициативная организация) по борьбе с лжереформированием РАН и плагиатом при защите результатов научных исследований, комплекс мер, принятых электронным Правительством РФ по созданию единых общегосударственных IT-ресурсов и систем, решения Правительства РФ по переходу на международные информационные стандарты и комплексному совершенствованию деятельности информационных служб России.

все 1000 лет ее существования никогда не было. Все ограничивалось частными переписями населения (их за всю ее историю было семь), основных фондов (было две переписи), жилого фонда (три переписи) и предприятий промышленности и сельского хозяйства (по две переписи). В развитых странах такие всеобщие переписи (цензы) с середины XIX в. проводятся раз в каждые 10 лет.

На основе данных всеобщей инвентаризации и данных зеркальной статистики зарубежных стран и международных организаций, с которыми сотрудничает и обменивается данными наша страна, должны быть выверены все текущие оценки, характеризующие темпы и пропорции социально-экономического развития России, выявлены среди них и очищены от искажений (или элиминированы не поддающиеся) дутые оценки, без чего ныне не может быть и речи о разработке каких-либо серьезных стратегий и проектов экономического развития России.

Многочисленные контрольные замеры (подобные нынешним допинговым замерам) показывают, что разрывы между дутыми и очищенными (реальными) оценками по более чем 150-ти показателям в экономике России, в том числе оценки темпов роста ВВП по стоимости и в натуре, различаются в разы, а по целому ряду других показателей (например, разрывы в оценках упущенных выгод и потерь или в уровнях люмпенизации и бедности, масштабах офшорного бизнеса и его коррумпированности и т.д.) – зашкаливают за порядковые значения⁴.

По нашим приближенным расчетам, общее положение сегодня здесь такое: на долю номинируемой в стоимостных показателях рыночной экономики приходится около 43% всей учитываемой товарной продукции и стоимостных активов России, на долю физической экономики – 57%, в том числе открытой – 24% и теневой (включая сюда и экономику не учитываемых в России подсобных хозяйств и услуг, оказываемых населением самим себе) – 33%. За 15 лет (2015 г. к 2000 г.) совокупный рост стоимостных показателей рыночной экономики оценивался в 12,6 раза, тогда как наблюдаемой физической экономики – в 1,7 и ненаблюдаемой (теневой) экономики – в 3,5 раза.

⁴ С сожалением приходится указывать и на многие другие, крайне нелицеприятные, в частности, на буквально вопиющие расхождения, существующие в современной зеркальной статистике, данные которой (например, данные международной статистики платежного баланса и внешней торговли), кардинально различаются и без встречной корректировки абсолютно непригодны. Приходится подтверждать и тот факт, что наша статистика, страдающая системными недостатками, на фоне статистики большинства других стран, в целом крайне ограничена и, как уличенная в многочисленных подтасовках (по индексам цитирования, мировым рейтингам участия в международных связях и изданиях и другим табелям о рангах) в настоящее время находится на нулевых отметках и отстает от освоения международных стандартов на целые десятилетия.

Положение удастся исправить, если в России (как в стране с доминирующей государственной системой непрозрачных оценок) практически все стоимостные измерения заменить (или хотя бы продублировать) физическими измерениями, конвенциональные процедуры которых разработаны и предлагаются [9]. При более широкой постановке вопроса вполне справедливо было бы также преобразовать нынешнюю секцию экономики Отделения общественных наук РАН в Отделение экономики и статистики РАН, как оно изначально учреждалось и как оно успешно работало на всем протяжении существования Императорской академии наук и в первые годы советской власти (Аргументация в статье [8]).

3. Самая извращенная статистика в России – это статистика имущественных отношений. По разным противоречивым оценкам, в России на долю иностранного капитала (с учетом смешанного российско-иностранного капитала смешанных российско-иностраннных собственников российско-иностраннных фирм-однодневок и смешанных офшорных компаний, включая множество подставных фирм и компаний), приходится до 80% ее совокупного объема (по официальным оценкам Росстата, от 0,5% в общей численности организаций и 4% занятых в них лиц до 33% оборота этих организаций; по нашим оценкам – 57%, в том числе 27% капитала, принадлежащего чисто иностранным и 30% – офшорным компаниям). При этом неясно, именно какая отдельно обособленная часть в этих долях принадлежит отдельно чисто российским государственным, муниципальным, частным и общественным организациям, а какая часть – чисто иностранным компаниям и организациям? Росстат сегодня все это объединяет в одну кучу и учитывает под общей рубрикой «прочие формы собственности, включая смешанную российскую собственность государственных корпораций, иностранную, совместную российскую и иностранную», путаное назначение и смысл которой очевидны. Чтобы избавиться от нынешней путаницы, принадлежность тех или иных активов любых наблюдаемых компаний и организаций должна идентифицироваться и учитываться на уровне подлинных, а не формальных их учредителей, какими являются первичные учредители как подлинные собственники и легальные владельцы создаваемых компаний.

Чтобы покончить с нынешними громкими офшорными скандалами, современный цивилизованный бизнес требует коренного упрощения не только всего современного громоздкого и запутанного законодательства, но и еще более громоздких, трудоемких и непрозрачных стандартов современного аудита и учета. Архитекторы и провайдеры современного бизнеса требуют перехода к новым единицам учета и отчетности, какими являются первичные и (далее, как в атомном ядре) все следующие за ними цепочки учредителей и не являются нынешние

компании в целом, как неоднородные и, следовательно, непригодные единицы наблюдения, учета и отчетности. Выстроить и четко следовать предлагаемой системе учета и отчетности на основе данных нынешних, неинтегрированных имущественных кадастров и регистров чрезвычайно трудно. Сегодня на новой учетной основе должны быть пересмотрены не только сами эти кадастры и регистры, но (и это главное) – все представленные в них неэквивалентные и вне рыночные оценки и императивы имущественной статистики, как ныне непрозрачные или недостаточные, а потому во многих случаях фальсифицируемые и неприемлемые, что представляет сегодня едва ли не самую сложную задачу не только современной экономической практики, но и науки.

4. В части чисто теоретических исследований в Институте, на наш взгляд, должны быть пересмотрены сами подходы к их замыслам, архитектуре, типологии, паттернам. Надо полагать неприемлемым, если не абсурдным, положение, когда все нынешние стоимостные модели и отношения в России (отчасти, к сожалению, и в Институте) выстраиваются и реализуются применительно к условиям неоднородности и риска как чисто стохастические и вероятностные (и, стало быть, однозначно рыночные), тогда как на самом деле все они антирыночные, основанные на элементарной тавтологии очевидно наблюдаемых и интуитивно улавливаемых житейских премудростей, ничего общего с подлинной наукой современного многофакторного анализа корреляционных связей и многомерного моделирования больших стратегических систем не имеющих. Нельзя же полагать и до бесконечности соглашаться с тем, что паттерны экономических исследований, их оценки и выводы при изучении экономики острого дефицита предложений и еще более острого избытка спроса, какой сегодня является экономика России, будут (или должны быть) такими же, как паттерны экономики избыточных предложений и дефицита спроса, какими они являются сегодня, скажем, в США или в современном Китае, что сплошь и рядом наблюдается в современных отечественных работах.

5. В этой связи необходимо отказаться, как от дурной привычки, волевыми методами кавалерийских наскоков решать сложные нелинейные многомерные и многофакторные задачи, какими практически являются все экономические задачи, одними упрощенными методами парных сравнений подобий и различий как якобы простыми и доступными для всех, которым, строго говоря, в научных экспериментах места нет. Простая истина, которая игнорируется в нынешних экономических постановках и проектах, заключается в том, что сложные стохастические задачи в принципе не решаются простыми методами. Между тем без решения таких задач все принципиальные экономические оценки и выводы, в частности, оценки полных затрат и полной эффективности, теряют силу и превращаются в пустые сен-

тенции, которыми сегодня (исключая особые случаи) только и обходится современная отечественная экономическая наука и практика. В частности, без таких оценок невозможно определять и целенаправленно воздействовать на болевые точки и снижать потери в экономике, выявлять и минимизировать скрытый рост безработицы, цен, инфляции, налогов, бедности и многих других латентных процессов, порождающих усиление социального напряжения в обществе, и как общее следствие выявлять и воспроизводить ресурсы, гарантирующие сбалансированный и устойчивый рост экономики России.

6. Может ли Институт в условиях нынешней, почти предельной разногласия теоретических взглядов и практических представлений, определенной изоляции его научно обоснованных рекомендаций и принижения их приоритета над скороспелыми, но во многих случаях ошибочными или попросту неверными практическими решениями без ущерба и полномасштабно решать стоящие перед ним задачи? В состоянии ли он без надлежащего доступа к современным профильным базам статистических данных, базам статистики G3 (статистики непрерывно актуализируемых данных, автоматически отсекающей массивы непрофильных и устаревших («мертвых» данных) и G4 (кластерной статистики, оперирующей данными по отклонениям, на порядки сжимающей всю статистику исходных данных) столь же профессионально заниматься современным проектным моделированием и прогнозированием и тем самым опережать нынешние кустарные разработки? И далее, способен ли Институт (неважно, в индивидуальном порядке, как интеллектуальная команда прогрессивных ученых-профессионалов, или в кооперации со всем продвинутым в стране истеблишментом и бизнесом) на деле решать современные многомерные матричные задачи размерностью 10 в 25-ой степени и более и тем самым вырваться из пут примитивных и во многом дезориентирующих оценок прямых затрат и прямых эффектов, как недостаточных, от которых уже давно отказались во многих странах мира, определять развитие страны, опираясь на показатели полных затрат и их минимизацию и показатели полных (прямых и косвенных) эффектов (и их максимизацию) и таким образом характеризовать истинное положение дел в стране. Заметим, что успехи в современном продвинутом мире, как известно, уже давно измеряются не объемами затрат, как это по старинке практикуется у нас, но объемами и качествами созданных материальных и духовных благ, включая создаваемые государством, обществом и бизнесом социальные духовные блага и ценности, радость и счастье людей. Секрет лучших в мире компаний сегодня в том только и состоит, что они ориентируются и обеспечивают достижение этих благ и тем самым наяву демонстрируют нам свою опережающую не только экономическую, но и социальную дееспособность и ответственность.

7. Наконец, секция экономики РАН, как главный арбитр в современной отечественной экономической науке, должна бы выполнить вполне нелицеприятную, но важную работу по санации ее фальсифицируемых теорий, гипотез, парадигм и откровенно нелепых перекосов в оценках многих сопряженных экономических явлений. В частности, из научного оборота должны быть устранены нелепые гипотезы и оценки якобы возможного роста эффективности при опережающем росте издержек производства, цен, курсов обесцениваемых валют, кредитных и налоговых ставок, численности и объемов продукции убыточных предприятий. Или, например, прямо противоположные парадигмы и оценки, декларирующие якобы возможный рост инвестиций и зарплат, накоплений и сбережений, пенсий и всех других социальных пособий при отложенном спросе и падении производительности труда и эффективности производства. И так далее. В науке известны сотни такого рода парадигм и утверждений. И дело не изменится к лучшему, пока она по умолчанию будет мириться с подобной порочной практикой, открывающей оголтелой пропаганде дорогу по деталям и частностям тенденциозно судить о целом, случайности и совпадения выдавать за закономерности, форс-мажор (санкции, пожары и потопы) – за благоприятствующие условия развития. Порочность состоит и в том, что все экономические процессы представляются в годовом измерении, тогда как полный цикл завершения многих из них (например, строительства, лечения, образования или, скажем, кредитования) выходит далеко за пределы года и должен оцениваться на другой временной основе. В старину это было именно так: наряду с обычными годовыми календарными исчислениями в ходу были свои некалендарные финансовые, сельскохозяйственные, строительные и др. летоисчисления, как более адекватные началам и концам наблюдаемых циклических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Второй международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии». Сборник материалов // Под ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. В 2-х т. М.: Культурная революция, 2015.
2. Нешиной А.С. Оценка промышленного потенциала России и уровня его использования (императив модернизации промышленного производства) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. 29 (266).
3. Нешиной А.С. Некоторые итоги четвертьвекового реформирования российской экономики // Федерализм. 2015. № 3.
4. Нешиной А.С. Императив смены курса экономического развития (воспроизводственный аспект) // Вестник ИЭ РАН. 2016. № 2.

5. *Нешитой А.С.* Возрождение политэкономии – неизбежный поворот к новому курсу экономического развития (политэкономия – фундамент экономической науки). Сборник материалов Второго международного политэкономического конгресса «Возвращение политэкономии» / Под ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. В 2-х т. Т. 1. М.: Культурная революция, 2015. С. 412–427.
6. *Садовский М.* Время политкорректности закончилось // Эксперт-Урал. 2016. № 27 (694).
7. *Сергеев М.* Стратегический Тришкин кафтан // Независимая газета, 2016, 14 июля.
8. *Симчера В.М.* Статистика и академическая наука: взаимные вызовы // Вопросы статистики. 2008. № 8. С. 67–73.
9. *Симчера В.М.* Мнимые и реальные оценки экономического роста в России. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 3–28.
10. *Симчера В.М.* Модераторы фальсификаций. Как им противодействовать? // ЭЖ «Развитие». 2016. № 3.
11. Программа всеобщей инвентаризации национального имущества и других материальных и нематериальных активов России. (М.: Академия экономических наук и Европейский Институт JUSTO, 2015.
12. www.kommersant.ru/doc/3046956.

V.M. SIMCHERA

honored worker of science of the Russian Federation, doctor habilitatus in economics, professor, head of the Department of political economy and statistics of the European Institute JUSTO, Moscow, Russia
vms3000@yandex.ru

A.S. NESHITOV

PhD in economics, professor, leading research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
a-nesh@yandex.ru

ECONOMY, FUNDAMENTAL SCIENCE AND STATISTICS: MUTUAL CHALLENGES

The paper is devoted to an urgent issue of not demand of economic science in Russia, integrally connected with the social and economic policy pursued by the authorities. Revival of economic potential in the country is impossible without simultaneous revival of fundamental economic science at the heart of which are political economy as its base, and statistics as its nutrient medium. The authors suggest some ideas on correction of a situation in the field of statistical science.

Keywords: *the economy, fundamental science, science demand, political economy, statistics, economic potential.*

JEL: O100, O500; C100, C400.

Л.Н. ИВАНОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра институтов социально-экономического развития ИЭ РАН

Т.Е. КУЗНЕЦОВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Центра институтов социально-экономического развития ИЭ РАН

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В статье рассматривается возможность использования интеграционных свойств сельского хозяйства в целях активизации экономического роста. В настоящее время завершается определенный этап развития отрасли, в ходе которого решены основные задачи продовольственной безопасности, а также существенно расширены масштабы продовольственного экспорта. Новый этап развития сельского хозяйства предполагает смещение приоритетов государственной политики от наращивания объемов продовольственных ресурсов за счет поддержки крупных сельхозпроизводителей к превращению российского АПК в реальный источник экономического роста на основе интенсификации и углубления связей сельского хозяйства со смежными отраслями и формирования эффективного АПК, что, в свою очередь, требует трансформации существующей системы институтов развития, а также методов регулятивного воздействия на отрасль.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, интеграция, институциональная трансформация.*

JEL: Q10, O13, Q18, P20.

Как известно, российская экономика находится в состоянии стагнации. При этом сельское хозяйство является одной из немногих отраслей, которые демонстрируют положительную динамику. Начиная с 2013 г. индекс физического объема сельскохозяйственного производства, а также доля продовольственного и сельскохозяйственного сырья в экспорте неуклонно растут (см. табл. 1).

Позитивная динамика сельскохозяйственного производства на фоне других отраслей заставляет по-новому взглянуть на его возможности. На самом высоком уровне высказывается мнение, что у России

появился шанс превратиться в крупнейшего поставщика качественных натуральных продуктов на мировой рынок¹. Действительно, российское сельское хозяйство в условиях благоприятной мировой конъюнктуры, снижения валютного курса и контрсанкций получило толчок к развитию и не только нарастило объем производства продовольственных ресурсов, но стало завоевывать определенные позиции на мировом рынке продовольствия. Однако помимо экспортного потенциала сельское хозяйство обладает весьма значительным потенциалом внутренней интеграции, который при умелом управлении отраслью может оказать существенное воздействие на всю экономику в целом, превратившись за счет своих специфических интеграционных возможностей в один из важнейших драйверов экономического развития страны [5].

Таблица 1

Динамика ВВП, валовой добавленной стоимости, произведенной в сельском хозяйстве, продовольственного и сельскохозяйственного экспорта в 2012–2016 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016 (1-е полугодие)
Валовой внутренний продукт, в рыночных ценах (в % к аналогичному периоду прошлого года)	103,4	101,3	100,7	96,3	99,1
в том числе: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (в % к аналогичному периоду прошлого года)	97,1	103,2	102,2	103,5	102,6
Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) в экспорте, в %	3,2	3,1	3,8	4,7	5,6

Источник: Росстат.

Интеграционный потенциал сельского хозяйства

Сельское хозяйство обладает серьезным интеграционным потенциалом, обусловленным структурой, характером и объемом связей с другими отраслями экономики и с конечными потребителями [2, с. 48].

¹ Послание Президента Федеральному Собранию на 2016 год, 3 декабря 2015 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>; Выступление Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева на Пленарном заседании XV съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия» 27 июня 2016 г. <http://da-medvedev.ru/news/item/25333>.

По сути дела сельское хозяйство – это конгломерат, состоящий из множества элементов, в той или иной степени органично вплетенных в структуру национальной экономики и мирового АПК. Интеграционные возможности отрасли базируются на сложной системе межотраслевых связей, которые пронизывают ее изнутри и опутывают снаружи. Сельское хозяйство имеет сложную внутреннюю структуру. Его отрасли и подотрасли существуют не изолированно друг от друга, а напротив, весьма тесно связаны между собой: отрасли растениеводства формируют кормовую базу для отраслей животноводства, создавая условия для так называемой «конвертации зерна в мясо»; в свою очередь отходы животноводства используются для восстановления плодородия почв, что особенно актуально в связи с развитием органического земледелия.

Сельское хозяйство тесно связано с отраслями, которые обеспечивают материально-технические условия его функционирования, – с сельскохозяйственным машиностроением; с производством удобрений, средств защиты растений и комбикормов; с фармацевтической промышленностью; семеноводством и племенноводством; а также с инфраструктурными отраслями, которые обслуживают сельское хозяйство наряду с другими отраслями экономики. В связи с распространением технологий точного земледелия в этот перечень можно добавить космическую и IT-отрасль. Сельское хозяйство также связано с отраслями, которые осуществляют переработку, хранение, перевозку и сбыт сельскохозяйственной продукции (пищевая промышленность, производство тары, складское хозяйство, оптовая и розничная торговля). Кроме того, сельское хозяйство является не только специфической сферой приложения труда и капитала, но и экономической основой определенного социального уклада, и это означает, что сельское хозяйство формирует спрос на специфические неурбанистические виды социальной инфраструктуры и деятельности. В странах, обладающих обширными территориями, сельское хозяйство выступает и способом поддержания освоенности пространства, или иначе, сохранения пространственного потенциала [11]. Таким образом, сельское хозяйство представляет собой весьма сложный социально-экономический организм, интегрированный в общую канву социально-экономической жизни.

Сельское хозяйство в системе экономических и социальных координат

Особая сопряженность сельского хозяйства с другими сферами приводит к тому, что его трудно отделить от иных – природных, пространственных, социальных, социокультурных – аспектов, и поэтому за ним тянется целый шлейф проблем, зачастую имеющих к самому сель-

скому хозяйству достаточно опосредованное отношение. Например, проблемы сельского хозяйства трудно отделить от проблем сельских поселений и сельской инфраструктуры. Эта исторически сложившаяся и имеющая объективный характер социальная «обремененность» отрасли часто приводит к искажению информации не только о реальном положении дел в ней самой, но и мешает посмотреть на сельское хозяйство, а также на всю аграрную сферу как на источник развития.

Для того чтобы отделить сельское хозяйство как отрасль экономики от социальной и прочей «нагрузки», необходимо развести между собой понятия аграрной сферы, сельской среды, сельского уклада, сельского хозяйства и агропромышленного комплекса.

Аграрная сфера – это более широкое понятие, чем сельское хозяйство, поскольку включает не только экономические, но и социальные аспекты. Особенность данной сферы в том, что она представляет собой сложный социально-экономический комплекс, состоящий из совокупности социальных, экономических, политических и пространственных составляющих развития страны (территории). Помимо сельского хозяйства аграрная сфера включает лесное и промысловое хозяйство [6], а также сельскую среду.

Сельская среда объединяет в себе сельский уклад с дачно-загородным укладом. При этом сельский уклад – это организация жизни той части населения, которая проживает в сельской местности, занята в сельском хозяйстве, в сельской инфраструктуре или АПК, а также ведет личное подсобное хозяйство; а дачно-загородный уклад – это «промежуточный» уклад, организующий жизнь жителей городов, владеющих загородной недвижимостью (загородные дома, дачи, участки земли), которые либо создают личные подсобные хозяйства, либо так или иначе участвуют в формировании освоенных агроландшафтов.

Сельское хозяйство (аграрный сектор) – это совокупность аграрных отраслей, обеспечивающих выработку первичного сырья для производства продовольствия, а также непродовольственного сельскохозяйственного сырья.

До последнего времени в отечественной литературе было принято говорить скорее о проблемах, чем о возможностях сельского хозяйства. Согласно такому подходу, сельское хозяйство, из-за зависимости от сезонных и природно-климатических факторов, длительности производственного цикла, неэквивалентности товарообмена с другими отраслями, низкой инвестиционной привлекательности и покупательной способности населения, а также ряда других негативных факторов, является убыточной или, в лучшем случае, низкорентабельной отраслью и может выживать только благодаря патронажу государства [9]. Действительно, отрасль обладает рядом специфических особенностей, ограничивающих возможности использования ее потенциала.

Но поскольку в долгосрочной перспективе трудно ожидать кардинального снижения спроса на сельхозпродукцию (в связи с ростом численности населения планеты и увеличением рисков утраты урожая из-за изменений климата, роста числа стихийных и других катаклизмов), то убыточность сельского хозяйства, скорее всего, является производной от неэффективного управления отраслью.

Агропромышленный комплекс – это крупный межотраслевой комплекс, объединяющий сельское хозяйство с другими отраслями, который осуществляет производство и переработку сельскохозяйственного сырья и выработку продукции, доводимой до конечного потребителя.

В принципе, против подобного определения трудно возразить, но оно порождает ряд вопросов. Какова должна быть степень и глубина подобного объединения? Данное объединение должно быть реальным или формальным? Насколько правомерно говорить о наличии в России реального АПК? С одной стороны, отдельные элементы этого комплекса в нашей стране, безусловно, присутствуют. С другой стороны, на данном этапе они являются набором недостаточно связанных между собой отраслей, которые развиваются тоже очень по-разному. Одни отрасли АПК развиваются достаточно стабильно (производство удобрений, пищевая промышленность) или даже успешно (производство зерна, растительного масла, мяса птицы и свинины), другие – производство молока, семеноводство и племеноводство, производство техники для сельского хозяйства и пищевой промышленности – переживают серьезные трудности. Или, например, как оценить тот факт, что при крупномасштабном экспорте удобрений (порядка 85 % от производства) в собственную пашню Россия вносит только около 50 % от их требуемого объема. Представляется, что в лучшем случае можно пока говорить о том, что российский АПК недостаточно сбалансирован. Для того чтобы обеспечить его реальную, а не фиктивную комплексность и сбалансированность, необходимо приложить значительные усилия и устранить разрывы между его важнейшими блоками:

- животноводством и растениеводством, в целях обеспечения оптимальной для внутреннего и внешнего рынков конвертации зерна в мясо;
- растениеводством и селекционной деятельностью;
- сельским хозяйством и сельхозмашиностроением;
- сельским хозяйством и транспортной, энергетической и логистической инфраструктурой;
- производством удобрений и их внутренним потреблением.

Мировая практика показывает, что в развитых рыночных экономиках АПК представляет собой крупный межотраслевой комплекс, возникающий в результате длительного процесса углубления внутриотраслевых и межотраслевых связей [10]. Анализ зарубежного опыта

позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, наряду с государственным регулированием производства и экспорта сельхозпродукции важнейшим условием эффективности сельского хозяйства является наличие в экономике страны развитого агропромышленного комплекса. Во-вторых, АПК – это, прежде всего, результат вертикальных и горизонтальных интеграционных процессов, поддерживаемых государством. В-третьих, эффективное сельское хозяйство предполагает, что интеграционными связями охвачены как крупные, так и мелкие производители, причем одновременное присутствие в отрасли различных организационных форм является залогом ее быстрой адаптации к новым экономическим условиям и технологиям. В-четвертых, существуют разные модели социальной «нагрузки» на сельское хозяйство. В США, где преобладают более крупные и устойчивые хозяйства (средний размер американской фермы составляет 200 га), а интеграционные связи являются весьма глубокими, социальная нагрузка на отрасль меньше. Исходя из этого, главной задачей аграрной политики в США является выравнивание фермерских доходов с доходами в других отраслях АПК путем использования экономических мер – цен, налогов и кредитов. В Европейском союзе, где около 60% площади сельхозугодий обрабатывается семейными фермами, средний размер которых составляет 8,5 га, проблема малоземелья и преодоления разобщенности сельхозпроизводителей стоит не менее остро, чем проблема выравнивания и стабилизации доходов. Поэтому в ЕС аграрная политика развивается в сторону расширения поддержки различных форм объединений фермеров в целях содействия их совместному противостоянию вызовам рынка и укреплению переговорных позиций с контрагентами [13]. Поддержка интеграционных процессов выступает, таким образом, одним из важнейших направлений модернизации и повышения эффективности сельского хозяйства.

Особенности и проблемы регулирования российского сельского хозяйства при переходе к новой модели развития

На предыдущем этапе магистральной целью российской аграрной политики являлось достижение продовольственной безопасности. Именно зависимость от импорта продовольствия, прежде всего от импорта мясных продуктов, являлась одним из важнейших вызовов, которые стояли перед Россией еще совсем недавно. Доктрина продовольственной безопасности была утверждена в начале 2010 г., когда доля импорта во внутреннем потреблении мяса достигала 30%. Но с тех пор показатели обеспеченности собственными продовольственными ресурсами существенно изменились: в 2015 г. доля импортного

мяса составила 12%, а в первой половине 2016 г. – только 8,6% от внутреннего потребления. Более того, за период, прошедший с момента принятия Доктрины, российский мясной экспорт удвоился, достигнув в 2015 г. 143 тыс. т. Аналогичная ситуация наблюдалась и по другим группам товаров. Однако стратегическая задача государственной аграрной политики не изменилась. Если анализировать Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., то становится очевидным, что даже после внесения в нее изменений в конце 2014 г., содержательно она практически полностью сохранила свою подчиненность Доктрине продовольственной безопасности. Ожидаемые результаты реализации Госпрограммы носят сугубо объемный характер. По сути дела, основной смысл программы – это наделение сельхозпредприятий бюджетными ресурсами, объема которых в конечном итоге будет все равно недостаточно, поскольку масштаб проблем, включая ликвидацию «модернизационного отставания» всей отрасли, требует колоссальных, а в какой-то степени и неподъемных для российского бюджета затрат [1, с. 261]. Возможно, именно этим объясняется хроническая недостаточность средств, выделяемых на поддержание сельского хозяйства. По утверждению И.Н. Буздалова, абсолютный размер этих средств не только равен одной четверти, необходимой для перехода к настоящей модернизации отрасли, но и наполовину меньше той помощи, которую российское государство вправе направлять в сельское хозяйство по соглашению с ВТО [3, с. 242].

В условиях, когда ключевые показатели продовольственной безопасности в основном достигнуты² и можно говорить о начале нового этапа развития российского аграрного сектора, приоритеты аграрной политики должны быть изменены. При этом следует учитывать, что мировой аграрный сектор, несмотря на рост численности населения планеты и, соответственно, рост спроса на продовольствие, в ближайшей перспективе столкнется с целым набором глобальных экономических, структурных, социальных, ценностных, технологических, экологических, природно-ресурсных, политических и институциональных вызовов, увеличивающих неопределенность развития аграрной сферы³.

² Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2015 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. http://www.mcx.ru/documents/document/v7_show/34699..htm (дата обращения: 02.09.2016). С. 19.

³ Прогноз научно-технологического развития АПК Российской Федерации на период до 2030 года: основные положения. 2015. <http://www.dairyunion.ru/rassmotren-prognoz-razvitiya-apk-rf-na-period-do-2030-goda/>. С. 2–4.

Помимо глобальных вызовов на российский аграрный сектор влияют также вызовы локального характера, к которым можно отнести и застарелые проблемы, возникшие в советский и ранний постсоветский период с характерным для него разрушением старых интеграционных связей, и проблемы, обусловленные рыночной трансформацией, длительным самоустранением государства от решения проблем АПК, недоинвестированием аграрной сферы, невосприимчивостью российского реального сектора к инновациям, отставанием в логистике, слабостью российской финансовой системы, монополизмом посредников, кризисом аграрного образования, отсутствием системы поддержки технологически «продвинутых» производителей и т.д., а также совсем новыми проблемами, обусловленными ухудшением отношений с Западом и попытками Запада создать новые интеграционные объединения, где правила ведения бизнеса, в том числе и для аграриев, будут диктоваться США, с которыми Россия находится в весьма напряженных отношениях и которые являются крупнейшими экспортерами продовольствия в мире.

Перечисленные вызовы носят разнонаправленный характер: они порождают, с одной стороны, новые возможности, а с другой – серьезные риски, но главное, в совокупности они порождают неопределенность, которая неизбежно будет ограничивать инвестиционную активность, а также и затруднять реализацию линейных стратегий развития. С учетом всех этих тенденций, проблем и вызовов необходимо переходить к рассмотрению проблемы продовольственной безопасности в контексте ее устойчивого поддержания через придание российскому АПК, с одной стороны, гибкости и маневренности, а с другой – реальной комплексности, когда импортозамещение охватит не только производство основных групп продовольственных товаров, но и отрасли, обеспечивающие материально-техническое снабжение этого производства.

Внимание, которое в последнее время в России стали уделять сельскому хозяйству и АПК в целом, говорит о том, что идет поиск новой магистральной задачи аграрной политики. По сути, речь идет о выборе одного из двух сценариев интеграции сельского хозяйства, которые изложены в Прогнозе научно-технологического развития российского АПК, подготовленном Высшей школой экономики. Основным содержанием первого сценария является формирование внутренне интегрированного национального АПК, который обеспечит насыщение российского рынка конкурентоспособными отечественными продуктами. Данный сценарий предусматривает специальные меры, направленные на превращение отдельных региональных проектов по глубокой переработке сельхозсырья в точки роста, а, во-вторых, поддержка и масштабирование тех направлений научно-технического развития,

которые уже просматриваются в отечественном АПК, но пока находятся в начальной стадии. Второй сценарий изначально направлен на интеграцию российского АПК в мировые цепочки добавленной стоимости. Согласно ему, встраивание во внешний рынок должно сыграть роль драйвера развития отечественного АПК. Отдавая предпочтение второму сценарию, авторы Прогноза подчеркивают, что сценарии не являются взаимоисключающими, но предполагают специфическую последовательность действий, и, следовательно, выбор необходимо сделать как можно раньше⁴.

Представляется, что, несмотря на все сложности, нам целесообразно реализовывать оба сценария одновременно. Безусловно, нам нужен внешний рынок, поскольку внутренний рынок сельхозпродукции объективно ограничен численностью населения и относительно невысоким уровнем потребительских доходов. Но если мы изначально не будем уделять должного внимания формированию внутренних интеграционных связей с целью создания полноценного АПК, то существует риск превращения страны в поставщика монокультуры. Данная тенденция уже начала просматриваться. Анализ статистики показывает, что в то время как поставки сельхозсырья на мировой рынок растут, объем экспорта продукции пищевой промышленности сжимается. Физические объемы экспорта мяса птицы за период 2000–2014 гг. выросли в 16 раз, пшеницы – в 51 раз, а кукурузы – в 528 раз. За последние годы российские агрохолдинги сумели существенно нарастить производство свинины, что позволило начать производить, хотя пока и в незначительном объеме, экспортные поставки мясной продукции, объем которых за пять лет вырос в 7 раз. Однако анализ динамики экспорта продукции, прошедшей ту или иную степень переработки внутри страны, показывает, что здесь наблюдается либо топтание на месте, либо снижение натуральных показателей. Аналогичная картина складывается и с экспортом продукции отраслей, обеспечивающих материально-техническое снабжение сельского хозяйства (см. табл. 2). Все это говорит о возможном повторении ситуации по аналогии с нефтегазовым сектором, который так и не стал полноценным драйвером развития российской экономики в период нефтяного бума. Для того чтобы избежать подобного развития событий, одновременно с поддержкой сельскохозяйственного экспорта необходимо заложить основы эффективного национального АПК, способного поддерживать и продовольственную безопасность, и устойчивое развитие всей аграрной сферы. Для этого необходимо обеспечить сбалансиро-

⁴ Прогноз научно-технологического развития АПК Российской Федерации на период до 2030 года: основные положения. 2015. <http://www.dairyunion.ru/rassmotren-prognoz-razvitiya-apk-rf-na-period-do-2030-goda/> С. 11.

ванность мер, направленных на превращение страны в крупнейшего экспортера продовольствия, и мер, направленных на формирование эффективного АПК на основе глубокой внутренней производственной интеграции и развития внутреннего рынка.

Таблица 2

Экспорт продукции российского АПК в 2000–2014 гг.

	2000	2010	2012	2013	2014
Мясо свежее и мороженое (без мяса птицы), тыс. т	0,9	0,3	0,4	1,5	2,0
Мясо птицы свежее и мороженое, тыс. т	3,8	18,5	25,4	53,8	61,6
Молоко и сливки, несгущенные, тыс. т	4,2	9,9	18,5	21,8	20,2
Молоко и сливки, сгущенные, тыс. т	80,6	18,9	30,5	29,6	31,5
Масло сливочное, тыс. т	4,7	1,6	3,1	2,1	4,4
Пшеница и меслин, тыс. т	594	11848	16089	13796	22139
Ячмень, тыс. т	627	1542	3430	2325	4009
Кукуруза, тыс. т	6,6	232	2197	2599	3488
Мука пшеничная или пшенично-ржаная, тыс. т	233	174	161	116	125
Крупа, тыс. т	36,8	37,4	23,7	22,4	32,0
Масло подсолнечное, сафлоровое или хлопковое и их фракции, тыс. т	226	595	1467	1358	1669
Готовые или консервированные продукты из мяса, тыс. т	7,4	7,7	7,7	9,7	9,5
Сахар белый, тыс. т	178	26,3	62,3	4,4	4,9
Алкогольные и безалкогольные напитки, из них водка, тыс. дкл 100% спирта	–	–	–	–	–
Сигары и сигареты, млн долл. США	38,6	289	485	503	564
Удобрения минеральные смешанные, тыс. т	6312	8040	8744	9151	8276
Инсектициды, фунгициды, гербициды, тыс. т	6,7	10,5	9,6	11,2	12,6
Машины и механизмы для уборки и обмолота сельскохозяйственных культур, сенокосилки, млн долл. США	46,4	62,1	113	155	122
Тракторы, включая седельные тягачи, шт.	7817	5430	5508	6133	5255
Тракторы, включая седельные тягачи млн долл. США	72,7	135	130	128	98,0

Источник: Росстат.

Новый этап развития предполагает не только корректировку магистральной цели аграрной политики, но и трансформацию методов воздействия на сельское хозяйство. До последнего времени россий-

ское государство поддерживало сельское хозяйство преимущественно прямыми методами: путем разработки нормативно-правовых актов, а также посредством наделения сельхозпроизводителей ресурсами через механизм бюджетных субсидий; льготного кредитования предприятий АПК; лизинга сельскохозяйственной и племенных животных с использованием бюджетных средств; государственных закупок сельхозпродукции и продовольствия; страхования урожая; налоговых льгот; реструктуризации задолженности перед бюджетом; софинансирования инвестиций. Недостатком этих мер является их избирательный характер и относительная доступность, а также снижение эффективности действия рыночного механизма. Организационные издержки мероприятий, связанных с получением ресурсов в рамках прямой поддержки, были столь велики, что ей могли воспользоваться преимущественно крупные компании.

В условиях, когда ограниченность ресурсов и неопределенность будут нарастать, государству следует шире использовать косвенные методы, т.е. достигать требуемого результата с помощью системы стимулов, а также направляя и координируя деятельность представителей агропромышленного бизнеса в целях решения общих задач. Представляется, что здесь важнейшими направлениями могли бы стать меры, способствующие развитию различных видов сельскохозяйственной кооперации, а также инфраструктуры и логистики. Кроме того, необходимо усилить роль специализированных институтов развития, созданных еще в начале 2000-х, – Росагробанка и Росагролизинга. К настоящему времени оба института накопили определенный опыт работы с сельхозпроизводителями. Этот опыт пора проанализировать, обобщить и предложить инструменты, повышающие народно-хозяйственную эффективность деятельности данных институтов. К важнейшим методам косвенной поддержки аграриев относится и система страхования аграрных рисков, которая также пока далека от совершенства. Косвенными методами воздействия на АПК являются и модернизация системы аграрного образования, и формирование специальных каналов для распространения аграрных знаний среди всех заинтересованных лиц, через специализированные учебные курсы, консультационные центры, организации стажировок, и даже агротуризм. При умелом госрегулировании меры косвенной поддержки через систему интеграционных связей могут существенно изменить ситуацию во всей аграрной сфере, включая ее самое слабое звено – сельский уклад.

Все это не означает, что государству следует полностью отказаться от прямой поддержки аграрного сектора. Однако необходимо усилить адресность мер этой поддержки, когда средства не просто предоставляются отдельным компаниям, а выделяются исключительно на цели развития производства определенных общественно полезных

продуктов. Кроме того, в фокусе прямой государственной поддержки в ближайшее время должны оказаться семеноводство, племенное хозяйство, сельхозмашиностроение, т.е. те отрасли АПК, продукция которых поступает в нашу страну преимущественно по импорту.

Что касается технического переоснащения отрасли в условиях ограниченности ресурсов и острой конкуренции на мировом рынке продовольствия, то здесь возможны два варианта. Первый из них связан с углублением локализации производства зарубежной сельхозтехники, второй – с поиском собственных оригинальных технических решений, которые обеспечат быстрое обновление материально-технической базы. Существует позиция, согласно которой в мировом АПК наблюдается определенный перекося в сторону самоходной техники, очень дорогой и сложной в обслуживании, поэтому России, возможно, следует изучить вопрос возврата к прицепной технике, но уже на новом технологическом уровне. Подобные технические решения могут возникнуть в условиях особой среды, т.е. специального кластера. Работы над созданием подобного кластера уже ведутся в Ставропольском крае. Кроме того, для ускорения работ по модернизации АПК следует рассмотреть вопрос о создании специального Агентства по модернизации российского АПК, состоящего из высококлассных специалистов данной отрасли [7, с. 6, 12].

В условиях, когда ключевые показатели продовольственной безопасности в основном достигнуты⁵, должны измениться цели и приоритеты аграрной политики. Очевидно, что должен измениться, а точнее, расширяться объект, на который она направлена. В фокусе новой аграрной политики должен попасть весь российский АПК. Важнейшими задачами этой политики должны стать придание подлинной «комплексности» АПК и его превращение в реальный источник экономического роста на основе интенсификации и углубления связей сельского хозяйства с другими отраслями экономики. Но надо иметь в виду, что результативность работы по активизации развития через систему интеграционных связей предполагает ликвидацию ряда болевых точек, которые мешают развитию сельского хозяйства. Такой проблемой является земельный вопрос и связанный с ним вопрос об обеспечении сбалансированного развития различных организационных форм. До последнего времени в России основным двигателем развития АПК являлись агрохолдинги. Именно агрохолдинги проявляют наи-

⁵ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2015 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. http://www.mcsx.ru/documents/document/v7_show/34699..htm (дата обращения: 02.09.2016). С. 19.

большую заинтересованность во внедрении передовых технологий⁶. Именно они обеспечили подъем ряда сельскохозяйственных отраслей, приближение к основным показателям Доктрины продовольственной безопасности и расширение аграрного экспорта. Представляется, что пока они решали эти важнейшие задачи, альтернативы им не было. Но сейчас, когда российский АПК находится на пороге нового этапа развития, требующего формирования устойчивых внутренних связей и многообразия организационных форм, повышающих оперативность реагирования и на новые технико-экономические возможности, и на ожидаемые вызовы, необходим поиск институциональных форм сдерживания агрессивного поведения агрохолдингов, обращенного к более мелким отечественным сельхозпроизводителям. В этом плане неценную помощь могла бы оказать сельскохозяйственная кооперация, развитие которой настоятельно требует специальных усилий, включающих изменение законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухов А.И. Возможности ускоренного импортозамещения в агропродовольственном комплексе страны // Труды ВЭО. 2016. Т. 197. С. 254–261.
2. Ахаткин Н.Ю., Иванова Л.Н. Источники экономического роста в России: выбор приоритетов // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 6. С. 41–50.
3. Буздалов И.Н. Методологические аспекты устойчивости сельского развития // Труды ВЭО. 2016. Т. 197. С. 262–267.
4. Голубев А.В. Инновации и традиции российского агрокомплекса // Мир России. 2013. № 1 С. 61–77.
5. Иванова Л.Н., Терская Г.А. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // Journal of Institutional Studies. 2015. Т. 7. № 2. С. 120–133.
6. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. Современные проблемы промышленного хозяйства и промышленной кооперации // Труды ВЭО. 2016. Т. 197. С. 304–311.
7. Липкович Э. Импортозамещение и модернизация АПК // Аграрная политика: проблемы и решения. 2016. № 8. С. 4–19.
8. Малышева Н.В. Факторы, влияющие на развитие сельского хозяйства с учетом особенностей деятельности сельхозтоваропроизводителей // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5.

⁶ Прогноз научно-технологического развития АПК Российской Федерации на период до 2030 года: основные положения. 2015. <http://www.dairyunion.ru/rassmotren-prognoz-razvitiya-apk-rf-na-period-do-2030-goda>. С. 5.

- <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyaushchie-na-razvitiye-selskogo-hozyaystva-s-uchetom-osobennostey-deyatelnosti-selhoz-tovaroproizvoditeley> (дата обращения: 12.09.2016).
9. Новичихина Н.А. Теоретические аспекты государственного регулирования сельского хозяйства // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-gosudarstvennogo-regulirovaniya-selskogo-hozyaystva> (дата обращения: 15.09.2016).
 10. Проблемы эффективности в XXI веке: экономика США. М.: Наука, 2006.
 11. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. М.: Институт экономики РАН, 2011.
 12. Стратегические ориентиры экономического развития России. СПб.: Алетейя, 2014.
 13. Фрумкин Б.Е. Группы и организации производителей как инструмент устойчивого развития сельского хозяйства и села в странах Евросоюза // Труды ВЭО. 2016. Т. 197. С. 268–273.

L.N. IVANOVA

PhD in economics, leading research fellow of Center of institutes for social and economic development of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

iva-lusa@yandex.ru

T.E. KUZNETSOVA

doctor habilitatus in economics, chief research fellow of Center of institutes for social and economic development of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**INTEGRATION OPPORTUNITIES OF RUSSIAN AGRICULTURAL INDUSTRY
IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO A NEW MODEL OF ECONOMIC GROWTH**

The paper is dedicated to a discussion over the possibility of use of integration properties of agricultural industry for the purpose of activation of economic growth. Now a certain stage of development of an industry during which the main objectives of food security are solved is coming to the end. Besides the scales of food export are significantly expanded. The new stage of development of agricultural industry assumes the shift of priorities of state policy from building-up of amounts of food resources due to support of large agricultural producers to transformation of the Russian agrarian and industrial complex into a real source of economic growth on the basis of an intensification and deepening of communications of agricultural industry with allied industries and forming of effective agrarian and industrial complex that, in turn, requires transformation of the existing system of institutes of development, and methods of regulatory impact on an industry.

Keywords: *agricultural industry, agro-industrial complex, integration, institutional transformation.*

JEL: Q10, O13, Q18, P20.

И.Р. КУРНЫШЕВА

доктор экономических наук, зав. сектором Института экономики РАН

С.В. КОЗЛОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

Н.Г. МАТОРА

научный сотрудник Института экономики РАН

ДИСФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КАК КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Одной из причин, тормозящих устойчивое и равномерное социально-экономическое развитие РФ, является слабое использование факторов конкурентного преимущества регионов, в том числе земельного потенциала отдельных внутренних территорий страны. В свою очередь одной из главных причин этого является наличие дисфункций государственного управления использованием земельных ресурсов.

Авторами статьи предлагается внедрять механизм TIF в целях повышения ценности земли и, как следствие, в целях повышения конкурентоспособности регионов России.

Ключевые слова: конкурентный потенциал регионов, государственное управление земельными ресурсами, дисфункции государственного управления.

JEL: H820, R140, R580, R580, Q150.

Создание конкурентного климата в регионах

Мировая экономика следует по интеграционному пути развития. Соответственно страны стремятся друг к другу, становятся более взаимосвязанными и взаимозависимыми, что находит отражение в соотношении конкурентных сил участников на мировой арене, способствует позитивной трансформации национальных экономик. Тенденции преодоления дисфункций регионального развития имеют место и в процессах межрегионального взаимодействия. В современных условиях

¹ Статья подготовлена по материалам исследования по приоритетным направлениям научных исследований Института экономики РАН 0166-2014-0019: «Институциональный анализ дисфункций государственного управления экономикой».

и мировая, и российская экономика приобретают новый структурный облик. Однако если страны в мировой экономике развиваются в условиях конкурентной среды, то территории и регионы в российской экономике не привыкли бороться экономически. Они пребывают преимущественно в условиях конкурентной борьбы за дотации и дополнительную финансовую составляющую бюджетной поддержки. Одной из главных причин этого является наличие дисфункций государственного управления региональным развитием.

Повышение эффективности качества системы государственного управления является сегодня первоочередной задачей. Вектор государственного управления целесообразно направить, наряду с дотационным механизмом, на создание конкурентной среды в регионах.

В современных условиях особые требования начинают предъявляться к качеству управления региональным развитием, к формированию сильного «организационного потенциала» в регионе. Создание уникальных сочетаний факторов производства, которые можно было бы трансформировать в уникальные предложения для инвесторов, превращение имеющихся в регионе природных ресурсов в устойчивые конкурентные преимущества становятся основными функциями органов государственного управления.

Безусловно, государство заинтересовано в социально-экономическом подъеме регионов страны. Однако российская практика управления региональным развитием за более чем 25-летний период реформ показывает, что применяемые по отдельности только рыночные механизмы или только государственные меры поддержки отдельных регионов не работают. На наш взгляд, наиболее эффективным механизмом государственного управления конкурентными преимуществами регионов может стать взаимодействие государственных и рыночных институтов. Подобный формат модели управления экономическим развитием, охватывая большой круг проблем, принципиально решает вопросы границ темпов роста и структурных сдвигов, поскольку переводит эту проблему из ограниченной сферы возможностей только одного государственного управления, или только рынка в сферу креативных возможностей синергетического эффекта возникающего нового регулирующего партнерства. *При этом такой механизм управления позволит перекрестно нейтрализовать провалы: со стороны государства возможна нейтрализация провалов рынка, со стороны рынка – провалов государственного управления.*

Как показывает российская практика, у нас существуют пока лишь единичные случаи применения системных инноваций в сфере государственного управления конкуренцией, дающие в результате значимый положительный эффект. Во многом это связано со значительно большей инертностью структур государственного управления, по сравне-

нию с динамикой преобразований внешней среды, а также с широким распространением неформальных институтов и отношений, формирующих группы властной и бизнес-элиты, заинтересованные, преимущественно, в получении аллокационной эффективности от перераспределения существующих ресурсов, а не от создания будущей стоимости. Одной из таких инноваций в сфере государственного управления может стать добросовестная конкуренция между юрисдикциями, которая сформирует основу для создания более эффективной системы взаимодействия, адаптированной к меняющимся потребностям региональной экономики.

Преодоление дисфункций государственного управления региональным развитием связано с созданием в регионах рыночной конкурентной среды. Конкурентный климат регионов оценивается прежде всего с позиции эффективности вовлечения и использования всех видов ресурсов, что в значительной мере зависит от качества управления данными ресурсами. Критерий соответствия управления ресурсами задачам регионального развития означает, что на каждом этапе развития регионов и в зависимости от выбранной стратегии развития разные ресурсы могут выступать как ключевые, что позволяет сконцентрировать внимание органов управления регионами на наиболее актуальных проблемах и факторах, а также учесть специфику экономики различных регионов. Как нам представляется, сейчас на одну из ведущих позиций как раз и выходят земельные ресурсы, а также повышение качества управления ими.

Конкурентный потенциал регионов определяется главным образом их способностью создать на своей территории уникальные сочетания факторов производства, внешней и внутренней среды, трансформирующихся в конечном итоге в уникальные предложения для потенциальных потребителей. Эта их особенность накладывает определенный отпечаток на инструменты управления региональным развитием, в том числе на действующую модель региональной экономической политики. В этом случае ее потенциал будет определяться способностью инициировать структурные изменения в его воспроизводственной, социальной структуре, в структуре ввоза-вывоза товаров.

Например, в кризисных условиях подобная региональная экономическая политика должна быть ориентирована не только на стабилизацию ситуации в социально-экономической сфере, а на инициирование таких структурных изменений, которые позволили бы региону перейти на качественно новый этап развития, на внедрение модели управления, ориентированной на лидерство. А это возможно через достижение уникальных сочетаний факторов производства, составной частью которых является земельный фактор. Итак, земельные ресурсы на сегодня становятся частью конкурентного потенциала, который

необходимо активно использовать при решении задач развития регионов и страны в целом.

Рассматривать механизмы вовлечения земельных ресурсов в конкурентный потенциал регионов необходимо в совокупности с новыми методами их управления. Первоочередным здесь является совершенствование не всегда работающей на местах законодательной базы в области земельных отношений, которая не позволяет эффективно регулировать отношения недвижимости и открывает простор для различного рода злоупотреблений, а также мер по расширению рынка земли и недвижимости.

Земельные ресурсы регионов как объект управления

Россия обладает огромным потенциалом земельных ресурсов², однако использование данного фактора производства в интересах как отдельных регионов, так и государства в целом, остается малоэффективным. Так, в субъектах Северо-Западного федерального округа зарастают бурьяном сотни тысяч пахотных угодий; в то же время в некоторых регионах аграрные компании не могут реализовать инвестиционные проекты, потому что им не хватает подходящих земельных участков. Инвесторы и фермеры выстраиваются в очередь за пахотными угодьями, формируют спрос и конкурентный климат, но многие из них не могут получить участки, расширить старое или открыть новое аграрное производство.

Одна из основных причин сложившейся ситуации, на наш взгляд, в том, что государственное управление земельными ресурсами остается на низком уровне. Кроме того, до сих пор не сформирована институциональная среда, в которой четко и по правилам осуществлялось бы землепользование.

Нельзя сказать, что в России отсутствуют законодательные акты, регулирующие земельные отношения. Наоборот, на протяжении более чем 20-летнего периода у нас непрерывно осуществляется земельная реформа. Радикальные изменения в экономике России, произошедшие в начале 90-х годов прошлого века, привели к отказу от монопольной государственной собственности на землю и принци-

² Площадь земельного фонда Российской Федерации на 1 января 2015 г. составила 1712,5 млн га без учета внутренних морских вод и территориального моря. В соответствии с данными государственной статистической отчетности по состоянию на 1 января 2015 г. сведения о наличии и распределении земельного фонда Российской Федерации в разрезе субъектов содержат характеристики земель 84 субъектов Российской Федерации на площади 1709,9 млн га без учета площади земель Республики Крым. Для сравнения, суммарные земельные ресурсы Земли составляют около 15 млрд га (не вся суша «автоматически» попадает в категорию «земельные ресурсы»).

пиально изменили систему правоотношений. Принятие многочисленных нормативно-правовых актов, работа по созданию соответствующих институциональных структур, разработка земельного кадастра – все это было направлено на формирование земельного рынка. Как результат, в последние годы в этой сфере были отмечены значительные изменения: земли перераспределились между хозяйствующими субъектами, увеличилось число лиц, вовлеченных в земельные отношения, выросли поступления в бюджеты разных уровней от использования земли (выкуп земельных участков приватизированными предприятиями, аренда, земельный налог и т.д.), земля стала объектом пристального внимания инвесторов. Произошло повышение значимости земельного фактора в развитии экономики, изменились механизмы привлечения инвестиций в использование земельных ресурсов как федерального, так и регионального уровней. По данным государственного статистического наблюдения за земельными ресурсами, на 1 января 2015 г. в собственности граждан и юридических лиц находилось 7,8% земельного фонда страны. Из них в собственности граждан и их объединений – 6,8%, в собственности юридических лиц – 1,0% земельного фонда России; в государственной и муниципальной собственности – 92,2% от площади земельного фонда страны [1]. Однако если сравнивать со структурой земельной собственности в других странах, то можно видеть серьезный крен в России в сторону государственной собственности. Так, в Германии³ структура собственности на землю в 2003 г. была следующей: частная собственность – 77%, государственная – 4%, муниципальная – 6%, прочие формы собственности – 13%.

Противоположные пропорции в соотношениях долей участников земельных отношений могут негативно отражаться при использовании иностранного опыта управления земельными ресурсами.

Очевидно, что назрела острая потребность в теоретико-методологической разработке качественно новых подходов к управлению земельными ресурсами, с учетом современных реалий и вызовов. Акцент, на наш взгляд, должен быть сделан на вовлечении земельных ресурсов в конкурентные отношения регионов.

Процесс земельных реформ показал, что до сих пор рыночные отношения не смогли реализовать в полной мере потенциальные возможности использования этого ресурса. Земельные участки в населенных пунктах, требующие дополнительных и, как правило, долгосрочных и дорогостоящих инфраструктурных вложений, не привлекают в должной мере потенциальных инвесторов и не служат источником пополнения местных бюджетов. Земельные участки, на которых рас-

³ <https://yandex.ru/images/search?text=структура собственности на землю в германии&stype=image&lr=213&noreask=1&parent-reqid=147>.

положены предприятия, не стали для них полноценным активом (до сих пор большинство предприятий не выкупило их в частную собственность), что ограничивает залоговые операции и привлечение дополнительных инвестиций в реальный сектор экономики.

На сегодня в России сложилась ситуация, когда, с одной стороны, востребована (и часто спрос превышает предложение) земля, приносящая рентный доход для узкого круга инвесторов (например, свободных земельных участков в крупных городах и их пригородах уже не хватает под строительство), с другой – земля (в первую очередь сельскохозяйственного назначения) не используется по назначению или используется неэффективно – сокращаются площади земель, находящихся в обработке.

Таким образом, изменение институциональной среды российской системы земельных отношений под воздействием современных реалий предполагает адаптацию законодательной базы, регулирующей земельные отношения, совершенствование оценки земельных ресурсов, повышение эффективности использования земель различных категорий. При этом роль государства как представителя власти возрастает: необходимы государственные гарантии защиты всех форм собственности на объекты земельно-имущественного комплекса; выполнение публичных обязательств государства перед населением и бизнесом; сохранение и наращивание производственно-технологического потенциала, снижение административных барьеров для бизнеса. Привлечение инвестиций для развития долгосрочных приоритетов модернизации промышленных и агропромышленных комплексов регионов на инновационной основе предполагает также их поддержку через специальные ставки в части земельных платежей и налогов, отсрочки и др., целевое льготное кредитование, страхование рисков, контроль за соблюдением законодательно определенных институциональных норм.

Роль земли в привлечении инвестиций в регионы возрастает.

Инвестиционный потенциал регионов

На практике основным институтом развития экономики выступают инвестиции. Данные Росстата свидетельствуют о длительном хроническом замедлении инвестиционного процесса внутри страны и его дифференциации в региональном разрезе. Темпы роста инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году) составляли: в 2013 г. – 99,7%, в 2014 г. – 97,3%, в 2015 г. – 91,6%⁴.

⁴ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал по субъектам Российской Федерации в 2012–2015 гг. (в %)

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	23,5	24,8	25,4	25,2
Северо-Западный федеральный округ	11,8	10,5	10,0	9,9
Южный федеральный округ	10,0	11,2	9,4	8,3
Северо-Кавказский федеральный округ	3,2	3,3	3,8	3,5
Республика Ингушетия	0,1	0,1	0,1	
Приволжский федеральный округ	16,0	17,1	17,4	16,8
Уральский федеральный округ	16,2	16,1	17,1	17,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	4,6	4,5	5,3	
Сибирский федеральный округ	11,6	10,7	10,6	9,5
Дальневосточный федеральный округ	7,7	6,3	6,1	6,1
Крымский федеральный округ			0,2	3,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015. Стат.сб./Росстат. М., 2015. С. 586. Табл. 24–9. Социально-экономическое положение федеральных округов.

Как свидетельствуют статистические данные табл. 1, наибольший объем инвестиций направляется в Центральный федеральный округ – почти четверть всех инвестиций, осуществляемых в экономику. Меньше всего – в Северо-Кавказский федеральный округ – чуть больше 3%, а в Республику Ингушетия – 0,1%. Сравнительно активно и равномерно осуществляются инвестиции в Приволжский федеральный округ и Уральский федеральный округ.

Государственное вмешательство в инвестиционные процессы в условиях рыночной экономики всегда ограничено. Но оно необходимо и целесообразно для того, чтобы переломить неблагоприятные тенденции, повышать инвестиционную непривлекательность регионов и отраслей, стимулировать активность хозяйствующих субъектов в сфере инвестиционной деятельности.

Динамика прямой государственной инвестиционной поддержки регионов представлена в табл. 2.

Данные табл. 2 конкретизируют роль государства в инвестиционном процессе последних лет и демонстрируют одну из фундаментальных причин длительной дифференциации экономического регионального развития. Можно констатировать, что наибольшей бюджетной поддержкой пользуются те регионы, в которых велик удельный вес внебюджетных инвестиций в основной капитал – Центральный

Таблица 2

**Бюджетные средства на инвестиции в основной капитал
по субъектам Российской Федерации (в %)**

	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	25,0	32,1	33,7
Северо-Западный федеральный округ	11,3	10,9	13,2
Южный федеральный округ	11,2	12,3	2,6
Северо-Кавказский федеральный округ	5,2	4,6	7,7
Республика Ингушетия	0,5	0,6	0,6
Приволжский федеральный округ	14,7	13,1	12,8
Уральский федеральный округ	11,3	8,9	8,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,6	1,7	-0,4
Сибирский федеральный округ	10,2	8,6	7,6
Дальневосточный федеральный округ	11,2	9,6	13,3
Крымский федеральный округ			0,5

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.
Лист 03.

федеральный округ, Приволжский федеральный округ, Уральский федеральный округ. Выделяется Ямало-Ненецкий авт. округ – в нем внебюджетные инвестиции значительно превышают бюджетные поступления (см. табл. 3).

Богатый мировой опыт говорит о том, что уже давно пора расширять арсенал используемых мер воздействия на инвестиционную политику, – сам регион должен принимать активное участие в привлечении инвестиций, бороться, продвигать свои инвестиционные проекты. Все это возможно осуществить, если позиционировать регион как своеобразный «товар» инвестиционного рынка, т.е. формируя у региона наличие определенных инвестиционных товарных свойств средствами инвестиционного маркетинга, который включает огромный перечень эффективных, современных рычагов воздействия на инвестиционный климат.

Накопленный рядом стран и российских регионов положительный опыт свидетельствует о том, что комплекс мер по регулированию и стимулированию инвестиционной деятельности в регионах должен отличаться от критериев, используемых на федеральном уровне по привлечению инвестиций. Нам представляется, что исходными пунктами решения задачи повышения инвестиционной активности в регионах должны стать: выявление и анализ факторов инвестиционной привлекательности каждого из рассматриваемых регионов; четкое

Таблица 3

Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) (по состоянию на 15 августа 2016 г.), %

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	23,3	23,5	24,4	24,9
Северо-Западный федеральный округ	11,8	10,6	9,6	9,6
Южный федеральный округ	9,8	11,0	10,2	8,7
Северо-Кавказский федеральный округ	2,9	3,1	3,4	3,4
Республика Ингушетия	0,1	0,1	0,1	0,1
Приволжский федеральный округ	16,2	17,8	17,9	17,8
Уральский федеральный округ	17,0	17,3	18,1	16,5
Ямало-Ненецкий авт. округ	4,9	4,9	5,9	4,7
Сибирский федеральный округ	11,8	11,0	11,0	9,6
Дальневосточный федеральный округ	7,2	5,7	5,2	5,8
Крымский федеральный округ			0,2	0,2

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/regional_statistics.

определение состава факторов инвестиционно значимых конкурентных преимуществ, подлежащих всемерной поддержке и развитию; выявление «слабых позиций» каждого из регионов, снижающих их инвестиционный потенциал и повышающих риски инвестирования в них, с целью минимизации этих рисков.

Приток инвестиций, как российских, так и иностранных, во многом зависит от уровня развития и состояния инфраструктуры региона.

Развитие инфраструктуры региона и повышение ценности земельных ресурсов с использованием механизма Tax Increment Financing

В мире используются различные механизмы развития территорий, в том числе и механизм, который учитывает возможные будущие выгоды территории от создания объектов инфраструктуры в результате улучшения инвестиционного, предпринимательского и конкурентного климата, активизации инвестиционных поступлений, дополнительных поступлений от налогов, сборов, предоставления прав доступа и иных привилегий, т.е. в результате мультипликативного эффекта от инвестиций. В мире данный механизм называется Tax Increment Financing (далее – ТИФ), или финансирование в счет планируемого увеличения налогов (данный инструмент также упоминается как «механизм отложенных платежей», «механизм отложенных налоговых платежей»).

TIF-механизм применяется с целью развития инфраструктуры в счет планируемого увеличения будущих налоговых доходов от улучшений на территории. Для реализации инфраструктурного проекта, финансируемого с использованием TIF, уполномоченные органы власти определяют ограниченную территорию (далее – TIF-район), включающую помимо предполагаемых к модернизации (реконструкции, строительству) объектов инфраструктуры ряд прилегающих территорий с жилой, коммерческой или промышленной недвижимостью. Уровень налоговых доходов (связанных с налогами на недвижимость), формируемых в рамках TIF-района на момент начала проекта, фиксируется. Предполагается, что реализация инфраструктурного проекта в районе увеличит ценность недвижимости и/или земли на близлежащих территориях, повысит уровень налоговых доходов сверх установленного без повышения налоговых ставок. Все подобные налоговые сверхдоходы от TIF-района (tax increments) или только их часть, включая доходы от самого инфраструктурного проекта (если таковой приносит их самостоятельно), перераспределяются из государственного бюджета в бюджет TIF-проекта вплоть до его окончания и используются для погашения первоначальных инвестиций в проект. Впоследствии реализация проекта также может повлечь и увеличение доходов от налогов с продаж, и увеличение числа рабочих мест.

Срок действия TIF-проекта задается заранее и составляет обычно 20–25 лет. По окончании проекта все сверхдоходы вновь поступают в бюджет. Инструмент наиболее часто используется муниципальными органами власти для финансирования проектов строительства или реконструкции определенных инфраструктурных объектов или комплексного развития отдельных территорий.

В рамках исследования механизмов и институтов повышения конкурентоспособности российских регионов интересен зарубежный опыт использования механизма TIF для комплексного развития отдельных территорий. В использовании TIF-проектов необходимо выделить несколько основных моментов.

1. Исследование и структурирование причин, по которым рассматривается возможность использования механизма TIF. Специалисты разделяют причины на глобальные и локальные [2].

2. Анализ наличия рисков, связанных с применением TIF-проектов. Механизм TIF имеет не слишком широкое распространение в мире ввиду наличия как финансовых рисков при его использовании, связанных с неопределенностью по доходам TIF, так и определенных трудностей при адаптации существующей нормативно-правовой среды к внедрению TIF. Управление адаптацией существующей нормативно-правовой среды имеет очень большое значение для

использования данного механизма и является своего рода проверкой эффективности институтов государственного (и муниципального) управления всех уровней.

Это связано с тем, что, во-первых, внедрение механизма ТИФ требует изменения нормативно-правового регулирования как в бюджетном и налоговом законодательстве, так и в смежных сферах градостроительства, земельного, административного и гражданского права, законодательства по тарифам. Во-вторых, поскольку механизм используется на муниципальном уровне, требуется изменение нормативно-правовой базы нескольких уровней власти, а также наличие или передача широких прав властям муниципалитетов в области налогового и земельного регулирования. Необходимо развитие рынка муниципальных облигаций, являющегося составной частью механизма ТИФ.

3. Создание специальных институтов, реализующих потенциал автономии при внедрении ТИФ. Например, в США регулирование рынка муниципальных облигаций, являющихся одними из основных инструментов привлечения финансов при реализации ТИФ-проектов, более мягкое, чем рынка корпоративных облигаций, что дает преференции муниципальным органам с точки зрения издержек на андеррайтинг (на размещение ценных бумаг новых выпусков на первичном рынке инвестиционными компаниями, банками и крупными брокерскими фирмами). Кроме того, доход с муниципальных облигаций не облагается налогами, и существуют ограничения на их покупку крупными финансовыми структурами, что делает их привлекательными для физических лиц, которые де-факто являются резидентами территорий, на которых и реализуются ТИФ-проекты.

Все это указывает на то, что использование механизма ТИФ и его аналогов имеет определенные преимущества, однако, с точки зрения адаптации указанных механизмов в России, целесообразно рассматривать их как часть целой группы механизмов, ориентированных на мультипликацию экономического эффекта от инвестиций. Российские специалисты уже сегодня считают, что в России представляется целесообразным развитие механизмов налогового стимулирования, аналогичных ТИФ, с целью привлечения частных инвестиций в реализацию инвестиционных проектов по развитию общественной инфраструктуры. При этом возвратность таких инвестиций предлагается обеспечить за счет платежей из средств бюджетной системы Российской Федерации с учетом роста ее налоговых доходов от реализуемых в связи с созданием объектов общественной инфраструктуры производственных инвестиционных проектов [3].

Таким образом, положительный опыт применения механизма реализации ТИФ может использоваться в российской практике уже

сегодня, в определенном адаптированном виде, учитывая несовершенство рыночных инструментов финансирования проектов и состояние финансового рынка, а также ограничение бюджетного законодательства. По мере совершенствования финансовых инструментов должны будут возникнуть дополнительные возможности по использованию механизма отложенных налоговых платежей в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный доклад об использовании земли РФ в 2014 году. Росстат, 2015.
2. Механизм отложенных налоговых платежей как способ финансирования инфраструктурных проектов: зарубежный опыт / Под ред. В.А. Дмитриева, А.В. Баженова. Монография. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016.
3. Чаркина Е.В. Новые механизмы реализации региональных и межрегиональных инвестиционных проектов государственно-частного партнерства // Инновации и инвестиции. 2015. № 5.

I.R. KURNYSHEVA

doctor habilitatus in economics, head of Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kurnisheva@yandex.ru

S.V. KOZLOVA

doctor habilitatus in economics, leading research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
svk1020@mail.ru

N.G. MATORA

research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
matora@inecon.ru

DYSFUNCTIONS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN CASE OF LAND RESOURCES USE AS A COMPETITIVE CAPACITY OF RUSSIA'S REGIONS

One of the reasons which are slowing down sustainable and uniform social and economic development of the Russian Federation is weak use of factors of competitive advantage of regions, including land capacity of certain internal territories of the country. In turn one of the main reasons of it is availability of dysfunctions of public administration by use of land resources.

The authors offer to implement the TIF mechanism for the purpose of increase in land value and, as a result, for the purpose of increase in competitiveness of regions of Russia.

Keywords: *competitive capacity of regions, public administration by land resources, dysfunctions of public administration.*

JEL: H820, R140, R580, R580, Q150.

Р.И. ШИРЯЕВА

кандидат экономических наук, ведущий научный
сотрудник Института экономики РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ¹

Статья посвящена анализу институциональных условий, необходимых для реализации функциональной роли земельной собственности в структуре общественного воспроизводства и выявлению упущений государственного регулирования земельных отношений, сокращающих институциональные возможности ее полноценной реализации.

Ключевые слова: воспроизводство, земельная собственность, государственная собственность, частная собственность, земельные отношения, землепользование, социальная эффективность, экономическая эффективность.

JEL: Q15, L330.

Земельная собственность – многофункциональная система отношений, оказывающих существенное воздействие на различные аспекты функционирования и развития экономики: обеспечение продовольственной безопасности, экологической безопасности, оптимизацию условий ее пространственного развития и т.д.

В постсоветский период произошли радикальные изменения в структуре отношений собственности в землепользовании: была ликвидирована монополия государственной собственности на землю, введен институт частной собственности в сфере земельных отношений и на этой основе началось формирование многоукладного хозяйства, развитие рыночных механизмов государственного регулирования земельных отношений и земельной собственности.

Согласно данным государственной статистики, на 01.01.2009 г. в России в собственности граждан и юридических лиц, т.е. в частной собственности, находилось 132,9 млн га, или 7,8% земельного фонда страны. Гражданам и их объединениям принадлежало 7,3% земельного фонда, юридическим лицам – 0,5%. Площадь земель, принадлежащих государству и муниципальным образованиям, составляла на тот же период 1576,9 млн га, или 92,2% земельного фонда страны [1, с. 22].

¹ Статья написана при поддержке РГНФ (Грант №14-02-00150).

Что касается земель сельскохозяйственного назначения, то, по данным на 1 января 2015 г., значительная часть земель категории сельскохозяйственного назначения находилась в государственной и муниципальной собственности – 257,9 млн га, или 66,9% земель, в собственности граждан – 111,2 млн га, или 28,8% площади, в собственности юридических лиц – 16,4 млн га (4,3%) [2].

Формы и механизмы реализации частной и государственной собственности на землю различны. Применительно к частной собственности доминирующими регуляторами ее функционирования и реализации являются рыночные механизмы, рыночные отношения. Что касается государственной собственности, то система регулирования ее развития представляет собой сочетание рыночных и нерыночных регуляторов и не исключает возможности принятия нерыночных решений по поводу ее использования.

Рыночное регулирование земельных отношений обостряет внутреннее противоречие отношений земельной собственности – необходимость одновременной реализации экономических и социальных целей, одновременного достижения экономической и социальной эффективности. Рыночные регуляторы блокируют процесс реализации социальных целей, препятствующих максимизации прибыли, снижая тем самым эффективность использования социальных ресурсов экономического роста. В результате формируются предпосылки возникновения дисфункций структуры общественного воспроизводства, поскольку реализация социальных целей развития земельной собственности – неотъемлемая составляющая ее воспроизводственных функций. В конечном счете снижается социально-экономическая эффективность использования земли – одного из базовых факторов общественного производства.

Необходимость ориентации управления земельной собственностью на обеспечение неразрывного единства социальных и экономических целей и функций в структуре земельных отношений в определенной мере стирает различия между государственной и частной собственностью на землю, поскольку она приобретает характер императива для регулирования и той и другой форм собственности. Реализация общественных, в том числе социальных, интересов составляет значительный удельный вес в деятельности хозяйствующих субъектов независимо от формы собственности, на основании которой она осуществляется, – государственной или частной. При этом и в том и в другом случае представляется целесообразным использование мер экономического принуждения для обеспечения полноценной реализации всего комплекса воспроизводственных функций земельной собственности: и социальных, и экономических (об этом подробно см.: [3]).

Для частных собственников нет необходимости принуждения к достижению экономической эффективности, поскольку мотива-

ции к эффективной деятельности формируются у них рыночными регуляторами. Но необходимым является их принуждение к реализации социальных функций в силу того, что они противоречат цели функционирования частной собственности – максимизации прибыли. Применительно к государственной собственности экономическое принуждение ее субъектов необходимо не только к достижению экономической эффективности, в силу отсутствия у них естественных мотиваций к эффективной деятельности и сохранению государственной собственности, но и к реализации социальных функций, несмотря на то что фундаментальная цель использования государственной собственности – реализация общественных интересов, предполагающая значительный удельный вес в структуре целей ее функционирования. Основная причина необходимости принуждения субъектов государственной собственности к достижению не только экономических, но и социальных целей – недостаточная правовая защищенность государственной собственности, формирующая избыточные плохо контролируемые права собственности у ее субъектов (органов государственного управления, наделенных правами государственной собственности, менеджмента государственных компаний), создающая тем самым институциональные возможности конвертации общественных интересов в интересы частные и групповые.

В этих условиях крайне востребованным становится регулирующее воздействие государства на формирование институциональной среды развития земельных отношений (с целью формирования условий, необходимых для полноценной реализации социальных функций земельной собственности), компенсирующей вышеназванный провал рыночного регулирования земельных отношений, исключающей возможность возникновения конфликта экономических и социальных целей и интересов.

На данном направлении государственного регулирования земельной собственности ключевую роль в повышении его эффективности играет качество экономического законодательства, формирующего институциональную среду функционирования земельной собственности, адекватную ее природе, учитывающую необходимость обеспечения условий бесконфликтной реализации разнонаправленных целей ее использования. Предметом регулирования земельного законодательства являются отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации, как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Законодательство Российской Федерации предоставляет собственникам, землевладельцам, землепользователям и арендаторам широкие права по самостоятельному хозяйствованию на земле. Однако такая деятельность, в соответствии со статьей 36 Конституции Российской Федерации, не

должна наносить ущерб окружающей среде, нарушать права и законные интересы иных лиц.

Поэтому действующее законодательство, регулирующее земельные отношения, предусматривает определенные меры по смягчению противоречия между экономическими и социальными функциями земельной собственности, в основе которых – некоторые ограничения свободы частной собственности на землю с целью создания институциональных условий для реализации общественных интересов. Это принуждение к соблюдению экологической безопасности, законодательная возможность изъятия земельных участков в общественных интересах, в том числе в интересах национальной безопасности, градостроительства, благоустройства населенных пунктов, строительства дорог и т.д. В соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации правительством Российской Федерации утверждены правила, определяющие порядок возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных изъятием или временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель.

Но, очевидно, действенность и эффективность этих мер явно недостаточна, о чем свидетельствуют характеристики состояния землепользования в России, содержащиеся, в частности, в Государственном (национальном) докладе «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2014 г.». В докладе отмечается, что проведенный Росреестром анализ поступивших из субъектов Российской Федерации данных о качественном и экологическом состоянии и использовании земель за 2014 г. показывает, что на территории России почти повсеместно наблюдается деградация земель, отражающаяся на эффективности земледелия и вызывающая расширение ареалов проблемных и кризисных экологических ситуаций. Основными негативными процессами, приводящими к деградации земель, почвенного и растительного покрова, являются: водная и ветровая эрозия, переувлажнение и заболачивание, подтопление, засоление и осолонцевание. Водной эрозии подвержено 17,8% площади сельскохозяйственных угодий, ветровой – 8,4%, переувлажненные и заболоченные земли занимают 12,3%, засоленные и солонцеватые – 20,1% сельскохозяйственных угодий. Одним из наиболее интенсивных и широко распространенных процессов на засушливых территориях юга Российской Федерации является опустынивание земель. В результате опустынивания территорий природные пастбища теряют свою продуктивность, почвы подвергаются эрозии и засолению, пески оголяются и приходят в движение. В Российской Федерации опустынивание в той или иной мере

происходит в 27 субъектах Российской Федерации и охватывает площадь более 100 млн га.

Степень официально зафиксированного неудовлетворительного использования земельных ресурсов свидетельствует, во-первых, о существенных нарушениях нормального полноценного воспроизводства необходимых качественных характеристик земли, нарушениях, блокирующих успешную реализацию ее воспроизводственных функций на всех направлениях использования, особенно на направлении обеспечения экологической безопасности², во-вторых, о наличии дисфункций процесса управления земельными ресурсами, что подтверждается характером нарушений земельного законодательства, выявленных Росреестром.

В частности, в докладе отмечено, что по сравнению с 2013 г. количество выявленных нарушений земельного законодательства возросло на 5,4%. При этом самое распространенное нарушение земельного законодательства – самовольное занятие земельных участков, использование их без правоустанавливающих документов и документов, разрешающих осуществление хозяйственной деятельности, увеличилось по сравнению с 2013 г. на 4,0%.

Также за этот период увеличилось количество выявленных нарушений по таким видам правонарушений, как:

- использование земель не по целевому назначению – с 6 737 до 8 397 ед. (24,6%);
- неиспользование земельных участков – с 4 425 до 5 190 ед. (17,3%);
- невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению, – с 78 до 153 ед. (96,2%);
- невыполнение предписаний госземинспекторов по вопросам устранения нарушений земельного законодательства – с 42 220 до 46 137 ед. (9,3%);
- неповиновение требованию госземинспектора или воспрепятствование осуществлению им служебных обязанностей – с 4 902 до 5 462 ед. (11,4%);
- неуплата административного штрафа в срок – с 3 375 до 3 948 ед. (17,0%).

Наибольшее количество выявленных правонарушений связано с несоблюдением гражданами и другими хозяйствующими субъектами установленных требований и обязательных мероприятий по улучшению, защите земель и охране почв от ветровой, водной эрозии, по предотвращению других процессов и иного негативного воздействия

² Между тем в Земельном Кодексе РФ подчеркивается приоритет охраны окружающей среды в регулировании земельных отношений (ст. 11–14 ЗК РФ).

на окружающую среду, ухудшающих качественное состояние земель. Авторы доклада считают, что невыполнение названных мероприятий является прямым следствием того, что сельскохозяйственные земли землепользователями либо не используются, либо используются крайне неудовлетворительно, в результате чего их выбытие из сельскохозяйственного оборота приобретает характер устойчивой тенденции. По данным Национального доклада, с 2009 г. по настоящее время сокращение площади сельскохозяйственных земель составило 16,2 млн га.

Характер нарушений земельного законодательства дает основания для вывода о существенных деформациях институциональной среды функционирования земельной собственности, дерегулирующих процесс ее развития, искажающих мотивации землепользователей. Результат – подавление потенциала развития земельной собственности (экономического и, особенно, социального), а следовательно, и потенциала развития экономики страны. К сожалению, в докладе не исследуются различия в состоянии земель по формам собственности. Исходя из того, что преобладающей формой собственности в землепользовании является государственная собственность (90% всего земельного фонда), можно предположить, что основное негативное воздействие на неудовлетворительное состояние земельных ресурсов оказывают дисфункции управления государственной собственностью на землю.

При этом нельзя не отметить, что нередко возникновение деформаций в системе земельных отношений – непосредственный результат некоторых современных институциональных преобразований. В частности, к такого рода источникам деформаций правомерно отнести государственное регулирование процесса кадастровой оценки земли. В последнее время, в связи с переходом исчисления налогов на имущество организаций и физических лиц с балансовой на кадастровую стоимость, существенно возросло значение качества кадастровой оценки земли для процесса управления земельными ресурсами. В 2016 г. на кадастровую оценку земли перейдут уже 49 регионов. При этом, как отметил заместитель главы Минэкономразвития РФ Н. Подгузов, сейчас у оценщиков нет информации о состоянии объектов оценки и ценообразующих факторов, поэтому кадастровая стоимость нередко существенно превышает рыночную³. По оценкам промышленного комитета ОНФ, с проблемами некорректной и непрозрачной оценки земли столкнулись сотни российских предприятий. По итогам мониторинга, проведенного Промкомитетом ОНФ, кадастровая оценка выросла в десятки раз⁴. Неизбежное следствие превышения рыночной

³ См.: Коммерсантъ. 8.06.2016.

⁴ См.: Эксперт. 2016. № 12. С. 3.

стоимости кадастровой стоимостью – неадекватный для рыночных условий землепользования рост налогов на землю и на другое имущество, исчисляемых на ее основе, а следовательно, и соответствующее снижение мотиваций землепользователей к эффективному использованию земельных ресурсов.

Кроме того, в июне 2016 г. Госдумой принят закон «О государственной кадастровой оценке», в соответствии с которым проведение кадастровой оценки передается от независимых оценщиков к вновь создаваемой сети государственных бюджетных учреждений. Кадастровая оценка становится монополией государства, что чревато ориентацией ее проведения на реализацию фискальных интересов государства. Поскольку в законе нет норм об ответственности оценщиков – бюджетных учреждений – за качество оценки, поскольку государственные бюджетные учреждения выступают одновременно в роли заказчика оценки и приемщика ее результатов, постольку, как считают некоторые эксперты, данный закон создает почву для коррупции. Тем самым усугубляется негативное воздействие реформирования системы кадастровой оценки земли на мотивации землепользователей.

Не способствуют повышению эффективности землепользования и некоторые институциональные изменения, проведенные до 2014 г. В частности, в Федеральном законе «Об обороте сельскохозяйственных земель», принятом в 2012 г., практически отсутствуют эффективные институты, ограничивающие изъятие сельскохозяйственных земель из сферы сельского хозяйства. В результате происходит перманентное репрофилирование назначения земельных участков, поскольку закон не смог остановить процесс сокращения сельскохозяйственных земель. Федеральный закон «О переводе земли или земельных участков из одной категории в другую» также не содержит достаточно жестких ограничений использования сельскохозяйственных земель.

Проблема защиты сельскохозяйственных земель от репрофилирования не решена до сих пор. Не способствует ее решению, на наш взгляд, и замена деления земель на категории территориальным зонированием, предлагаемая законопроектом, принятым в первом чтении в декабре 2014 г. «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и отдельные акты РФ в части перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию». Проект отменяет существующее деление земель на категории и вводит зонирование территорий. Вместо семи категорий земель предлагается 14 видов территориальных зон. Проект предоставляет местным властям преимущественное право устанавливать и изменять границы зон (в том числе особо ценных сельскохозяйственных земель и лесного фонда) и определять для них разрешенные виды деятельности. При этом порядок создания и изменения зон изложен нечетко и невнятно. Отсутствуют четкие критерии

его оценки. Кроме того, вопреки логике, сельскохозяйственные земли проектом не включены в состав особо охраняемых земель, что также снижает степень их защиты.

Не способствует полноценной реализации воспроизводственных функций земельной собственности и поправки в Земельный кодекс, внесенные в 2014 г. и вступившие в силу в 2015 г., в частности, полный запрет на проведение конкурсов при предоставлении земельных участков и переход на их предоставление только через аукционы. Данная мера сокращает возможности реализации общественных интересов через систему конкурсного перераспределения земель, позволяющую (в отличие от аукционов) выдвигать определенные условия перед новыми собственниками земельных участков, ориентированные на повышение рациональности, эффективности их эксплуатации, в том числе и на необходимость соблюдения экологических требований.

Как видно, отмеченные институциональные преобразования процесса управления земельной собственностью на законодательном уровне изменяют структуру прав собственности в основном в направлении расширения прав органов власти, уполномоченных распоряжаться земельными ресурсами, без законодательного оформления форм и степени их ответственности за принимаемые решения, обеспечения при этом необходимой социализации земельных отношений. Такого рода преобразования подавляют стимулирующие функции отношений земельной собственности, снижают мотивации землепользователей к рациональному землепользованию. В итоге блокируется возможность полноценной реализации воспроизводственных функций земельной собственности.

Дефицит позитивного воздействия законодательного регулирования земельной собственности на эффективность землепользования свидетельствует о его определенной неадекватности ее природе и сущности. Отмеченные законодательные акты не соответствуют системному характеру отношений собственности, проявляющемуся в органическом, неразрывном единстве ее экономических и социальных воспроизводственных функций, что существенно препятствует полноценной реализации земельной собственности.

С целью исключения различного рода деформаций отношений собственности в результате институциональных преобразований и обеспечения их большего соответствия функциональной роли земельной собственности в структуре общественного воспроизводства представляется целесообразной разработка Концепции управления земельными отношениями, земельной собственностью, четко определяющей его ключевые принципы, обязательные к реализации на всех стадиях и уровнях регулирования земельных отношений: обеспечение единства экономических и социальных целей, исключение

их противопоставления; определение форм и степени ответственности землепользователей и органов власти, уполномоченных регулировать земельные отношения, за эффективное использование земельных ресурсов, за полноценную реализацию их воспроизводственных функций; активизация стимулирующих и мотивационных функций земельной собственности и др.

Институционализации установок Концепции будет способствовать вменение всем субъектам землепользования в обязанность соблюдения данных принципов и методологических установок Концепции, а также их использования для оценки деятельности на всех стадиях регулирования отношений земельной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова С.В. Методология и практика привлечения инвестиций в использование земельных ресурсов // Автореферат на соискание степени доктора экономических наук. М.: ИЭ РАН, 2011.
2. Государственный (национальный) доклад о состоянии использования земель в Российской Федерации в 2014 г.
3. Ширяева Р.И Мотивационные функции земельной собственности // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 6.

R.I. SHIRYAEVA

PhD in economics, leading research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

INSTITUTIONAL CONDITIONS OF LAND PROPERTY REPRODUCTION FUNCTIONS REALIZATION

The paper is devoted to the analysis of the institutional conditions necessary for implementation of a functional role of an agricultural property in structure of public reproduction and to identification of omissions of state regulation of the land relations reducing institutional opportunities of its full implementation.

Keywords: *reproduction, agricultural property, state-owned property, private property, land relations, land use, social efficiency, cost efficiency.*

JEL: Q15, L330.

Е.С. ЧАРКИНА
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института экономики РАН

С.Н. МИРОШНИКОВ
кандидат физико-математических наук, доцент,
заместитель директора экспертно-аналитического центра региональных
исследований Института «Высшая школа государственного управления»
ФГБОУ ВО «РАНХиГС»

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены особенности различных форм взаимодействия власти и бизнеса в Российской Федерации в современных условиях, с учетом последних изменений в законодательстве. Особое внимание уделено территориально-региональному аспекту данного вопроса. Подробно рассмотрены особенности концессионных соглашений и новые аспекты ГЧП после вступления в силу с 2016 г. федерального закона о государственно-частном партнерстве, а также подходы к оценке эффективности инвестиционных проектов на основе ГЧП и концессий.

Ключевые слова: ГЧП, концессионные соглашения, инвестиционная привлекательность, регионы России, взаимодействие власти и бизнеса, эффективность инвестиционных проектов.

JEL: H80, O18, O20, M20.

Одной из приоритетных социально-экономических задач, стоящих на повестке дня в РФ, является развитие регионов и отдельных территорий, выравнивание уровней их экономического развития, повышение качества жизни населения. В течение последнего десятилетия значительно возросло внимание к региональному аспекту в социально-экономической жизни страны. Решение этих давно назревших проблем требует не только привлечения значительных финансовых средств, но и поиска новых форм взаимодействия власти и бизнеса, новых схем и методов управления, внедрения эффективных механизмов в систему управления, совершенствования правового поля для обеспечения взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнес-структур.

Влияние региональных и местных органов власти на социально-экономические процессы, происходящие на подведомственных им

территориях, а следовательно, и в государстве в целом, становится особенно заметным. В результате разграничения полномочий регионы и муниципалитеты приобрели большую самостоятельность действий по многим направлениям, при этом, правда, не обеспеченную финансово в необходимых объемах. Возросла ответственность региональных и муниципальных органов власти за результаты их деятельности за создание стабильных условий жизни и хозяйствования, за повышение качества жизни.

Социально-экономическое развитие российских регионов и муниципальных образований осуществляется на основе стратегий, планов и программ, которые определяют будущее и настоящее экономики территорий. При этом наиболее сложной задачей является выбор способов и механизмов реализации данных программ [10]. На основе стратегии для каждого отдельного сектора экономики должны быть определены приоритеты развития, механизмы достижения целей, объемы необходимых ресурсов и потребность в частных инвестициях.

В то же время сегодня становится очевидным, что развитие не может обеспечиваться только самими субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями за счет собственного экономического и налогового потенциала, даже с учетом их взаимодействия между собой и с федеральным центром, – социально-экономический рост требует инвестиций [5].

Исследования, проведенные учеными Института экономики РАН, четко показывают, что экономические реформы последнего десятилетия не привели к выравниванию регионов по уровню развития экономики и социальной сферы [1], [2]. При этом не только сохранилась разница между развитыми и отсталыми регионами, но и появились депрессивные территории, которые ранее имели относительно высокий уровень социально-экономического развития. Яркий пример тому – моногорода, большинство из которых в прошлом отличались высоким уровнем и темпом развития, а в настоящее время нуждаются в федеральной поддержке [7].

Обеспечение экономического развития отстающих территорий требует инновационной и структурной перестройки их экономики в целом. Поэтому в качестве приоритетной задачи региональной и муниципальной политики, которая в обязательном порядке должна учитываться при подготовке стратегий и планов развития, выступает *повышение инвестиционной привлекательности территорий*, привлечение значительных частных инвестиций и сотрудничество с частным бизнесом.

В условиях ограниченного предложения инвестиций и жесткой конкуренции между территориями за их привлечение региональные органы власти и органы местного самоуправления вынуждены приме-

нять максимально возможное количество инструментов обеспечения благоприятного инвестиционного климата. Именно инвестиционная политика должна являться важнейшим показателем эффективности работы региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления [6].

Сотрудничество власти и бизнеса реализуется в разных формах – от прямых контрактов на представление услуг и выполнение работ до государственно-частного партнерства (ГЧП). В инвестиционной сфере это взаимодействие выступает как организационный и институциональный союз между государством, местными властями и бизнесом в целях реализации приоритетных проектов и программ во всех сферах экономики, затрагивающих широкие общественные интересы [3]. При недостатке бюджетных средств использование долгосрочных частных инвестиций при реализации инновационных проектов в разных секторах экономики позволяет развивать территорию, не снижая размеры социальных выплат, что особенно важно в кризисных условиях.

Универсальность партнерства власти и бизнеса и его широкая применимость для строительства и реконструкции объектов транспортной и коммунальной инфраструктур, связи, объектов культуры, здравоохранения, спорта, туризма, образования, на большей части территории России являются важнейшим качеством этого вида сотрудничества. Совместная деятельность власти и бизнеса в реализации проектов, осуществляемых в рамках государственно-частного партнерства, способствует развитию проектного планирования, предпринимательской инициативы, внедрению передовых методов управления в работу региональных и местных органов власти.

Инженерная и производственная инфраструктура – автомобильные и железные дороги, порты, коммунальное хозяйство, аэропорты, электроэнергетика, трубопроводный транспорт – уязвимое звено российской экономики, потенциальный источник техногенных катастроф и причина значительных экономических потерь. Основные фонды этой производственной инфраструктуры либо изношены, либо недостаточно развиты [4]. Без привлечения дополнительных инвестиций решение этих проблем невозможно. До 2020 г., согласно данным Российской торгово-промышленной палаты, для устойчивого развития регионов необходимо реализовать инфраструктурные проекты общей стоимостью около 50 трлн руб., что является непосильным как для государства, так и для бизнеса, если пытаться осуществить их в одиночку¹.

При рассмотрении вопросов реализации партнерства власти и бизнеса необходимо учитывать, что чрезвычайно важным является

¹ Режим доступа: <http://рспп.рф>.

эффективное исполнение основных властных функций: обеспечение имущественных прав, создание устойчивой инженерной, коммунальной и дорожной инфраструктуры, обеспечение общественных интересов и финансово-налоговой стабильности, гарантия действенности правосудия, поддержание законности и правопорядка, борьба с коррупцией. Только при обеспечении реализации указанных функций сотрудничество власти и бизнеса из схемы привлечения инвестиций становится эффективной формой управления инвестиционными проектами при надлежащем сохранении государственного или муниципального контроля за ними².

Конкретные формы партнерства государства или местной власти и частного бизнеса различаются по используемым методам организации и по правовому статусу, оставаясь при этом частью единой правовой системы, определяемой соответствующими федеральными и региональными законами.

Основные формы такого сотрудничества перечислены в таблице, а также указаны их преимущества и недостатки [9].

Контрактные отношения как форма взаимодействия власти и негосударственных организаций или физических лиц регулируются Гражданским кодексом РФ, Бюджетным кодексом РФ, Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Закон о контрактной системе), а также некоторыми другими законами и нормативными актами.

Наиболее распространенной формой контракта являются договора подряда или контракты на закупку товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд. Такие контракты, как правило, не предполагают софинансирование реализации проекта частной стороной, поскольку деятельность частного партнера в рамках контракта осуществляется за счет бюджетных средств и детально определена условиями контрактного договора и сметами. Поэтому в данном варианте сотрудничества власти и бизнеса в тексте контрактов, в соответствии с законодательством, четко прописаны требования к деятельности

² В Российской Федерации законодательное определение понятия «государственно-частное партнерство (ГЧП)» было установлено лишь в 2015 г. Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При этом, если ранее термин «государственно-частное партнерство» применялся в широком смысле для описания различных форм взаимодействия власти и бизнеса, то теперь это лишь отдельная форма инвестиционного соглашения, в котором собственность на объект инвестиций принадлежит инвестору. Поэтому в качестве общего термина мы используем более широкое понятие – «взаимодействие власти и бизнеса».

Преимущества и недостатки различных форм взаимодействия органов власти и бизнес-структур

Форма взаимодействия власти и бизнеса	Распространенность в РФ	Преимущества	Недостатки
Контракт	Большая	Простота реализации. Применимость в любой сфере деятельности.	Не стимулирует инвестиционную активность частного бизнеса.
Аренда	Большая	Применима в условиях ограниченности ресурсов у частного капитала. Снижает бюджетные расходы.	Не стимулирует инвестиционную активность частного бизнеса.
Совместные предприятия	Средняя	Отработанность правовой документации.	Требует значительных бюджетных расходов для сохранения управляемости. Трудности согласования интересов. Создает риск незапланированной приватизации.
Технопарк	Малая	Привлекательность для внедрения инноваций. Повышение занятости.	Требует значительных бюджетных расходов на создание инфраструктуры. Риск ухода инвесторов при неблагоприятных условиях.
СРП	Малая	Привлекательность для инвесторов, включая иностранных.	Ограниченная применимость в сферах экономики (добыча, переработка природных ресурсов). Сложный процесс согласования интересов государства и частного бизнеса. Трудность контроля.
Концессия	Средняя	Положительное влияние на развитие территории и смежных секторов экономики при минимуме бюджетных затрат.	Долгий период окупаемости. Чувствительность к экономическим параметрам и рискам.

Окончание табл.

Форма взаимодействия власти и бизнеса	Распространенность в РФ	Преимущества	Недостатки
Инвестиционные контракты (ГЧП)	Малая	Привлекательность для бизнеса, более простая возможность кредитования под залог построенного или реконструированного объекта.	Отсутствие федерального регулирования (до 13.07.2015). Применяется с 1.01.2016.
Специальный инвестиционный контракт (СПИК)	Малая	Значительные налоговые льготы. Возможность при определенных условиях заключать контракты с инвестором как с единственным поставщиком. Данная норма вступила в силу 1.09.2016.	Применяется с 31.12.2014. Неопределенность в объеме финансовых преференций до подписания СПИК.

Источник: составлено авторами по данным Росстата и Минэкономразвития РФ. <http://www.gks.ru>; <http://economy.gov.ru>.

частного партнера: характеристики продукции или предоставляемых услуг, перечни используемых и закупаемых материалов и оборудования, организация рабочего процесса, порядок ведения журнала работ, проведение оперативных совещаний и т.д. Для данного вида контрактов не характерны сложные схемы распределения, перераспределения рисков между сторонами, их страхование.

Законодательство о закупках товаров и услуг построено таким образом, что не предполагает частного софинансирования и, соответственно, не содержит регламентации методов привлечения средств бизнеса в реализацию договоров на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, а также механизмы возврата таких инвестиций частному сектору. При подготовке контракта оговариваются всевозможные условия от формализации временных, объемных и структурных рамок проекта до финансовых обязательств, качественных показателей проекта, механизма разделения рисков и разрешения споров. Однако многообразие форм государственных и муниципальных контрактов на закупку товаров и услуг, возможность сочетания различных условий таких контрактов, в частности, без оплаты авансовых платежей, с

привлечением для их выполнения средств частного бизнеса на условиях софинансирования, иногда стирают грань между ними и инвестиционными формами сотрудничества власти и бизнеса.

Повышение в последние годы требовательности органов власти к добросовестности частных партнеров, своевременности и полноте исполнения контрактных условий привело не только к увеличению объема заключаемых договоров подряда или контрактов на поставку товаров и услуг, включению в них описания применяемых стандартов, норм и регламентов, штрафных санкции за несоблюдение условий и положений контракта, но и наличие банковских гарантий, страхования неисполнения контракта или договора, внесение залогов в обеспечение добросовестности частного партнера. В результате этого от частного партнера требуется вложение собственных средств, что частично сравнивает данный вид взаимодействия власти и бизнеса с инвестиционными формами.

Одним из особых видов партнерства, требующих вложения частных инвестиций, являются контракты жизненного цикла, которые, в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ, определяют не только закупку товаров или работ, но и последующие обслуживание, эксплуатацию в течение срока службы, ремонт, утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работ объекта [8]. Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1087 утверждены Перечень случаев заключения контрактов жизненного цикла и Перечень случаев, когда заказчик вправе применять для оценки заявок участников закупки критерий стоимости жизненного цикла товара или созданного в результате выполнения работы объекта.

Следует подчеркнуть, что одной из основных особенностей договоров подряда или контрактов на поставку товаров и услуг является то, что контрактная система как форма взаимодействия власти и бизнеса, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, функционирует в рамках гражданско-правового поля, а инвестиционная и концессионная – и в контексте публично-правового законодательства. Однако в ряде стран не делается различий между гражданской и публичной сферами, вследствие чего отсутствуют различия между любыми контрактами и инвестиционными соглашениями, включая и концессии. В соответствии с правовыми нормами развитых стран концессия – это «глобальный контракт». В Европейском союзе в области развития инфраструктуры концессия выступает в качестве разновидности административного контракта, на основании которого публичный партнер (органы власти) предоставляет частному партнеру определенные права на строительство, модернизацию, реконструкцию, эксплуатацию объекта в течение определенного периода.

Соглашение о разделе продукции (далее – СРП), в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», является формой инвестиционного контракта. Указанный закон определяет, что СРП – это договор, в соответствии с которым Российская Федерация предоставляет инвестору – субъекту предпринимательской деятельности – на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиск, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этими правами работ, а инвестор обязуется осуществить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск. Произведенная продукция подлежит разделу между государством и инвестором в соответствии с соглашением, которое должно предусматривать условия и порядок такого раздела.

По контракту на управление собственностью государство оплачивает услуги частного партнера, тогда как, например, по арендному договору государство получает арендную плату с арендатора, а операционный риск ложится на частную структуру.

Арендные отношения при аренде государственного и муниципального имущества регулируются Гражданским Кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и иными нормативными правовыми актами. Согласно ст. 606 ГК РФ, по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

В соответствии с гражданским законодательством обязанностью арендатора является только надлежащая эксплуатация объекта, при этом капитальный ремонт, модернизация и развитие арендуемых объектов осуществляются их собственником. Следует подчеркнуть, что практика осуществления арендных договоров зачастую расходится с данными правовыми нормами. Под видом содержания на арендатора зачастую возлагаются расходы по капитальному ремонту, перестройке и благоустройству объекта.

Договор лизинга, в соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», является особой формой арендного договора, в рамках которого лизингополучатель имеет право выкупа имущества, передаваемого ему в рамках договора.

Привлечение в реальный сектор народного хозяйства нашей страны инвестиций в объеме, необходимом для обеспечения регионального развития, требует активизации сотрудничества власти и бизнеса, наиболее эффективной формой которого являются, по мировому опыту, соглашения, реализуемые с использованием концессионного механизма (концессионные соглашения).

Важнейшим качеством таких соглашений является их применимость в рамках инвестиционных проектов в большей части отраслей экономики: для строительства и реконструкции объектов транспортной и коммунальной инфраструктур, связи, объектов культуры, здравоохранения, спорта, туризма, образования. Механизм концессионных соглашений позволяет государству сохранить за собой собственность на объект и эффективный контроль над его эксплуатацией при значительных объеме и доле частных инвестиций, обеспечивая в то же время и активное участие бизнес-структур в качестве партнеров, соинвесторов крупных инфраструктурных проектов.

Государство при реализации инфраструктурных проектов, как правило, не заинтересовано в получении прямой коммерческой выгоды. Выгода государства от проекта формируется за счет генерируемых дополнительных налоговых поступлений и сборов, а также формируемых социальных и экономических эффектов от развития и улучшения состояния инфраструктуры, повышения уровня жизни граждан и более полного удовлетворения их потребностей.

Как отмечено в работе [11], увеличение частных инвестиций в строительство или модернизацию инфраструктуры при условии, что данные объекты переходят в частную собственность, может приводить к возникновению рисков ослабления или к полной потере государственного управления территориями.

Требования сохранения как управляемости территорией, так и государственной собственности на инфраструктурные объекты приводит к варианту реализации инвестиционных проектов на основе концессионных соглашений.

Концессионные соглашения как особая форма взаимодействия власти и бизнеса применимы, если для государства необходимо сохранить за собой собственность на объект, в строительство или реконструкцию которого направляются частные инвестиции, что особенно важно для крупных инфраструктурных проектов: строительства автомобильных и железных дорог, портов, аэропортов, электростанций, объектов коммунальных систем.

Наличие концессионного соглашения позволяет органам государственной власти и местного самоуправления оказывать существенное воздействие на деятельность концессионера, используя механизм возврата инвестиций и определяя размер денежных или иных отчислений в зависимости от эффективности концессий, регулируя уровень налогообложения концессионеров и, наконец, опираясь на собственность федеральных и местных властей на землю, недра и иные объекты, переданные в концессию.

Основанием, фундаментом полноценного концессионного законодательства в Российской Федерации послужил разработанный и при-

нятый в 2005 г. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – ФЗ № 115).

Обязательными критериями для реализации проектов на основе концессионных соглашений являются их экономическая эффективность и целесообразность, а также возможность привлечения финансов. В этой связи при выработке мер государственной поддержки для концессионных соглашений необходимо предусмотреть наличие экономических и финансовых механизмов, гарантирующих возврат инвестиций и финансово-экономическую эффективность проектов.

Для крупных проектов представляется весьма желательной независимая комплексная экспертиза реализуемых концессионных договоров и инвестиционных проектов, с привлечением консалтинговых, юридических и страховых, экологических служб, как государственных, так и частных, а также общественная экспертиза, которая может проводиться в различных формах.

К сожалению, даже такой подход к подготовке, заключению и реализации концессионных соглашений не дает возможности ликвидировать и устранить все возможные проблемы и их нежелательные последствия, однако позволяет уменьшить трудности взаимоотношений сторон и риск незавершения проекта [9].

Законы о концессионных соглашениях и государственно-частном партнерстве приняты в России сравнительно недавно, но уже позволили создать эффективно работающий инструмент для привлечения инвестиций, а также сформировать новую систему управления реализацией инвестиционных проектов, в особенности крупных и связанных с развитием инфраструктуры. С 2005 г., когда был принят Федеральный закон «О концессионных соглашениях», по данным Министерства экономического развития Российской Федерации, заключено около 600 концессионных соглашений, из них 78 – в 2013 г. и 435 – в 2014 г. При этом более половины заключенных до 2012 г. соглашений не реализуется, а остальные на 70% представляют из себя разновидности арендных договоров или контрактов с рассрочкой платежа с минимальным объемом привлеченных частных инвестиций, то есть являются концессиями только по названию³. Таким образом, концессионные соглашения, способные в потенциале принести огромную выгоду при реализации инфраструктурных проектов в российских регионах, не используются в полной мере и осуществляются неэффективно.

Вступивший в силу с 2016 г. закон о государственно-частном партнерстве, давая весьма общую характеристику ГЧП, в действительности описывает не широкий спектр возможных форм взаимодействия власти и бизнеса, а только довольно узкую сферу таких отношений.

³ <http://economy.gov.ru>.

В соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 6 обязательным элементом соглашения о ГЧП между публичным и частным партнерами является «возникновение у частного партнера права собственности на объект соглашения при условии обременения объекта соглашения в соответствии с настоящим Федеральным законом»⁴.

Это принципиально отличает соглашения о ГЧП от концессионных соглашений, в которых право собственности на построенный или реконструированный объект всегда остается в собственности концедента – публичного партнера, то есть государства или муниципалитета. Данное положение концессионных соглашений всегда ограничивало как возможность их применения, так и заинтересованность инвесторов в участии в реализации инвестиционных проектов на основе концессий. Отсутствие у концессионера прав собственности не давало возможности использовать возводимые объекты в качестве залога при привлечении заемных, прежде всего банковских средств. Закон о ГЧП снимает это ограничение. Вместе с тем, безусловно, наличествуют ограничительные нормы закона, предусматривающие, что частный партнер вправе передавать в залог объект соглашения и (или) свои права по соглашению только в качестве способа обеспечения исполнения обязательств перед финансирующим лицом при наличии прямого соглашения. При этом в случае обращения взыскания на предмет залога публичный партнер имеет право преимущественной покупки предмета залога по цене, равной задолженности частного партнера перед финансирующим лицом, но не более чем стоимость предмета залога (части 6,7 статьи 7 Закона).

Следует подчеркнуть, что в Законе о ГЧП перечень публичной инфраструктуры, которая может являться объектом соглашения о государственно-частном партнерстве, расширен по сравнению с законом о концессионных соглашениях – в него включены имущественные комплексы, предназначенные для производства промышленной продукции и (или) осуществления иной деятельности в сфере промышленности, подводные, подземные технические сооружения, специализированные порты, системы мелиорации, объекты сельского хозяйства, воздушные суда и другие, что увеличивает возможности сотрудничества власти и бизнеса и представляет интерес для инвесторов.

Для обеспечения управляемости территорией и интересов публичного партнера в Законе о ГЧП предусмотрена возможность передачи объекта соглашения в собственность государства или муниципального образования по истечении определенного соглашением срока.

⁴ <http://pppcenter.ru>.

Существенным законодательным новшеством является введение в Законе о ГЧП возможности заключения прямого соглашения – новой формы гражданско-правового договора, сторонами которого являются не только публичный партнер и частный инвестор, но и финансирующая организация, средства которой на заемной основе привлекает частный партнер. Преимуществом такого соглашения является возможность замены частного партнера в случае его отказа от выполнения своих обязанностей по соглашению о ГЧП, либо банкротства, причем без проведения нового публичного конкурса, а только на основании согласованного решения публичного партнера – органа государственной власти или местного самоуправления – и финансирующей организации. Без прямого соглашения это было бы сделать невозможно и потребовалось повторно организовывать инвестиционный конкурс с затратой времени и средств.

Чтобы упростить взаимодействие частных инвесторов и участников соглашений о ГЧП с органами власти в Закон о ГЧП введены положения об обязательности создания специализированного органа, уполномоченного на оценку проектов в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, на подготовку документации, проведение конкурсов и контроль за реализацией проектов. При этом важнейшим полномочием является, конечно, оценка. Следует подчеркнуть, что ГЧП не является универсальным механизмом, который должен применяться всегда и для всех инвестиционных проектов.

Строительство и реконструкция объектов инфраструктуры, как описывалось ранее, может осуществляться на основе прямого государственного заказа, концессионного соглашения, иных форм взаимодействия власти и бизнеса либо по соглашению о ГЧП. Необходимо оценивать преимущества и недостатки тех или иных подходов, их финансово-экономическую эффективность. Поэтому в Законе о ГЧП предусмотрены нормы, согласно которым все муниципальные проекты в обязательном порядке должны проходить оценку в региональном уполномоченном органе, а субъекты Федерации вправе направлять свои проекты для оценки в федеральный уполномоченный орган.

В соответствии со статьей 16 Закона о ГЧП Приказом Минэкономразвития России от 30.11.2015 № 894 утверждена Методика оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества (далее – Методика).

Следует подчеркнуть, что хотя это и не требуется законодательством, авторами статьи предлагается данную Методику использовать и для концессионных проектов и иных форм партнерства власти и бизнеса в реализации любых инвестиционных проектов. Так, для проектов Инвестиционного Фонда Российской Федерации аналогич-

ная методика оценки эффективности проекта использовалась Внешэкономбанком в его работе в качестве инвестиционного консультанта.

Оценка эффективности проекта основана на таких критериях, как социально-экономический эффект от реализации проекта и финансовая эффективность проекта.

Социально-экономический эффект проекта признается достаточным в соответствии с оценкой социально-экономического эффекта проекта, если:

1) цели и задачи проекта соответствует не менее чем одной цели и (или) задаче государственных (муниципальных) программ;

2) показатели проекта соответствуют значениям не менее чем двух целевых показателей государственных (муниципальных) программ.

Вопросы эффективности концессионных проектов со стороны органов государственной власти являются ключевыми в текущей экономической ситуации, поскольку напрямую связаны с возможностью привлечения финансовых средств и получения банковских кредитов. Если экономический эффект от реализации проекта не может быть гарантирован или дивиденды от реализации настолько отдалены по времени от начала реализации проекта, что спрогнозировать их объем (или даже факт получения) весьма затруднительно, то российские банки или иные институциональные инвесторы не заинтересованы вкладывать свои средства. То есть для обеспечения доступа инвестора к кредитным ресурсам необходимо наличие гарантий и других видов государственной поддержки.

Именно поэтому необходим тщательный анализ финансово-экономической эффективности проектов. Авторам представляется целесообразным рекомендовать при подготовке и реализации концессионных проектов:

1.Использовать стандартную методику оценки финансово-экономической эффективности проекта только для анализа чувствительности его параметров.

2.При окончательной оценке проводить повторный расчет с использованием наиболее вероятных (не оптимальных) значений факторов, для которых определена высокая чувствительность главных финансово-экономических показателей, а также оптимальные (по расчету) параметры и условия возврата инвестиций.

3.Для обеспечения достижения расчетных параметров возврата инвестиций использовать институциональное установление льготных условий хозяйствования и особых условий налоговых режимов, включая механизм отложенных платежей.

Такая конструкция позволяет обеспечить надлежащую оценку эффективности проектов и избежать инициации слабо обоснованных предложений.

В отличие от правовой структуры инвестиционных соглашений, предусмотренных Федеральным законом «О концессионных соглашениях» и Федеральным законом «Об основах государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства...», на основании которых осуществляется строительство или реконструкция объектов инфраструктуры, специфика специального инвестиционного контракта (далее – СПИК), в соответствии с Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» и принятым в его развитие Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности», состоит в том, что государство не осуществляет вложение бюджетных средств или имущества в объект инвестиций. Вместо этого оно создает инвестору максимально благоприятные условия для реализации инвестиционного проекта путем осуществления мер стимулирования. Данный инструмент позволяет участнику СПИК в обмен на создание или модернизацию локализованного в РФ промышленного производства (объекта инвестиций) получить значительные льготы, преференции и иные преимущества в качестве мер стимулирования со стороны Федерации, регионов и муниципалитетов.

В частности, Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», установлено, что Правительство Российской Федерации своим актом может определить сторону – инвестора СПИК или привлеченное такой стороной-инвестором иное лицо, осуществляющее создание или модернизацию и (или) освоение производства товара на территории Российской Федерации в соответствии с названным контрактом, единственным поставщиком такого товара в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Правительство Российской Федерации принимает такое решение при соблюдении ряда условий, в том числе если:

- объем инвестиций в создание или модернизацию и (или) освоение производства товара превышает 3 млрд руб.;
- производство товара на территории Российской Федерации осуществляется российским юридическим лицом;
- страной происхождения товара является Российская Федерация.

Совокупное количество товара, поставку которого производитель осуществляет в течение календарного года в качестве единственного поставщика, не должно превышать 30% количества такого товара, произведенного им в течение данного календарного года.

Федеральный закон также устанавливает особенности заключения государственного контракта, предусматривающего встречные инвестиционные обязательства поставщика-инвестора по созданию или модернизации и (или) освоению производства товара на территории субъекта Российской Федерации.

Такой государственный контракт заключается по результатам проведения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации конкурса в целях поставки товара, производство которого поставщик-инвестор (российское юридическое лицо) создает или модернизирует и (или) осваивает на территории этого субъекта Российской Федерации.

После организации производства товара заказчики данного субъекта Российской Федерации, а также муниципальных образований, находящихся на территории данного субъекта Российской Федерации, вправе в период действия государственного контракта со встречными инвестиционными обязательствами заключать контракты с таким поставщиком-инвестором как с единственным поставщиком. Данный документ вступил в силу 1 сентября 2016 г.

В заключение можно отметить, что совокупность перечисленных правовых норм законодательства Российской Федерации практически полностью охватывает все возможные формы взаимодействия власти и бизнеса, что создает предпосылки для их успешного сотрудничества в решении актуальных проблем развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухвальд Е.М. Какой быть стратегии пространственного развития для России? // Экономическое возрождение России. 2016. № 1 (47). С. 41–52.
2. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 1. С. 76–91.
3. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. В 2-х томах. Т. 1. М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 312 с.
4. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Жилищная политика и экономика в России: результаты и стратегия развития. М.: НИУ ВШЭ, 2015.
5. Зельднер А.Г. Государственно-частное партнерство – мейнстрим современного этапа российской экономики // Мир перемен. 2014. № 1. С. 140–143.
6. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Институциональные факторы стимулирования предпринимательской деятельности в российских регионах // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 1 (74). С. 44–57.

7. Никонов С.М. Моногорода – новый вектор территориального развития // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 90–94.
8. Смотрицкая И.И. Макроэкономические подходы к оценке интегральной эффективности системы государственных закупок // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2014. № 5. С. 70–79.
9. Чаркина Е.С. Совершенствование концессионного механизма реализации инфраструктурных проектов в российских регионах (на примере Удмуртской Республики): диссертация... канд. экономических наук. РАНХиГС при Президенте РФ. М., 2015.
10. Чаркина Е.С. К вопросу об опережающем социально-экономическом развитии отдельных территорий регионов России // Управление консалтинг. 2015. № 9 (81). С. 105–111.
11. Чаркина Е.С. Реализация инвестиционных проектов на основе концессионных соглашений в российских регионах: преимущества и проблемы // Перспективы науки. 2015. № 6 (69). С. 143–145.

E.S. CHAKINA

Phd in economics, senior research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
charkinaelena@ya.ru

S.N. MIROSHNIKOV

Phd of Physico-Mathematical Sciences, associate professor, Deputy Director of the Expert-Analytical Center for Regional Studies Institute «Higher School of Public Administration» The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation) Institute of Business Studies
snmir@lir.ru

FORMS OF INTERACTION BUSINESS AND GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

In the article the peculiarities of the various forms of interaction between authorities and business in the Russian Federation in modern conditions, taking into account changes in legislation. Special attention is paid to the concession agreements and entered into force in 2016 of the Federal law on public-private partnership.

Keywords: PPP, concession agreements, investment attractiveness, regions of Russia, the interaction business and government.

JEL: H80, O18, O20, M20.

П.С. ЗВЯГИНЦЕВ
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В статье рассматриваются государственные программы Российской Федерации и их предназначение. Приведены данные о количестве государственных программ, а также объемы бюджетных ассигнований на их реализацию за ряд лет. Представлен анализ законодательных актов по экономической оценке эффективности государственных программ. Анализируя данные оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации в 2014 г., автор констатирует отсутствие в государственных программах критериев экономической и социальной эффективности и вносит ряд предложений.

Ключевые слова: государственные программы, расходы федерального бюджета, экономическая и социальная эффективность, показатели (индикаторы).

JEL: H50, H73.

В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» достижение стратегических целей и решение приоритетных задач государственной политики в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности осуществляется на основе реализации государственных программ¹. Именно с их помощью решаются крупномасштабные, наиболее важные для государства системные проблемы, направленные на достижение конкретных целей структурной, научно-технической, социальной, экологической политики.

В Постановлении Правительства РФ от 2 августа 2010 г. №588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» федеральные целевые программы и ведомственные целевые программы объединены в государственные программы².

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>.

² Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации». <http://base.garant.ru/198991>.

Государственная программа включает федеральные целевые программы (в случае их наличия), реализуемые в соответствующей сфере социально-экономического развития или обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, и подпрограммы, представляющие собой взаимоувязанные по целям, срокам и ресурсам мероприятия, выделенные исходя из масштаба и сложности задач, решаемых в рамках государственной программы, содержащие ведомственные целевые программы и основные мероприятия, направленные на решение конкретных задач.

Деление государственной программы на подпрограммы осуществляется исходя из масштабности и сложности

Государственной программой является документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации³. Государственные программы в настоящее время положены в основу планирования бюджетных ассигнований федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

В Бюджетном кодексе закреплены три основных их вида:

- долгосрочная целевая программа;
- ведомственная целевая программа;
- федеральная адресная инвестиционная программа⁴.

Государственные программы разрабатываются для достижения приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определенных в стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации и основных направлениях деятельности правительства Российской Федерации на соответствующий период, исходя из положений федеральных законов, решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Государственные программы, направленные на социально-экономическое развитие одного или нескольких субъектов Российской Федерации, включают мероприятия по регулированию и координации деятельности по достижению целей социально-экономического раз-

³ П. 2 в ред. Постановления Правительства РФ от 26.12.2014 № 1507.

⁴ Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изменениями от 1, 6 декабря 2007 г.), Глава 20. www.arbitratus.ru/laws/budget_code.

вития соответствующей территории, реализации комплексных проектов, которые невозможно полностью отнести к одной из государственных программ, направленных на комплексное развитие отдельных отраслей экономики и социальной сферы, обеспечение национальной безопасности. Данные государственные программы должны отражать аналитически (справочно) мероприятия, реализуемые на соответствующей территории в рамках отраслевых государственных программ, а также соответствующие таким мероприятиям расходы федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов государственных внебюджетных фондов и юридических лиц.

Долгосрочные целевые программы разрабатываются органом исполнительной власти, органом местного самоуправления и подлежат утверждению соответствующим законодательным (представительным) органом, представительным органом местного самоуправления.

Формирование перечня долгосрочных целевых программ осуществляется органами исполнительной власти, местного самоуправления в соответствии с прогнозами социально-экономического развития Российской Федерации и социально-экономического развития соответствующей территории и определяемыми на основе этих прогнозов приоритетами.

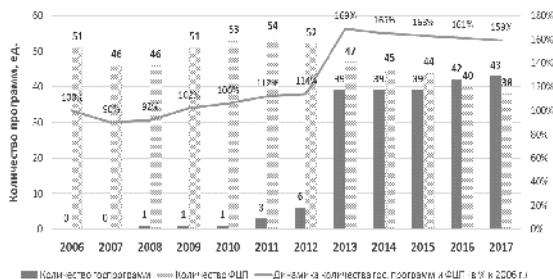
В соответствии с Перечнем государственных программ Российской Федерации, утвержденным Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-р (с изменениями на 28 апреля 2016 г.), ответственными исполнителями разработаны 43 государственные программы Российской Федерации⁵ и 38 федеральных целевых программ.

Количество государственных программ Российской Федерации ежегодно увеличивается, а федеральных целевых программ с 2011 г. сокращается (см. рис. 1). Так, количество государственных программ увеличится к 2017 г. в 43 раза по сравнению с 2008 г., а количество федеральных программ сократится в 2017 г. на 25,0% по сравнению с 2006 г. в связи с сокращением их бюджетного финансирования. При этом финансирование государственных программ с 2008 г. (год начала их финансирования) по 2013 г. увеличилось в разы (в 60,07 раз), а по сравнению с 2012 г. – в 26,9 раз⁶.

Однако в связи с кризисом и сокращением доходной части бюджета в 2015 г. финансирование госпрограмм сократилось на 23,44% по сравнению с 2014 г.. Тем не менее в 2016 и 2017 гг. их финансирование стало вновь увеличиваться на 2,64% и 1,81% соответственно.

⁵ <http://programs.gov.ru/Portal>.

⁶ Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и.

Источник: Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и.

Рис. 1. Количество государственных и федеральных целевых программ в 2006–2017 гг.

Расходы бюджетных средств на федеральные целевые программы с 2006 г. по 2009 г. ежегодно увеличивались (их рост составил 238,16%), но в 2010 г. расходы бюджетных средств сократились по сравнению с 2009 г. на 13,08%.

За двенадцать лет (2006–2017 гг.) рост расходов бюджетных средств на федеральные целевые программы составит 286,89%. Однако с учетом инфляции расходы бюджетных средств на федеральные целевые программы увеличились за этот период только на 163,20%. Удельный вес расходов государственных программ в расходах бюджета в 2016 г. составил 49,35%, а федеральных целевых программ – 7,25%. Таким образом, расходы бюджетных средств на государственные программы в основном ежегодно незначительно увеличиваются, и их удельный вес в расходах бюджета в 2016 г. составляет 56,6%.

По словам Премьер-министра России Дмитрия Медведева: «Через механизм государственных программ в настоящий момент уже проходит более половины средств государственного бюджета, а именно 57%. Мы исходим из того, что к 2016 году таким образом будут расходоваться практически все средства федерального бюджета – до 95%. От того, насколько эффективно исполняются программы, зависит модернизация здравоохранения и образования, всей социальной сферы, сбалансированное региональное развитие, наше продвижение в различных областях. С реализацией отраслевых государственных программ связано создание новых производств, включая импортозамещение, и, конечно, в целом повышение конкурентоспособности наших предприятий»⁷.

⁷ Заседание Правительства 28 апреля 2014 г. «Об итогах реализации государственных программ Российской Федерации в 2013 году». М., 21 октября 2015. <http://m.government.ru/news/12056>.

Повышение роли государственных программ в бюджетном финансировании неотделимо от роста их эффективности.

Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации определен Постановлением Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации»⁸. В данном постановлении записано, что оценка планируемой эффективности государственной программы проводится ответственным исполнителем на этапе ее разработки и осуществляется в целях оценки планируемого вклада результатов государственной программы в социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Обязательным условием оценки планируемой эффективности государственной программы является успешное (полное) выполнение запланированных на период ее реализации целевых индикаторов и показателей государственной программы, а также мероприятий в установленные сроки.

В качестве основных критериев планируемой эффективности реализации государственной программы применяются:

а) критерии экономической эффективности, учитывающие оценку вклада государственной программы в экономическое развитие Российской Федерации в целом, оценку влияния ожидаемых результатов государственной программы на различные сферы экономики Российской Федерации. Оценки могут включать как прямые (непосредственные) эффекты от реализации государственной программы, так и косвенные (внешние) эффекты, возникающие в сопряженных секторах экономики Российской Федерации;

б) критерии социальной эффективности, учитывающие ожидаемый вклад реализации государственной программы в социальное развитие, показатели которого не могут быть выражены в стоимостной оценке.

При подготовке государственной программы разрабатываются следующие дополнительные и обосновывающие материалы:

– обоснование необходимых финансовых ресурсов на реализацию государственной программы, а также оценка степени влияния выделения дополнительных объемов финансирования на показатели (индикаторы) государственной программы (подпрограммы),

⁸ Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. №588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), 21 мая, 11, 20 декабря 2012 г., 17 октября 2013 г., 28 марта, 21 июля, 24 ноября, 26 декабря 2014 г., 17 июля 2015 г., 10 февраля, 5 апреля, 25 мая, 10 сентября, 15 октября 2016 г. <http://docs.cntd.ru/document/902228825>.

в том числе на сроки и ожидаемые непосредственные результаты реализации ведомственных целевых программ и основных мероприятий подпрограмм;

– методика оценки эффективности государственной программы.

Министерство экономического развития РФ (Минэкономразвития России) издало приказ от 26 декабря 2012 г. №817 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации»⁹.

В данном приказе отмечено, что Методика оценки эффективности государственной программы представляет собой алгоритм оценки фактической эффективности в процессе и по итогам реализации государственной программы и должна быть основана на оценке результативности государственной программы с учетом объема ресурсов, направленных на ее реализацию, а также возникших рисков и социально-экономических эффектов, оказывающих влияние на изменение соответствующей сферы социально-экономического развития Российской Федерации.

Однако в данном приказе (и в остальных) нет ни слова об основных критериях планируемой эффективности реализации государственной программы, а именно о:

- а) критерии экономической эффективности;
- б) критерии социальной эффективности.

Более того, в Приказе Министерства экономического развития РФ от 16 сентября 2016 г. № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» данный пункт трактуется уже в следующей редакции: «методика оценки эффективности государственной программы должна представлять собой алгоритм оценки фактической эффективности реализации государственной программы и быть основана на оценке результативности государственной программы с учетом объема ресурсов, направленных на ее реализацию»¹⁰. В данном пункте положение о социально-экономических эффектах, оказывающих влияние на изменение соответствующей сферы социально-экономического развития Российской Федерации, отсутствует.

Вместо определения критериев экономической и социальной эффективности оценку эффективности государственной программы

⁹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 26 декабря 2012 г. № 817 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».

¹⁰ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации».

предлагается проводить по показателям (индикаторам), количество которых формируется исходя из принципов необходимости и достаточности для достижения целей и решения задач государственной программы. На уровне государственной программы подлежат отражению показатели (индикаторы), направленные на достижение исключительно конечных результатов ее реализации¹¹.

В число используемых показателей (индикаторов) государственной программы (подпрограмм) должны включаться:

- показатели, количественно характеризующие ход ее реализации, решение основных задач и достижение целей государственной программы;
- показатели, отражающие качество предоставления федеральными органами исполнительной власти наиболее массовых и общественно значимых государственных услуг, а также основные параметры государственного задания в части качества и объема предоставляемых государственных услуг;
- показатели энергетической эффективности и энергосбережения, производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных и высокотехнологичных рабочих мест (для государственных программ, направленных на развитие отраслей);
- показатели объема внутренних затрат на исследования и разработки, осуществляемые в рамках реализации государственной программы;
- иные показатели, необходимые для включения в состав показателей (индикаторов) государственной программы в соответствии с решениями Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации.

Предлагаемый показатель (индикатор) должен являться количественной характеристикой результата достижения цели (решения задачи) государственной программы.

В требованиях к оценке эффективности государственной программы (приложение № 2 к Методическим указаниям по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации)¹² оценка эффективности государственной программы производится с учетом следующих составляющих:

¹¹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» с изменением: от 20 ноября 2013 г. № 690 г. и от 16 сентября 2016 г. № 582.

¹² Приказ Министерства экономического развития РФ от 20 ноября 2013 г. № 690 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации». <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70485826/#ixzz4PEadPvud>.

1. Оценки степени достижения целей и решения задач государственной программы.

2. Оценки степени достижения целей и решения задач подпрограмм и федеральных целевых программ, входящих в государственную программу.

3. Оценки степени реализации основных мероприятий, ведомственных целевых программ и мероприятий федеральных целевых программ и достижения ожидаемых непосредственных результатов их реализации (далее – оценка степени реализации мероприятий).

4. Оценки степени соответствия запланированному уровню затрат.

5. Оценки эффективности использования средств федерального бюджета.

Эффективность реализации государственной программы признается высокой в том случае, если значение показателя (индикатора) составляет не менее 0,90.

Эффективность реализации государственной программы признается средней, когда значение показателя (индикатора) составляет не менее 0,80.

Эффективность реализации государственной программы признается удовлетворительной, если значение показателя (индикатора) составляет не менее 0,70.

В остальных случаях эффективность реализации государственной программы признается неудовлетворительной.

На обращение в Министерство экономического развития Российской Федерации о предоставлении экономических показателей общественной, коммерческой и бюджетной эффективности (чистый доход, чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности, индекс доходности, срок окупаемости) по каждой госпрограмме пришел ответ, что «рассчитать их в рамках госпрограмм не представляется возможным»¹³.

В ответе Минэкономразвития России сказано, что оно представило в Правительство Российской Федерации уточненный сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности госпрограмм за 2014 г., который в том числе содержит приложение, отражающее результаты оценки эффективности реализации госпрограмм в 2014 г. (см. табл.).

Из таблицы видно, что оценка эффективности госпрограмм производится по четырем показателям (индикаторам), которые характеризуют степень достижения целевых показателей, степень реализации контрольных событий и уровень кассового исполнения расходов программы.

¹³ Письмо зам. министра министерства экономического развития Российской Федерации А.Л. Ведева от 14.10.2015 № 29.349-АВ/Д22и.

Таблица
 Результаты оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации в 2014 г., %

№ п/п	Наименование государственной программы Российской Федерации	Степень достижения целевых показателей программы			Степень реализации контрольных собы- тий государственной программы			Уровень касового исполнения расхо- дов бюджета		Степень эффективности
		Целевые показатели программы	Контрольные события государственной программы	Степень реализации государственной программы	Уровень касового исполнения расходов бюджета	Степень эффективности				
Высокая эффективность реализации										
1	Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 г.	95,9	100,0	100,0	99,76	98,6				
2	Развитие здравоохранения	98,2	98,7	98,60	98,5	98,5				
3	«Развитие образования» на 2013–2020 гг.	95,1	100,0	99,70	98,3	98,3				
4	Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами	93,7	100,0	99,96	97,9	97,9				
5	Развитие физической культуры и спорта	93,8	100,0	99,50	97,8	97,8				
Эффективность реализации выше среднего уровня										
6	Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.	92,8	100,0	98,87	97,2	97,2				
7	«Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг.	95,8	96,3	99,40	97,2	97,2				
8	Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2030 гг.	97,1	100,0	93,95	97,0	97,0				
9	Развитие рыбохозяйственного комплекса	91,3	100,0	99,55	97,0	97,0				
10	Развитие внешнеэкономической деятельности	97,5	94,0	99,36	97,0	97,0				

Продолжение табл.

№ п/п	Наименование государственной программы Российской Федерации	Целевые показатели государственной программы		Степень реализации контрольных мероприятий государственной программы		Степень эффективности	
		Степень достижения	Целевые показатели государственной программы	Степень реализации	Контрольных мероприятий государственной программы	Уровень касового исполнения расходов бюджета	Степень
11	Социальная поддержка граждан	92,8	100,0	100,0	97,48	96,8	
12	«Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг.	96,1	90,9	90,9	97,65	94,9	
13	Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности	88,1	96,4	96,4	99,90	94,8	
14	«Доступная среда» на 2011–2020 гг.	97,8	86,0	86,0	99,53	94,4	
15	Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков	94,6	89,2	89,2	97,56	93,8	
16	Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности	86,6	93,4	93,4	99,94	93,3	
17	Воспроизводство и использование природных ресурсов	96,5	83,3	83,3	99,85	93,2	
18	Экономическое развитие и инновационная экономика	94,1	85,4	85,4	99,28	92,9	
Эффективность реализации ниже среднего уровня							
19	Содействие занятости населения	94,1	87,0	87,0	95,20	92,1	
20	Противодействие незаконному обороту наркотиков	98,5	76,2	76,2	100,00	91,6	
21	Развитие транспортной системы	87,0	88,8	88,8	98,15	91,3	
22	Управление федеральным имуществом	87,6	90,0	90,0	95,28	91,0	
23	Энергоэффективность и развитие энергетики	86,9	92,3	92,3	93,92	91,0	

Высокую эффективность реализации за 2014 г. достигли только 5 государственных программ, выше среднего уровня – 13, ниже среднего уровня – 6, удовлетворительная – 6 и низкое качество отчетов – 2.

Оценка эффективности бюджетных расходов и достигнутые показатели сравниваются с плановыми значениями, что, на наш взгляд, является необходимым, но не достаточным условием эффективности государственных программ. Оценка эффективности должна быть проведена не только на сравнение установленных и фактически достигнутых показателей и затраченных средств – в основу должен быть положен анализ полноты и качества социально-экономических эффектов, степени удовлетворенности предоставляемых обществом услуг.

В 2014 г., согласно данным Счетной палаты Российской Федерации, всего по 46 федеральным целевым программам из 817 целевых индикаторов и показателей, предусмотренных к выполнению, в полном объеме достигнут 581 целевой индикатор и показатель (71,1%), 170 – достигнуты не в полном объеме (20,8%), 50 – не выполнены полностью (6,1%), по 16 индикаторам (1,9%) сведения об уровне выполнения не представлены¹⁴.

В 2015 г. в рамках исполнения поручения Президента и Парламента Счетная палата РФ провела комплексный анализ всех утвержденных государственных программ. Проверка показала, что пока программы не могут рассматриваться как полноценный бюджетный инструмент. Действующий механизм формирования государственных программ не соответствовал задаче перехода на программный принцип планирования и исполнения бюджета.

Президент Российской Федерации дал поручение Правительству проанализировать эффективность применения действующего механизма разработки, реализации и оценки эффективности программ и внести изменения в нормативные правовые акты, предусматривающие уточнение концептуальных подходов к формированию госпрограмм¹⁵.

В целях повышения качества и точности оценки макроэкономического эффекта при реализации государственных программ Минэкономразвития России планирует активизировать работу по следующим направлениям¹⁶:

¹⁴ Материалы Счетной палаты Российской Федерации к совещанию на тему: «О состоянии контрольно-аналитической работы в Российской Федерации и роли органов финансового контроля в обеспечении стабильности государства». <http://audit.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/>.

¹⁵ http://audit.gov.ru/structure/golikova-tatyana-alekseevna/speeches/21836/?sphrase_id1923.

¹⁶ Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2015 года. <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/7ee48537-af1e-47fc-8a7f3fd1da8bb76e/%D>.

- совершенствование нормативной методологической базы, направленное на поиск и внедрение методов оценки, позволяющих анализировать макроэкономический эффект в совокупности подходов со стороны спроса и предложения;
- развитие модельного инструментария, включая разработку и внедрение моделей всеобщего равновесия и комплексных много-секторных моделей;
- включение в государственные программы блока показателей, характеризующих их импортозамещающий потенциал и инновационность.

Отсутствие оценки социально-экономической эффективности государственных программ приводит к тому, что государство ежегодно теряет миллиарды рублей валового общественного продукта и соответственно недополучает значительные суммы доходов в бюджет.

При разработке государственных программ органы власти должны руководствоваться не только макроэкономическими критериями национальной социально-экономической эффективности, но также критериями отрасли и субъекта Федерации – на мезоуровне, при обязательном достижении коммерческих критериев частных инвесторов – на микроуровне (о чем мы уже подробно писали, например, см. [1]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Звягинцев П.С. Государственные программы как фактор инновационного развития и импортозамещения в России // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 6. С. 44–55.

P.S. ZVYAGINTSEV

PhD in economics, leading research fellow, of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
petrz@bk.ru

STATE AND FEDERAL TARGET PROGRAMS AND THEIR ECONOMIC EFFICIENCY

The article discusses the state program of the Russian Federation and their purpose. Data on the number of the state and target programs, and also amounts of budgetary appropriations on their implementation for a row of years are provided. Legal acts and their analysis on an economic evaluation of efficiency of state programs are provided. Analyzing these efficiency evaluations of implementation of state programs of the Russian Federation in 2014, the author states about absence in state programs of criteria of cost and social efficiency. Shortcomings of assessment of economic efficiency of state programs are listed and several offers are made.

Keywords: *state programs, expenses of the federal budget, economic and social efficiency, indicators.*

JEL: H50, H73.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Г.Р. ОГАНЕСЯН
младший научный сотрудник Института экономики РАН

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ВАЛЮТНОГО КУРСА С КЛЮЧЕВЫМИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ В РОССИИ

Тема валютного курса имеет особую важность в наше время, так как обменный курс оказывает влияние и на внутренний, и на внешний секторы экономики страны. Также обменный курс в определенной степени является индикатором доверия к политике властей. В статье рассматриваются теоретические модели динамики валютного курса и взаимосвязи между валютным курсом рубля и ключевыми макроэкономическими показателями в России. Автор, используя статистический и эконометрический анализ, пришел к выводу, что на динамику валютного курса в России оказывали влияние цены на нефть, динамика промышленного производства, тогда как динамика самого валютного курса влияла на экспорт (через цены на нефть), импорт и чистый экспорт.

Ключевые слова: валютный курс, модели валютного курса, цена на нефть, промышленное производство, экспорт, импорт, корреляция, тест Гранжера, линейная регрессия.

JEL: E17, E19, E52, F31.

Изучение динамики валютного курса рубля особенно актуально в последние годы из-за возросших внешних шоков для российской экономики. Нестабильность ситуации на Украине, в том числе на юго-востоке страны, ситуация вокруг Крыма, экономические санкции против России, значительный отток капитала из страны, снижение цен на нефть привели к резкому обесценению курса рубля в конце 2014 – начале 2015 г. Проблемы, связанные с динамикой валютного курса, также актуальны для России в связи с тем, что Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) несколько лет осуществлял политику перехода к плавающему валютному курсу путем уменьшения прямого вмешательства в процесс курсообразования. В ноябре 2014 г. произошел формальный переход к режиму свободного плавающего валютного курса. ЦБ РФ намерен продолжать политику, направленную на обеспечение устойчивости рубля, создавая условия для адапта-

ции субъектов российской экономики к работе в режиме плавающего валютного курса, при этом не препятствуя формированию рыночных тенденций курса валюты.

Теоретические модели валютного курса

Проблематике взаимосвязи валютного курса с другими экономическими показателями посвящено много теоретических и эмпирических работ. Одними из самых распространенных теорий и моделей обменного курса являются: концепция паритета покупательной способности и паритета процентных ставок, модель Манделла-Флеминга, монетарная модель с гибкими ценами, модели балансировки портфеля, «жестких цен» Дорнбуша, Обстфельда и Рогоффа, которые и легли в основу эмпирических исследований в данной работе.

Эти модели помогают понять основные взаимосвязи динамики валютного курса с динамикой экономических показателей. Согласно моделям IS-LM-VP и Манделла-Флеминга, эффекты от монетарной или фискальной политики зависят от режима валютного курса в стране. В соответствии с кривой IS, чистый экспорт (NX) является убывающей функцией от реального валютного курса, поэтому при росте курса национальной валюты происходит вытеснение чистого экспорта и сокращение выпуска в экономике [4, с. 228–240].

На основе концепции паритета покупательной способности можно сделать выводы об отрицательном влиянии увеличения относительного уровня цен на курс национальной валюты. Взаимосвязь между валютным курсом и процентными ставками основывается на паритете процентных ставок, в соответствии с которым при росте внутренних процентных ставок инвестиционная привлекательность страны возрастает, что приводит к укреплению национальной валюты [2].

Так как в рассмотренных выше моделях используются теории ППС и процентного паритета, то в них анализируется и соответствующее воздействие динамики относительного уровня цен и процентных ставок на изменения в валютном курсе. Также в данных моделях валютного курса рассматривается влияние и других макроэкономических показателей на курс валюты. Например, согласно монетарной модели, валютный курс зависит в том числе и от денежной массы и выпуска. В моделях Дорнбуша и Обстфельда-Рогоффа рассматривается влияние шоков на курс валюты в долгосрочной и краткосрочной перспективах. В модели Дорнбуша предполагается, что в краткосрочном периоде цены жесткие, а в долгосрочном – гибкие [5]. На основе использования данной модели делается вывод, что изменение в предложении денег должно привести к пропорциональному изменению уровня цен и обменного курса в долгосрочной перспективе. Но в краткосрочном периоде уровень цен

фиксирован и номинальный валютный курс может отклониться от своего долгосрочного равновесия. То есть любой шок в изменении объема денежной массы вызовет изменения валютного курса, которые в краткосрочной перспективе будут больше, чем в долгосрочной. В модели Обстфельда-Рогоффа показана зависимость валютного курса от относительного предложения денег и относительного потребления в национальной и иностранной экономиках [8].

Таким образом, анализ моделей обменного курса, выявление теоретических взаимосвязей курса валюты с макроэкономическими показателями являются важными для понимания механизмов воздействия курса рубля на российские экономические показатели и, наоборот, воздействия определенных факторов на курс национальной валюты России, а также для объяснения эмпирических результатов полученных взаимосвязей.

Оценка взаимодействия валютного курса и экономических показателей в России

Для анализа динамики обменного курса рубля в работе была рассмотрена взаимосвязь темпов прироста номинального валютного курса рубля к доллару США и темпов прироста экономических показателей, которые были выбраны, исходя из положений экономической теории и возможных внешних и внутренних макроэкономических факторов, связанных с динамикой курса, а именно:

- цена на нефть (внешний фактор);
- денежная база, денежная масса, в широком и национальном определении (на основе монетарной теории);
- валютные интервенции, международные валютные резервы (регулирование со стороны ЦБ);
- долгосрочная, краткосрочная и мгновенная процентные ставки (на основе паритета процентных ставок, портфельной теории);
- инфляция (на основе концепции ППС);
- промышленное производство, инвестиции в основной капитал (на основе модели IS-LM-VP, модели Манделла–Флеминга);
- кредиты, депозиты и прочие размещенные средства (на основе монетарной модели, влияние долларизации);
- экспорт, импорт, чистый экспорт (на основе модели IS-LM-VP, модели Манделла–Флеминга).

Для анализа использовались помесечные данные с 2003 по 2014 г., для валютных интервенций – с августа 2009 г. по декабрь 2014 г. Все значения переменных представлены в темпах прироста в соответствующем месяце по отношению к соответствующему месяцу предшествующего года.

В ходе исследования автором были проведены корреляционный анализ с проверкой значимости коэффициентов корреляции, тест Гранжера на наличие причинно-следственной связи, построены линейные модели регрессии.

Сначала был проведен корреляционный анализ между динамикой валютного курса и других экономических индикаторов. В соответствии с таблицей коэффициентов корреляции (см. табл. 1) за

Таблица 1

Коэффициенты корреляции и значимость коэффициентов корреляции между динамикой валютного курса и других экономических показателей

Показатели	Корреляция	$T_{набл}$	$T_{кр}$
Цена на нефть (Brent) спот (oil_p)	0,706	11,871	1,977
Денежная база (monetary_base)	0,601	8,953	1,977
Широкая денежная масса (M3)	0,641	9,944	1,977
Денежная масса в национальном определении (M2)	0,776	14,683	1,977
Валютные интервенции (int)	0,141	1,138	1,997
Долгосрочная процентная ставка (long_run_int_r)	-0,624	-9,527	1,977
Краткосрочная процентная ставка (short_run_int_r)	-0,491	-6,711	1,977
Мгновенная процентная ставка (immediate_int_r)	-0,644	-10,019	1,977
Инфляция (месяц к соответствующему месяцу предыдущего года, %) (inflation)	0,027	0,325	1,977
Промышленное производство (industrial_production)	0,737	12,994	1,977
Инвестиции в основной капитал (investment)	0,699	11,648	1,977
Кредиты, депозиты и прочие размещенные средства (credits_deposits)	0,299	3,734	1,977
Изменение международных резервов (reserves)	-0,039	-0,465	1,977
Экспорт товаров (export)	0,806	16,226	1,977
Импорт товаров (import)	0,842	18,599	1,977
Сальдо торгового баланса (чистый экспорт) (NX)	0,561	8,076	1,977

Источник: рассчитано автором по данным: Банк России. <http://www.cbr.ru>; Росстат. <http://www.gks.ru>; Организация экономического сотрудничества и развития (OECD). <http://stats.oecd.org>; Управление Энергетической Информации США (U.S. Energy Information Administration). <http://www.eia.gov>.

последние годы в Российской Федерации наибольшая взаимосвязь наблюдалась у динамики валютного курса с такими макроэкономическими показателями, как экспорт и импорт товаров, денежная масса в национальном определении, промышленное производство и цены на нефть. Из всей совокупности показателей только коэффициенты корреляции между обменным курсом и валютными интервенциями, инфляцией и валютными резервами не являлись значимыми¹. Низкий коэффициент корреляции между темпами прироста курса рубля и валютных интервенций можно объяснить очень большим объемом валютных интервенций за 2014 г. по сравнению с предыдущим годом, что повлияло на темпы прироста этого показателя. При этом взаимосвязь между обменным курсом и валютными резервами обратная, так как накопление резервов приводит к сокращению и номинального, и реального курсов национальной валюты по сравнению с равновесным курсом, поскольку рост цен на неторгуемые товары отстает от номинального обесценения валюты [3].

Причинами ослабления связи между уровнем цен и обменным курсом в разные периоды времени могли быть:

- общая макроэкономическая стабилизация, сокращение инфляционных ожиданий и улучшение контроля за ними со стороны денежных властей [7];
- увеличение конкуренции на потребительских рынках вследствие различных институциональных преобразований;
- общее падение темпа инфляции в стране [9];
- сокращение волатильности номинального курса валюты (например, 2010–2013 гг.) [5], [14].

На основе теста Гранжера (на 5%-ном уровне значимости, с лагом в 1 месяц) можно сделать вывод, что за рассматриваемый период возможными показателями, влияющими на динамику валютного курса в России, являлись цены на нефть, краткосрочная процентная ставка, промышленное производство, в то время как темпы прироста обменного курса влияли в большей степени на денежную массу в националь-

¹ Проверка на значимость проводилась на основе проверки гипотезы $H_0: \rho=0$ по t -критерию Стьюдента. Если гипотеза отвергается с вероятностью ошибки α , то коэффициент корреляции является значимым. В этом случае $T_{набл}$ по модулю больше, чем $T_{кр}$, определяемое по таблице t -распределения для заданного α и $\nu = n-l-2$ (в данном исследовании $\alpha = 0,05$).

$$T_{набл} = \frac{r\sqrt{(n-l-2)}}{\sqrt{(1-r^2)}},$$

где: r – это коэффициент корреляции, l – порядок частного коэффициента корреляции (в данном примере $l = 0$, т.к. рассматривается парная корреляция), n – количество наблюдений (См.: Мхитарян В.С., Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Эконометрика. М.: ЕАОИ, 2008. С. 10).

ном определении, кредиты, депозиты и прочие размещенные средства, экспорт и импорт товаров, сальдо торгового баланса². Именно эти показатели использовались для дальнейшего регрессионного анализа.

Для эконометрического анализа использовались модель множественной регрессии (оценка факторов, влияющих на валютный курс) и парные модели регрессии (оценка влияния курса национальной валюты).

Модель множественной линейной регрессии представлена в следующем виде [1, с. 121–179]:

$$Y_i = \theta_0 + \theta_1 X_i^{(1)} + \dots + \theta_n X_i^{(n)} + \varepsilon_i$$

где: Y – зависимая переменная; X – объясняющие переменные; ε_i – случайный регрессионный остаток; $i = 1, 2, \dots, 144$.

В данном примере уравнение модели имеет следующий вид:

$$ex_r_i = \theta_0 + \theta_1 oil_p_i + \theta_2 short_run_int_r_i + \theta_3 industrial_production_i + \varepsilon_i$$

где: ex_r – зависимая переменная; а oil_p , $short_run_int_r$, $industrial_production$ – объясняющие переменные; ε_i – случайный регрессионный остаток; $i = 1, 2, \dots, 144$.

Модель исследуется на временном промежутке с 2003 по 2014 г., объем выборки равен 144 наблюдениям.

Результаты расчетов в программе *Eviews* приведены в Приложении 2.

Модель значима, так как *Prob(F-statistic)* меньше 0,05 (см. табл. 2). Также в модели произведена коррекция стандартных ошибок в форме Невье–Веста.

Таблица 2

Результаты оценки влияния темпов прироста цены на нефть, краткосрочной процентной ставки и промышленного производства на темпы прироста валютного курса

	Coefficient	Std. Error	Prob
oil_p	0,128	0,039	0,000
short_run_int_r	-0,001	0,021	0,965
industrial_production	0,831	0,218	0,000
$R_2 = 0,646$			

В модели на уровне значимости $\alpha=0,05$ коэффициенты при темпах прироста цены на нефть и промышленного производства значимы

² Расчеты по тесту Гранжера приведены в Приложении 1.

и положительны, а при краткосрочной процентной ставке коэффициент незначим.

Если исключить из модели незначимый показатель – краткосрочную процентную ставку, то есть построить модель взаимосвязи валютного курса с ценой на нефть и промышленного производства:

$$ex_r_i = \theta_0 + \theta_1 oil_p_i + \theta_2 industrial_production_i + \varepsilon_i$$

где: ex_r – зависимая переменная; oil_p , $industrial_production$ – объясняющие переменные; ε_i – случайный регрессионный остаток, то получим модель, где все коэффициенты значимы на 5%-ном уровне значимости (см. табл. 3).

Таблица 3

Результаты оценки влияния темпов прироста цены на нефть и промышленного производства на темпы прироста валютного курса

	Coefficient	Std. Error	Prob
oil_p	0,128	0,039	0,000
industrial_production	0,835	0,218	0,000
$R_2 = 0,646$			

Таким образом, уравнение в полученной модели можно записать следующим образом:

$$ex_r_i = -6,199 + 0,128oil_p_i + 0,835industrial_production_i + \varepsilon_i$$

(1,093) (0,039) (0,218)

Коэффициент при показателе промышленного производства больше, чем коэффициент при показателе цены на нефть, что может означать большее влияние изменения темпов прироста валютного курса при изменении темпов прироста промышленного производства, чем при изменении темпов прироста цены на нефть.

Коэффициент детерминации R_2 в модели равен 0,646, что говорит о том, что примерно 65% общей вариации зависимой переменной (курса валюты) объясняется значениями объясняющих переменных (цены на нефть и промышленного производства).

Для оценки влияния темпов прироста денежной массы в национальном определении и, кредитов, депозитов и прочих размещенных средств в рублях и иностранной валюте, экспорта и импорта товаров, сальдо торгового баланса на темпы прироста номинального курса валюты (рубль по отношению к доллару США) рассмотрим следующие модели парной линейной регрессии:

$$M2_i = \theta_0 + \theta_1 ex_r_i + \varepsilon_i$$

$$credits_deposits_i = \theta_0 + \theta_1 ex_r_i + \varepsilon_i$$

$$export_i = \theta_0 + \theta_1 ex_r_i + \varepsilon_i$$

$$import_i = \theta_0 + \theta_1 ex_r_i + \varepsilon_i$$

$$NX_i = \theta_0 + \theta_1 ex_r_i + \varepsilon_i$$

где: $M2$, $credits_deposits$, $export$, $import$, NX – зависимые переменные; ex_r – объясняющая переменная; ε_i – случайный регрессионный остаток; $i = 1, 2, \dots, 144$.

Модели также исследуются на временном промежутке с 2003 по 2014 г., объем выборки во всех уравнениях равен 144 наблюдениям.

Результаты расчетов в *E views* приведены в Приложении 2.

Все модели являются значимыми, так как *Prob(F-statistic)* во всех моделях меньше 0,05 (см. табл. 4). Во всех моделях произведена коррекция стандартных ошибок в форме Невье-Веста.

Таблица 4

Результаты оценки влияния темпов прироста валютного курса на темпы прироста денежной массы в национальном определении, кредитов, депозитов и прочих размещенных средств, экспорта и импорта товаров, сальдо торгового баланса

	Coefficient	Std. Error	Prob	R2
ex_r (M2)	1,282	0,159	0,000	0,603
ex_r (credits_deposits)	0,499	0,257	0,054	0,089
ex_r (export)	2,023	0,235	0,000	0,649
ex_r (import)	1,908	0,203	0,000	0,709
ex_r (NX)	26478	0,541	0,000	0,315

На уровне значимости $\alpha = 0,05$ все коэффициенты являются значимыми кроме коэффициента при номинальном валютном курсе в модели зависимости прироста кредитов, депозитов и прочих размещенных средств и прироста курса рубля.

Во всех моделях, кроме моделей взаимосвязи валютного курса с кредитами, депозитами и прочими размещенными средствами и с чистым экспортом, – высокий коэффициент детерминации R^2 , что говорит о том, что достаточно большая часть вариации (60–70%) прироста таких экономических показателей, как денежная масса в национальном определении, экспорт и импорт товаров, объясняется значениями прироста валютного курса.

Уравнения в моделях записываются следующим образом:

$$\begin{aligned}
 M2_i &= 29,526 + 1,282ex_r_i + \varepsilon_i \\
 &\quad (1,839) \quad (0,159) \\
 export_i &= 19,016 + 2,023ex_r_i + \varepsilon_i \\
 &\quad (2,308) \quad (0,235) \\
 import_i &= 19,199 + 1,908ex_r_i + \varepsilon_i \\
 &\quad (1,904) \quad (0,203) \\
 NX_i &= 22,972 + 2,478ex_r_i + \varepsilon_i \\
 &\quad (5,863) \quad (0,541)
 \end{aligned}$$

Согласно анализу регрессионных моделей, на валютный курс в 2003–2014 гг. наибольшее влияние оказывали цены на нефть и промышленное производство, а динамика курса рубля в большей степени воздействовала на прирост экспорта, импорта и, как следствие, на сальдо торгового баланса.

Слабое влияние денежной массы на курс валюты можно объяснить выводом, полученным на основе модели Обстфельда-Рогоффа, согласно которому шоки предложения денег могут иметь более длительное (по сравнению с краткосрочным) воздействие на курс, то есть, возможно, влияние было более сильным в среднесрочной или долгосрочной перспективе [8].

Слабая отрицательная зависимость между процентными ставками и курсом валюты свидетельствует о том, что не выполняется процентный паритет, динамика процентных ставок не может в полной мере объяснить динамику обменного курса, возможно, есть общий шок, вызывающий рост курса рубля при падении процентной ставки, и наоборот.

Воздействие цен на нефть на валютный курс в российской экономике является очевидным, так как доля энергоносителей в экспорте России составила 62 % в 2015 г. и 68% в 2014 г.³ [13]. В соответствии с монетарной моделью изменение выпуска (или промышленного производства) оказывает эффект на валютный курс через спрос на деньги: при увеличении выпуска происходит рост спроса на деньги, что стимулирует спрос на отечественную валюту, укрепляя ее. Также повышение объемов промышленного производства должно благоприятно сказываться на состоянии экономики, что также ведет к укреплению национальной валюты.

Валютный курс оказывает существенное влияние на сферу торговли, а следовательно, на импорт и экспорт. Следует отметить, что положительный знак коэффициента перед экспортом в уравнениях парной регрессии можно объяснить тем, что влияние на экспорт про-

³ Рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы. <http://xn--q1abf.xn--p1ai/index.php>.

исходит через цены на нефть (между ценой на нефть и объемом экспорта наблюдается очень высокий коэффициент корреляции – 89%).

На основе проделанного анализа взаимосвязи темпов прироста номинального валютного курса рубля к доллару США и выбранных на основе теоретических подходов макроэкономических показателей можно сделать следующие выводы:

- в соответствии с корреляционным анализом за последние годы наибольшая взаимосвязь наблюдалась у динамики валютного курса с такими макроэкономическими показателями, как экспорт и импорт товаров, денежная масса в национальном определении, промышленное производство и цены на нефть. Также была проверена значимость коэффициентов корреляции. Выяснилось, что все проверяемые коэффициенты корреляции являются значимыми, кроме коэффициента корреляции между валютным курсом и инфляцией, валютными интервенциями и валютными резервами.
- судя по результатам теста Гранжера, на 5%-ном уровне значимости, изменения цен на нефть, краткосрочной процентной ставки, промышленного производства являются причиной, по Гранжеру, изменений в динамике валютного курса, в то время как темпы прироста обменного курса являлись причиной, по Гранжеру, колебаний денежной массы в национальном определении, кредитов, депозитов и прочих размещенных средств, экспорта и импорта товаров, сальдо торгового баланса.
- согласно линейному регрессионному анализу, на динамику курса рубля в 2003–2014 гг. влияли динамика цен на нефть и промышленного производства, а динамика курса рубля в большей степени воздействовала на прирост экспорта, импорта и, как следствие, на сальдо торгового баланса. При этом зависимость экспорта и чистого экспорта от валютного курса положительная, что может объясняться отсутствием прямого влияния между показателями (и на динамику валютного курса, и на динамику экспорта положительно влияли цены на нефть).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Тест Гранжера на причинно-следственную связь между темпами прироста номинального валютного курса к доллару США и экономическими показателями в России

Null Hypothesis	Obs	F-Statistic	Probability
OIL_P does not Granger Cause EX_R	143	4.66800	0.03243
EX_R does not Granger Cause OIL_P		0.84700	0.35898
MONETARY_BASE does not Granger Cause EX_R	143	3.6E-08	0.99985
EX_R does not Granger Cause MONETARY_BASE		2.25789	0.13519
M2 does not Granger Cause EX_R	143	0.10410	0.74745
EX_R does not Granger Cause M2		6.13050	0.01448
M3 does not Granger Cause EX_R	143	2.02542	0.15691
EX_R does not Granger Cause M3		2.82436	0.09507
LONG_RUN_INT_R does not Granger Cause EX_R	143	4.61113	0.03349
EX_R does not Granger Cause LONG_RUN_INT_R		6.27378	0.01340
SHORT_RUN_INT_R does not Granger Cause EX_R	143	22.8518	4.4E-06
EX_R does not Granger Cause SHORT_RUN_INT_R		0.20010	0.65533
IMMEDIATE_INT_R does not Granger Cause EX_R	143	8.6E-05	0.99262
EX_R does not Granger Cause IMMEDIATE_INT_R		0.86521	0.35389
INFLATION does not Granger Cause EX_R	143	0.25782	0.61242
EX_R does not Granger Cause INFLATION		0.63071	0.42844
INDUSTRIAL_PRODUCTION does not Granger Cause EX_R	143	4.65863	0.03260
EX_R does not Granger Cause INDUSTRIAL_PRODUCTION		0.58525	0.44555
INVESTMENT does not Granger Cause EX_R	143	0.44237	NA
EX_R does not Granger Cause INVESTMENT		19.6245	1.9E-05
TRADE_TURNOVER does not Granger Cause EX_R	143	0.63760	NA
EX_R does not Granger Cause TRADE_TURNOVER		0.25188	0.61654
CREDITS_DEPOSITS does not Granger Cause EX_R	143	0.15135	0.50707
EX_R does not Granger Cause CREDITS_DEPOSITS		20.2026	1.4E-05
RESERVES does not Granger Cause EX_R	143	2.70638	0.42593
EX_R does not Granger Cause RESERVES		2.60844	0.10855
EXPORT does not Granger Cause EX_R	143	0.05056	0.69784
EX_R does not Granger Cause EXPORT		12.2675	0.00062
IMPORT does not Granger Cause EX_R	143	0.58142	0.10219
EX_R does not Granger Cause IMPORT		23.0051	4.1E-06
NX does not Granger Cause EX_R	143	0.01185	0.82242
EX_R does not Granger Cause NX		5.73016	0.01800

Pairwise Granger Causality Tests			
Sample: 2009:08 2014:12			
Lags: 1			
Null Hypothesis:	Obs	F-Statistic	Probability
INT does not Granger Cause EX_R	64	0.16916	0.84479
EX_R does not Granger Cause INT		1.18677	0.31251

Приложение 2

Модели линейной регрессии

Dependent Variable: EX_R				
Method: Least Squares				
Sample: 2003:01 2014:12				
Included observations: 144				
Newey-West HAC Standard Errors & Covariance (lag truncation=4)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	-6.199663	1.092772	-5.673334	0.0000
OIL_P	0.128449	0.041740	3.077360	0.0025
INDUSTRIAL_PRODUCTION	0.834985	0.175098	4.768668	0.0000
R-squared	0.645956	Mean dependent var		-0.975761
Adjusted R-squared	0.640934	S.D. dependent var		10.29213
S.E. of regression	6.167259	Akaike info criterion		6.496999
Sum squared resid	5362.947	Schwarz criterion		6.558871
Log likelihood	-464.7840	F-statistic		128.6278
Durbin-Watson stat	0.403644	Prob(F-statistic)		0.000000

Dependent Variable: M2				
Method: Least Squares				
Sample: 2003:01 2014:12				
Included observations: 144				
Newey-West HAC Standard Errors & Covariance (lag truncation=4)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	29.52631	1.838888	16.05661	0.0000
EX_R	1.281723	0.158848	8.068870	0.0000
R-squared	0.602893	Mean dependent var		28.27566
Adjusted R-squared	0.600096	S.D. dependent var		16.98945
S.E. of regression	10.74378	Akaike info criterion		7.600322
Sum squared resid	16390.88	Schwarz criterion		7.641569
Log likelihood	-545.2232	F-statistic		215.5860
Durbin-Watson stat	0.168750	Prob(F-statistic)		0.000000

Dependent Variable: CREDITS_DEPOSITS				
Method: Least Squares				
Sample: 2003:01 2014:12				
Included observations: 144				
Newey-West HAC Standard Errors & Covariance (lag truncation=4)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	32.38378	3.108069	10.41926	0.0000
EX_R	0.499993	0.257332	1.942987	0.0540
R-squared	0.089654	Mean dependent var		31.89590
Adjusted R-squared	0.083243	S.D. dependent var		17.18634
S.E. of regression	16.45547	Akaike info criterion		8.452985
Sum squared resid	38451.12	Schwarz criterion		8.494232
Log likelihood	-606.6149	F-statistic		13.98471
Durbin-Watson stat	0.053380	Prob(F-statistic)		0.000267

Dependent Variable: EXPORT				
Method: Least Squares				
Sample: 2003:01 2014:12				
Included observations: 144				
Newey-West HAC Standard Errors & Covariance (lag truncation=4)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	19.01636	2.308157	8.238763	0.0000
EX_R	2.022918	0.235218	8.600183	0.0000
R-squared	0.649155	Mean dependent var		17.04248
Adjusted R-squared	0.646684	S.D. dependent var		25.84100
S.E. of regression	15.35999	Akaike info criterion		8.315200
Sum squared resid	33501.94	Schwarz criterion		8.356448
Log likelihood	-596.6944	F-statistic		262.7371
Durbin-Watson stat	0.552577	Prob(F-statistic)		0.000000

Dependent Variable: IMPORT				
Method: Least Squares				
Sample: 2003:01 2014:12				
Included observations: 144				
Newey-West HAC Standard Errors & Covariance (lag truncation=4)				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	19.19922	1.904082	10.08319	0.0000
EX_R	1.908457	0.203081	9.397523	0.0000
R-squared	0.709215	Mean dependent var		17.33702
Adjusted R-squared	0.707168	S.D. dependent var		23.32375
S.E. of regression	12.62141	Akaike info criterion		7.922458
Sum squared resid	22620.60	Schwarz criterion		7.963705
Log likelihood	-568.4170	F-statistic		346.3341
Durbin-Watson stat	0.521112	Prob(F-statistic)		0.000000

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян С.А. Методы эконометрики: учебник. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010.
2. Гурвич Е.Т., Соколов В.Н., Улюкаев А.В. Анализ связи между курсовой политикой ЦБ и процентными ставками: непокрытый и покрытый паритет // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2.
3. Полтерович В.М., Попов В.В. Последняя надежда // Эксперт. 2002. № 48.
4. Шагас Н.Л., Туманова Е.А. Макроэкономика-2: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2006.
5. Campa J.M., Goldberg L.S. Exchange Rate Pass-through into Import Price: A Micro or Macro Phenomenon? // NBER Working Papers. 2002. № 8934.
6. Dornbusch R. (1979). Expectations and Exchange Rate Dynamics // Journal of Political Economy. 84. 1161–76.
7. Mishkin F S. Exchange Rate Pass-through and Monetary Policy: Speech delivered at the Norges Bank Conference on Monetary Policy. Oslo, Norway. March 7. 2008.
8. Obstfeld M., Rogoff K. (1995) Exchange Rate Dynamics Redux// The Journal of Political Economy. Vol. 103. No. 3.
9. Taylor J. Low Inflation, Pass-through and the Pricing Power of Firms // European Economic Review. 2000. Vol. 44. № 7.

G.R. OGANESIAN

Research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

gaya.oganesian@gmail.com

ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN EXCHANGE RATE AND KEY MACROECONOMIC INDICATORS IN RUSSIA

The theme of exchange rate is important nowadays because the currency rate influences on the internal and the external sectors of the economy, also it can be an indicator of the confidence in the authorities' policy. The paper is devoted to theoretical models of exchange rate dynamics and the research of the interconnections between ruble and key macroeconomic indicators in Russia on the basis of statistical and econometrical analysis. The author has come to a conclusion that the dynamics of the exchange rate in Russia was influenced by oil prices, industrial production, while the dynamics of the exchange rate depends on exports (through oil prices), imports and net exports.

Keywords: exchange rate, exchange rate models, oil price, industrial production, export, import, correlation, Granger test, liner regression.

JEL: E17, E19, E52, F31.

А.И. ВОЛЫНСКИЙ

младший научный сотрудник Института экономики РАН

М.С. КРУГЛОВА

младший научный сотрудник Института экономики РАН

ПОКАЗАТЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ СТАТИСТИКИ КНР И СРВ

В статье рассматриваются национальные системы статистики Китайской Народной Республики и Социалистической Республики Вьетнам с точки зрения показателей воспроизводства основных фондов на макроуровне. Исследуется возможность изучения экономики обоих государств с позиций теории воспроизводства Маркса, а также характерные особенности их статистических систем. Исследование позволило сделать вывод о доминировании в обеих странах модели «государства как инвестора».

Ключевые слова: КНР, СРВ, воспроизводство основных фондов, национальная статистика, теория воспроизводства, марксизм, инвестиции.

JEL: P51, E11.

Теория воспроизводства и статистика воспроизводства основных фондов

Вышедший в апреле 2016 г. доклад Международного валютного фонда о перспективах развития мировой экономики на ближайший период имеет подзаголовок «Слишком долгий период слишком медленного роста» [11]. Авторы доклада отмечают, что темпы экономического роста глобальной экономики за 2015 г. оказались хуже прогнозов. Оптимизма по поводу грядущих показателей эксперты МВФ не испытывают.

Затянувшийся период восстановления экономики после кризиса 2008–2009 гг. не может не вызывать дискуссий о поиске новой актуальной модели экономического роста как на уровне общественного и политического осмысления, так и в среде ученых-экономистов. Относительный рост экономики Китая побуждает многих говорить

о закате эры вашингтонского консенсуса и начале периода т.н. пекинского консенсуса¹. Вместе с тем в научной среде активизируются дискуссии о новых способах понимания экономики, в рамках которых можно наблюдать ренессанс прежних идей и теорий, например, марксистской теории воспроизводства [14].

Основная ее особенность, в отличие от популярных сегодня монетаристских теорий экономического мейнстрима, – внимание к процессам движения и накопления капитала, а также к «фундаментальным вопросам поддержания стабильности и устойчивости социально-экономической макросистемы» [7, с. 41].

Как отмечает А.С. Нешиной, теория Маркса описывает «условия пропорционального развития» для экономики и нуждается в дополнительном осмыслении [12, с. 91]. Экономический «мейнстрим признает Маркса только в качестве персонажа учебников истории экономической мысли» [1, с. 75], а его теория воспроизводства оказывается вытесненной за пределы научного дискурса. «Такое положение дел, – пишет В.И. Маевский, – нельзя признать удовлетворительным». И далее: «через процессы воспроизводства осуществляется экономический рост. Соответственно, абстрагирование от этих процессов не может не наносить ущерб развитию экономической науки и практики» [8, с. 8]².

Анализ воспроизводственных процессов должен опираться на соответствующие данные. Насколько полно они представлены в современной статистике? Позволяют ли они судить о том, в каком режиме протекает этот процесс? Поэтому цель данной работы была определена следующим образом. Изучив статистические системы Китая и Вьетнама в части генерации показателей воспроизводства основных фондов, сделать первый шаг к использованию теории воспроизводства применительно к анализу экономик двух стран. С одной стороны, такой подход важен для формирования представлений о собственно статистических системах и понимания пределов возможностей экономического исследования. С другой стороны, необходимо понимать, что национальная система статистики – это зеркало состояния национальной экономики не только в плане конкретных статистических

¹ Прежде всего следует упомянуть работу Дж. Купера Рамо «The Beijing Consensus» [16], в которой был впервые выдвинут тезис о наличии особой «модели развития» КНР, получившей имя «пекинского консенсуса» в противовес «вашингтонскому». См. также [13].

² В.И. Маевский является автором множества работ, развивающих теорию воспроизводства на современном этапе. Стоит упомянуть вышедшую в соавторстве с С.Ю. Малковым монографию «Новый взгляд на теорию воспроизводства» [8] и написанную в соавторстве с А.А. Рубинштейном статью «Фрагменты теории переключающегося воспроизводства и ее апробация на статистике США» [9].

данных, но также и в контексте рассчитываемых категорий статистики. Структура статистической информации сама по себе дает представление о структуре управления экономикой страны.

Почему именно Китай и Вьетнам?

Выбор Китая и Вьетнама в качестве объектов исследования не случаен. Оба этих азиатских государства за последние десятилетия демонстрировали впечатляющие темпы экономического роста. При этом проводимые ими экономические реформы схожи. Общим для Китая и для Вьетнама является то, что в рамках де-факто однопартийной политической системы коммунистическая партия проводит реформы, основным содержанием которых стало постепенное и контролируемое внедрение механизмов рыночной экономики при сохранении централизованного характера экономической системы и элементов централизованного планирования³.

Наибольший интерес представляет феномен «китайского экономического чуда». Как отмечается в докладе МВФ, Китай, став крупнейшей экономикой мира, играет важную роль в мировой экономике. Положение дел в Китае оказывает влияние на глобальную экономику, в частности, на рынки развивающихся стран [11, с. 13]. Само по себе это не может не вызывать интереса научного сообщества к Китаю. В фокусе внимания оказывается проблема соотношения господствующей в Китае марксистско-ленинской идеологии и проводимых правительством рыночных реформ, соотношения капитализма («цзы») и социализма («шэ»), по-прежнему декларируемого правящей партией в качестве основы государственного и общественного развития [3], [4], [5], [6].

По мнению одного из наиболее авторитетных российских вьетнамоведов В.М. Мазырина, Вьетнам идет по схожему с Китаем пути совмещения «капиталистического экономического базиса и нерыночной политической надстройки» [10, с. 20]. Рассматривая доктринально-идеологическую основу реформ, он отмечает, что если в Китае модель формулируется как «социалистическая рыночная экономика», то вьетнамские идеологи стоят на позициях развития «рыночной экономики с ориентацией на социализм» [10, с. 25].

Учитывая политическую и идеологическую составляющую реформ, опыт исследования «китайского экономического чуда» и схожего с ним феномена вьетнамских экономических реформ может быть интересен тем, что долгое время китайская и вьетнамская экономическая наука развивалась в парадигме марксистской экономической тео-

³ Напомним, что в обеих странах сохранена практика пятилетних планов развития.

рии, в том числе и теории воспроизводства Маркса. Например, в статье «Теория китайской индустриализации как вклад в теорию воспроизводства Маркса» китайский автор утверждает, что китайская теория индустриализации на теоретическом и практическом уровнях расширила сферу применения теории воспроизводства Маркса [14, с. 104].

Статистика воспроизводства основных фондов в мире, в Китае и во Вьетнаме

На макроэкономическом уровне важнейшим является показатель валового накопления основного капитала (ВНОК), или Gross fixed capital formation (GFCF). Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD) определяет ВНОК как показатель, рассчитываемый по годовым темпам прироста в миллионах долларов США в текущих ценах и ППС показатель приобретенных и созданных производителем активов за вычетом выбытия основных средств производства. Учитываются только те активы, которые возникли в результате производственного процесса⁴. Показатель ВНОК дается в том числе и в разбивке по секторам: проценты от общего показателя ВНОК для домохозяйств, корпоративного и государственного секторов.

Следующим связанным показателем являются инвестиции в активы (Investment by asset). OECD понимает под этим вложения в такие типы активов, как здания, оборудование, культивация биологических ресурсов (разведение домашнего скота), интеллектуальная собственность (в том числе разведка месторождений, ПО, создание художественных произведений)⁵. В 2008 г. объем активов в системе национальных счетов (СНС) был расширен за счет включения инвестиций в НИОКР и системы вооружения.

Отдельный интерес представляют внутренние валовые расходы на НИОКР, которые «составляют в дальнейшем технологическую основу развития реального сектора» [6, с. 234]. В сумму расходов на НИОКР входят текущие и капитальные расходы со стороны всех компаний-резидентов, НИИ, университетов, государственных лабораторий.

Подготовкой и выработкой национальных статистических данных по Китаю занимается Национальное бюро статистики Китая, выпускающее ежегодный сборник основных статистических показателей

⁴ Gross fixed capital formation (GFCF) // Organisation for Economic Co-operation and Development. <https://data.oecd.org/gdp/investment-gfcf.htm> (дата обращения: 04.07.16).

⁵ Investment by asset // Organisation for Economic Co-operation and Development. <https://data.oecd.org/gdp/investment-by-asset.htm> (дата обращения: 04.07.16).

Китая – «China statistical yearbook»⁶. Во Вьетнаме за выпуск ежегодного статистического сборника отвечает Главное статистическое управление («Statistical Yearbook of Vietnam» – Niên giám thống kê)⁷.

В обеих системах статистической отчетности содержатся данные по ВНОК. Однако если в китайской статистике данные даются в разбивке по регионам соответственно административно-территориальному делению КНР, то во вьетнамской статистике содержится лишь комплексный показатель. В обоих случаях показатель ВНОК дается в разделе национальных счетов. Однако, если в статистике КНР показатель ВНОК дается внутри показателя валового накопления капитала (Gross Capital Formation) вместе с показателем затрат на изменение товарно-материальных запасов, то в статистике СРВ ВНОК составляет часть показателя ВВП по категориям расходов (Gross domestic product by expenditure category). В этом плане статистическая система СРВ ближе к системе статистики РФ, где ВНОК содержится в данных по элементам использования ВВП⁸.

Рассмотрим также структуру подачи данных по инвестиционной активности. Работая с базами данных статистик КНР и СРВ, а также РФ, нельзя не заметить разницы в структуре подачи информации. Если в системах двух азиатских государств данные по инвестициям даются в рамках отдельной категории «Инвестиции в основной капитал» в статистике КНР и «Инвестиции и строительство» в СРВ, то в статистике РФ данные по инвестициям располагаются внутри более крупной категории «Предпринимательство».

Структура подачи информации по инвестициям в статистических системах всех трех государств крайне подробна и раскрывает богатый пласт данных по множеству показателей. Для сравнения всех трех систем национальной статистики в части раскрытия данных по инвестициям мы выбрали два показателя – инвестиции по формам собственности и по источникам финансирования. Система статистики КНР содержит данные об инвестициях по типам зарегистрированной собственности в составе показателя общего объема инвестиций в основной капитал – в целом по стране, по типу зарегистрированной собственности и по регионам (Total Investment in Fixed Assets in the Whole Country by Status of Registration and Region). Выделяются следующие типы зарегистрированной собственности: государственная,

⁶ China statistical yearbook 2015. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm> (дата обращения: 04.07.16).

⁷ General statistics office of Vietnam. https://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=776 (дата обращения: 04.07.16).

⁸ Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ (дата обращения: 18.07.16).

коллективная, кооперативная, совместные предприятия, ООО, долевое участие, частная собственность, индивидуальное предпринимательство. Также публикуются данные по инвестициям фондов Макао, Гонконга и Тайваня и иностранных фондов.

Статистика СРВ выделяет в соответствующем показателе государственный и негосударственный секторы и сектор иностранных инвестиций. Кроме того, данные по видам зарегистрированной собственности можно найти в составе показателя национальных счетов в категории валового внутреннего продукта в текущих ценах по видам собственности (Gross domestic product at current prices by types of ownership). Выделяются государственная собственность, негосударственная, коллективная, частная, домовладения, сектор иностранных инвестиций, налоги за вычетом субсидий на производство. В статистике инвестиций такое разделение не указывается.

Российская статистика в показателе «Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по формам собственности» выделяет следующие виды: государственная собственность (отдельно федеральная и собственность субъектов РФ), муниципальная, частная, смешанная российская собственность (без иностранного участия), собственность потребительской кооперации, общественных и религиозных организаций, собственность государственных корпораций, иностранная собственность, совместная российская и иностранная собственность.

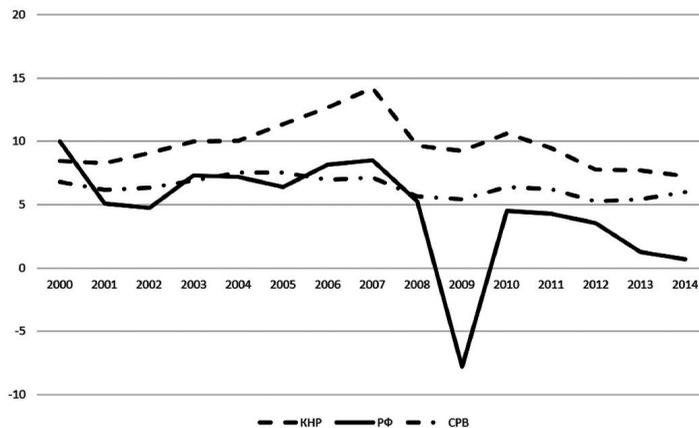
Перейдем далее к показателю источников финансирования. Статистика КНР выделяет здесь средства государственного бюджета, внутренние займы, иностранные инвестиции, самостоятельно привлеченные средства. В статистике СРВ данные по источникам инвестиций содержатся только внутри показателя государственных инвестиций по источникам инвестиций: средства государственного бюджета, кредиты и займы, средства государственных компаний. Наиболее дробна в части раскрытия данных по источникам инвестиций российская статистика. В ней выделяются следующие виды: собственные средства, привлеченные средства, в т.ч. кредиты банков, кредиты иностранных банков, бюджетные средства (отдельно федерального бюджета и субъектов федерации), средства местных бюджетов, внебюджетных фондов, организаций и населения на долевое строительство, средства вышестоящих организаций, средства от выпуска корпоративных облигаций, от эмиссии акций.

В статистике СРВ данные по источникам инвестиций содержатся только внутри показателя по государственным инвестициям. Это отличительная особенность статистической системы СРВ в части генерации данных по инвестициям. Если в статистиках КНР и РФ данные по государственным и иностранным инвестициям даются внутри комплексных показателей, то статистическая система СРВ четко разделяет данные по государственным и иностранным инвестициям. Поясним

на примере. Вьетнамская статистика в качестве отдельной категории выделяет показатель государственных инвестиций по видам экономической деятельности. В статистике РФ данные по инвестициям по видам экономической деятельности раскрываются безотносительно к формам регистрации собственности и источникам инвестиций. В свою очередь статистика Китая раскрывает данные по инвестициям по видам экономической деятельности и типам регистрации собственности исключительно в общем показателе, где, помимо государственной, выделяются коллективная и частная собственность.

Воспроизводство основных фондов – как это выглядит на практике?

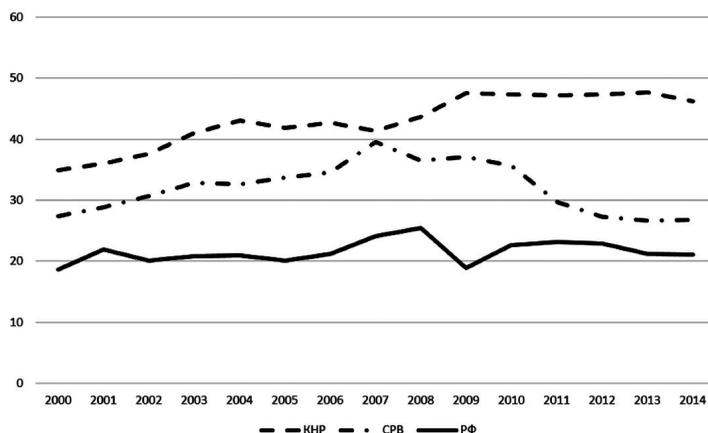
Для выявления связи между российской, китайской и вьетнамской экономической моделью нами было проведено сопоставление по показателям процентной доли ВНОК от ВВП и процентной доли государства в инвестициях. Также было проведено сопоставление по общему индикатору динамики роста ВВП за период с 2000 по 2014 гг.

Источник: World Bank, база данных. <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTR.KD.ZG?view=chart> (дата обращения: 18.07.16.)

Рис. 1. Темпы роста ВВП в КНР, СРВ и РФ.

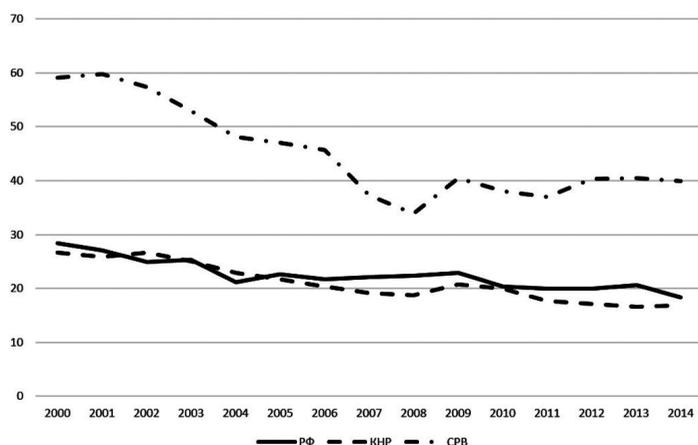
На рис. 1 видно, что Китай и Вьетнам демонстрируют в целом схожую динамику темпов роста ВВП. Россия несколько отличается. Бросается в глаза гораздо более интенсивный провал в 2009 г. КНР и СРВ продемонстрировали падение темпов, но остались в плюсе, тогда как РФ ушла в минус. И далее в 2012–2014 гг. мы видим, что КНР удалось стабилизировать темпы роста, СРВ показала рост, тогда как РФ демонстрирует падение темпов роста.

Источник: World Bank, база данных. <http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.ZS?view=chart> (дата обращения: 18.07.16).

Рис. 2. Доля ВНОК в КНР, СРВ и РФ (в % от ВВП).

Анализируя рис. 2, мы можем увидеть, что по доле ВНОК, в процентах от ВВП, Россия отстает как от КНР, так и от СРВ. Интересно, что в 2009 г. процент доли ВНОК от ВВП в России резко упал в сравнении с 2008 г., тогда как в СРВ процент немного вырос, а в КНР вырос значительно. И хотя в СРВ этот показатель в 2010–2014 гг. снижался, его величина тем не менее превышала российские показатели за эти же годы.

Источники: China statistical yearbook 2014. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm> (дата обращения: 19.07.16); General statistics office of Vietnam. https://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=776 (дата обращения: 19.07.16); Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/ (дата обращения: 19.07.16).

Рис. 3. Доля государства в инвестициях в КНР, СРВ и РФ (%).

Судя по данным о процентной доле государства в инвестициях (см. рис. 3), существует значительный отрыв Вьетнама от России и Китая. Процентная доля государства в общем числе инвестиций во Вьетнаме выше аналогичных в России и Китае практически в два раза. При этом динамика для всех трех государств в некоторые периоды идентична. Начиная с 2001 г. вплоть до 2008 г. наблюдается тенденция к снижению процента государства в общем объеме инвестиций. В России этот процент медленно возрастал начиная с 2006 г. В Китае и Вьетнаме рост наблюдался только в посткризисном 2009 г. Нарастывая объем государственных инвестиций в 2009 г. правительства Китая и Вьетнама обеспечили определенный рост расходов на ВНОК. В России же происходил спад расходов на ВНОК в 2009 г., и наблюдалась отрицательная динамика темпов роста ВВП. Напрашивается вывод о том, что для поддержания положительной динамики роста ВВП недостаточно денежных вливаний в экономику со стороны государства, необходимо повышение расходов на ВНОК.

Итак, нами было проведено сравнительное исследование по отражению показателей воспроизводственных процессов в национальных статистических системах КНР и СРВ, отчасти РФ. В качестве главного был выбран показатель валового накопления основного капитала (ВНОК), или *Gross fixed capital formation (GFCF)*. В качестве дополнительных показателей были взяты статистические данные по инвестициям для трех стран. Проведенный анализ показал, что между тремя статистическими системами в части генерации и представления выбранных индикаторов есть как сходства, так и различия, впрочем, не позволяющие говорить об их существенных противоречиях. Основное сходство состоит в том, что во всех трех странах содержится богатый пласт данных по государственным инвестициям. Представленность этих данных в национальных статистических системах может служить дополнительным аргументом в пользу того, что в них доминирует институциональная модель «государство как инвестор» в противовес модели «государство как регулятор» [6, с. 15]. В рамках этой модели государство видит себя в роли ведущего инвестиционного актора внутри страны. Такое единство может объясняться институциональным сходством экономических, общественных и государственных систем трех стран и во многом схожими (особенно в XX в.) историческими судьбами.

На волне кризисных явлений 2008–2009 гг. все три страны прибегли к наращиванию государственных инвестиций. Однако если в Китае и Вьетнаме темпы роста удалось удержать в пределах положительных значений, то экономика России в 2009 г. продемонстрировала отрицательный рост. Одной из причин этого является тот факт, что Китай и Вьетнам в 2009 г. повысили долю валового накопления основного капитала в ВВП, а в России в 2009 г. этот показатель снизился.

Наконец, нельзя не видеть связи между темпами экономического роста и принятыми стратегиями управления процессом воспроизводства на национальном уровне. В КНР и СРВ, где показатели роста ВВП превышают российские, стабильно выше и показатели доли валового накопления основного капитала в ВВП. Если принять во внимание сходство институциональных моделей финансирования реального сектора в России, Китае и Вьетнаме, имеет смысл, на наш взгляд, обратить внимание на политику наращивания доли накопления в ВВП как одного из источников повышения экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьин О.* Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9.
2. *Гельбрас В.Г.* 30 лет реформ открытости КНР // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 109–117.
3. *Дерябина М.А., Кирдина С.Г.* Китай в условиях мирового кризиса // Вестник ИЭ РАН. 2010. № 3. С. 7–29.
4. *Дерябина М., Кирдина С., Кондрашова Л.* Китай: новая траектория реформ // Мир перемен. 2010. № 3. С. 114–129.
5. *Карпов М.В.* Замкнутый круг «Китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
6. *Кирдина С.Г.* Институциональные модели финансирования реального сектора. // Журнал НЭА. 2013. № 2 (18). С. 128–154.
7. *Лукша П.О.* Самовоспроизводство в эволюционной экономике. СПб.: Алетей. 2009.
8. *Маевский В.И., Малков С.Ю.* Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: Инфра-М, 2013.
9. *Маевский В.И., Рубинштейн А.А.* Фрагменты теории переключающегося воспроизводства и ее апробация на статистике США // Вестник ИЭ РАН. 2016. № 3. С. 106–125.
10. *Мазырин В.М.* Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.). М.: ИД «Форум», 2013.
11. Международный Валютный Фонд. Перспективы развития мировой экономики: слишком долгий период слишком медленного роста. Вашингтон, апрель 2016.
12. *Нешитой А.С.* Императив смены курса экономического развития (воспроизводственный аспект) // Вестник ИЭ РАН. 2016. № 2. С. 88–99.
13. *Рахман Г.* Пекинский консенсус идет на смену вашингтонскому // интернет-портал газеты Ведомости. 2010. <https://www.vedomosti>.

ru/opinion/articles/2010/04/26/pekinkskij-konsensus-idet-na-smenu-vashingtonskomu (дата обращения: 04.07.16)

14. Ван Иу. Теория китайской индустриализации как вклад в теорию воспроизводства Маркса // Педагогический университет Хайнаня: серия общественные науки, классификация теоретическая экономика. 1997. № 1. С. 98–104 (на китайском языке).
15. Kirdina S., Vernikov A. Institutional models in banking and investment: a comparative analysis of China and Russia. In: Chinese Path in the International Perspective. Beijing: Renmin University of China. 2015. P. 48–57.
16. Ramo J.C. The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre. 2004.

A.I. VOLYNSKII

junior researcher in the Institute of economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ava3003@hotmail.com

M.S. KRUGLOVA

junior researcher in the Institute of economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mashakruglova999@gmail.com

FIXED ASSETS REPRODUCTION INDICATORS IN THE NATIONAL STATISTICS SYSTEMS OF PRC AND SRV

This article is an attempt to study the national statistical systems of the People's Republic of China (PRC) and the Socialist Republic of Vietnam (SRV) in the field they generate the fixed assets reproduction data. This study was aimed, on the one hand, consider the theoretical possibility of studying phenomena of the economies of both countries in terms of Marx's theory of reproduction, and, on the other, to trace the characteristics of the statistical systems of both countries in order to make the following conclusions about China and Vietnam economic models. The study led to the conclusion that the model of "state as an investor" is dominating in both countries

Keywords: *China, Vietnam, the reproduction of fixed assets, the national statistics, the theory of reproduction, Marxism, investments.*

JEL: P51, E11.

А.М. ГАНЕЕВ
научный сотрудник Института экономики РАН

АНАЛИЗ ДИСФУНКЦИЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ РОССИИ

В статье рассматривается текущее состояние сферы здравоохранения в Российской Федерации. Анализируются проблемы и особенности финансирования системы здравоохранения в условиях сокращения бюджетных ассигнований.

Ключевые слова: система здравоохранения, финансирование системы здравоохранения, государственно-частное партнерство.

JEL: I11, I13, I18.

Россия по состоянию системы здравоохранения заняла последнее место в международном рейтинге, составленном агентством Bloomberg, – из 55 стран с населением более пяти миллионов человек наша страна заняла 55-ое место¹.

При этом, учитывая сложившиеся в настоящее время внешнеполитические и экономические условия и проводив политику сокращения государственных расходов с целью достижения сбалансированности бюджета, правительство Российской Федерации в ближайшие годы планирует сократить финансирование системы здравоохранения, расходы на которое по сравнению с 2011 г., в реальном выражении уменьшатся на 32%². Такое значительное снижение государственных затрат на социальную сферу, в т.ч. и на здравоохранение, неизбежно приведет к падению уровня жизни и ухудшению здоровья россиян в связи с недоступностью услуг здравоохранения для огромной части населения России.

Российская Федерация уже сейчас затрачивает государственных средств на здравоохранение значительно меньше, чем развитые страны. Так, в 2012 г. на здравоохранение было израсходовано – 3,7% ВВП страны, в 2013 г. – 3,5%³, в 2014 г. – 3,5 %, а в США в 2013 г. – 8,1% ВВП, в Германии

¹ Сайт Интерфакса. <http://www.interfax.ru/world/530433>.

² Сайт журнала «Эксперт». <http://expert.ru/expert/2015/45/na-olenej-hvataet>.

³ Здравоохранение в России. 2015 М.: Росстат, 2015. С. 159.

в 2012 г. – 8,6% ВВП, в Нидерландах в 2012 г. – 9,9% ВВП. Даже Украина израсходовала в 2014 г. больше, чем Россия, – 3,6% ВВП⁴.

Счетной палатой Российской Федерации была проведена проверка, которая выявила резкое снижение объемов финансирования территориальных программ, осуществляемых за счет консолидированного бюджета регионов, по сравнению с 2014 г. В 2014 г. дефицит финансовых средств был выявлен в 59 регионах в размере 102 млрд руб., а в 2015 г. – в 62 регионах в размере 127 млрд руб. 9 субъектов Российской Федерации на 2015 г. приняли территориальные программы с дефицитом средств обязательного медицинского страхования в общем объеме 4,93 млрд руб. из-за неисполнения обязательств регионов по финансированию медпомощи, оказываемой сверх базовой программы ОМС⁵.

С 2014 г. под видом оптимизации проходит масштабная реформа системы здравоохранения. Из 952 медицинских учреждений за 2014–2018 гг. планируется закрыть 41 медицинскую организацию, преобразовать в филиалы 911 медицинских учреждений. В 2014 г. было реформировано 359 медицинских учреждений, из них было закрыто 26, а 330 перестали быть самостоятельными. В процессе реформирования до конца 2018 г. будут ликвидированы еще 15 медицинских учреждений и реорганизовано 581. С 1 января 2014 г. до конца 2018 г. число больничных учреждений планируется сократить на 11,2%, амбулаторно-поликлинических организаций – на 7,2%. Также с целью оптимизации до 2018 г. намечается ликвидировать фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты, частично заменив их офисами врачей общей практики. При этом в России 17,5 тыс. населенных пунктов вообще не имеют медицинской инфраструктуры, из них более 11 тыс. находятся на расстоянии свыше 20 км от ближайшего медицинского учреждения, где есть доктор. 879 малых населенных пунктов не прикреплены ни к одному фельдшерско-акушерскому пункту или к офису врачей общей практики⁶.

Такая масштабная оптимизация сферы здравоохранения приведет к снижению доступности услуг здравоохранения для всех слоев населения страны, а в ряде случаев – к их полной недоступности.

Демографическая ситуация в Российской Федерации также нуждается в особом внимании и вмешательстве государства. С 1992 г. по 2012 г. происходило сокращение общей численности населения, которое в период 2000–2010 гг. достигало порядка 700 тыс. человек в год.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Сайт Счетной палаты. http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297.

⁶ Там же.

При этом показатель естественного прироста населения в 2012 г. составлял 4,2 тыс. человек⁷.

С каждым годом проблема старения населения и снижения доли граждан, находящихся в трудоспособном возрасте, становится все крупнее. Число лиц старше трудоспособного возраста постоянно растет – с 27621 тыс. человек в 1990 г., что составляло 18,7% от всего населения, до 35986 тыс. человек в 2016 г., или 24,5% (см. табл.).

Угрожающе растет заболеваемость населения Российской Федерации. В 1990 г. было выявлено 158,3 млн случаев⁸ заболеваний населения, в 2000 г. – 191,3 млн случаев⁹, а в 2014 г. – уже 235 млн случаев¹⁰, т.е. с 1990 г. по 2014 г. их количество увеличилось на 48%.

Снижение объемов финансирования государством системы здравоохранения и снижение качества жизни населения, безусловно, ведут к падению средней продолжительности жизни. Так, в начале 90-х XX в. годов резкое ухудшение уровня жизни населения повлекло за собой сокращение продолжительности жизни на 5 лет. С 1997 по 1999 гг., после кризиса 1998 г., в условиях сокращения финансирования системы здравоохранения (в % от ВВП – с 3,7% в 1997 г. до 2,6% в 1999 г.), средняя продолжительность жизни населения сократилась на 1,84 года. Увеличение показателя средней продолжительности жизни в 2005–2007 гг. было связано с повышением государственных расходов на здравоохранение в целом – с 3,2% ВВП в 2005 г. до 3,5% ВВП в 2007 г.¹¹

Финансирование российской системы здравоохранения, несмотря на сложную экономическую ситуацию, сложившуюся в нашей стране в настоящее время, необходимо сохранить хотя бы на текущем уровне, так как дальнейшее снижение объемов финансовых поступлений скажется крайне негативно на показателях здоровья и качества жизни населения Российской Федерации, что, в свою очередь, приведет к снижению производительности труда и отрицательно повлияет на развитие экономики России в целом.

Тем не менее в ближайшие годы правительство Российской Федерации планирует и далее сокращать государственные расходы на здравоохранение и передает обязанности по его финансированию Федеральному фонду обязательного медицинского страхования и на региональный уровень. Однако бюджеты ФФОМС и субъектов Российской Федерации не имеют достаточных средств для обеспечения необходи-

⁷ Сайт Росстата. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.

⁸ Здравоохранение в России. Стат.сб. М.: Госкомстат., 2001. С. 56.

⁹ Здравоохранение в России. 2011. М.: Росстат., 2011. С. 21.

¹⁰ Здравоохранение в России. 2015. М.: Росстат., 2015. С. 29.

¹¹ Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г.

Таблица

Распределение населения России по возрастным группам (на 1 января)

	1990	1996	2002	2006	2008	2010	2012	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Все население	147665	148292	145649	143236	142748	142833	143056	143667	146267	146545
Из общей численности – население в возрасте (тыс. чел.):										
моложе трудоспособного	36101	33615	27274	23671	22842	23086	23568	24717	25689	26360
трудоспособном	83943	84540	88515	90157	89745	88561	87055	85162	85415	84199
старше трудоспособного	27621	30137	29860	29408	30161	31186	32433	33788	35163	35986
Из общей численности – население в возрасте (в %):										
моложе трудоспособного	24,45	22,7	18,7	16,53	16	16,2	16,5	17,2	17,6	18
трудоспособном	56,85	57	60,8	62,94	62,9	62	60,8	59,3	58,4	57,5
старше трудоспособного	18,7	20,3	20,5	20,53	21,1	21,8	22,7	23,5	24	24,5

Рассчитано автором по статистическим сборникам: Росстат. М. 2012. С. 81.; Росстат. М. 2013. С. 82.; Росстат. М. 2014. С. 72.; Здравоохранение в России. 2015 / Росстат. М., 2015. С. 18. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population-demography.

мого уровня финансирования сферы здравоохранения, что повлечет за собой повышение расходов частных домохозяйств на медицинские услуги, которые и так с 2000 г. по 2014 г. существенно увеличились – с 143 руб. на человека¹² до 2529,5 руб.¹³. Тенденция перехода к частной (рыночной) системе здравоохранения, подразумевающей преобладание частного финансирования здравоохранения над государственным, на наш взгляд, вызывает опасения, поскольку со снижением государственных расходов и роли государства в регулировании данной сферы снижается уровень доступности медицинских услуг для слоев населения с низкими доходами.

Стабильно высокий уровень государственных затрат на здравоохранение сохраняется в большинстве развитых стран, а в США, даже при рыночной системе здравоохранения, уровень государственного финансирования составляет 8,1% ВВП в 2013 г. В последние годы в США активно обсуждается создание всеобщей государственной системы медицинского страхования.

Доля граждан старше и моложе трудоспособного возраста, а также устойчивое повышение уровня заболеваемости указывают на то, что система здравоохранения России не справляется в должной мере с задачей предоставления качественных и доступных медицинских услуг. Также в ближайшей перспективе правительство столкнется с проблемой снижения налоговых поступлений в бюджет в связи с уменьшением числа граждан, находящихся в трудоспособном возрасте.

В условиях существующего дефицита государственного бюджета и планируемого сокращения государственных расходов сферы здравоохранения необходим поиск и привлечение новых источников финансирования.

На наш взгляд, в современных условиях наиболее многообещающим направлением в решении проблемы недостатка финансирования сферы здравоохранения является создание благоприятных условий и возможностей для выгодного и эффективного взаимодействия государства и бизнеса. Государство привлекает ресурсы и инвестиции частного партнера в те проекты, которые оно не в состоянии реализовать на данный момент самостоятельно, сохраняя контрольные функции за собой. Частный партнер извлекает прибыль в процессе осуществления проектов, а общество получает доступ к высококачественным медицинским услугам. Также важно отметить, что «распределение задач и ответственности между государством и частным сектором зависит от сферы реализации проекта. Чем большее общественное значение имеет услуга, тем ниже рыночные риски, связанные с ее ока-

¹² Здравоохранение в России. 2011. М.: Росстат., 2011. С. 262.

¹³ Здравоохранение в России. 2015. М.: Росстат., 2015. С. 173.

занием, и тем выше потребности в государственном регулировании»[3, с. 126]. Для государства формы и механизмы государственно-частного партнерства могут обеспечить «не только регулярное, устойчивое по годам поступление доходов в бюджет, но и повышение эффективности использования государственной собственности»[2, с. 13].

ГЧП представляет собой механизм гармоничного и эффективного развития экономики, гарантирующего защиту интересов людей, разрешая противоречия между обслуживанием общественных интересов и обеспечением прибыли при динамике развития, формируя культуру взаимодействия власти и бизнеса, позитивно влияя на социально-экономические отношения в России [4, с. 30].

На наш взгляд, сегодня в России наиболее перспективными и эффективными направлениями развития системы здравоохранения являются:

1. Увеличение государственных расходов в развитие системы здравоохранения и обновление материально-технической базы медицинских учреждений, в том числе за счет привлечения частных инвестиций;

2. Усовершенствование системы обязательного медицинского страхования;

3. Ускоренное внедрение механизмов государственно-частного партнерства в сферу здравоохранения;

4. Жесткий контроль за сохранением и повышением уровня доступности медицинских услуг для граждан России с низкими доходами;

5. Мониторинг и использование наиболее эффективных и инновационных форм и методов оказания медицинских услуг.

В ситуации нехватки государственного финансирования системы здравоохранения и острой необходимости в высококачественных и доступных для населения медицинских услугах государственно-частное партнерство предоставляет возможность для развития системы здравоохранения даже в сложившихся в настоящее время в РФ сложных экономических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганеев А.М. Финансирование здравоохранения: состояние и проблемы. // Вопросы экономики и права. 2013. № 63.
2. Зельднер А.Г. Ширяева Р.И. Приватизация в России: новый этап, неучтенный опыт и возможная альтернатива // Экономические науки. 2012. № 1.
3. Осипов В.С. Управление цепочкой ценности. М.: ИПКгосслужбы, 2011.
4. Халтурин Р.А. Развитие инфраструктуры и возможности государственно-частного партнерства // Экономические науки. 2012. № 5.

A.M. GANEEV

research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Azat.g@rambler.ru

AN ANALYSIS OF DYSFUNCTIONS OF THE RUSSIAN CONTROL SYSTEM FOR HEALTH CARE

The author considers current condition of health sector of the Russian Federation. The issues and the features of financing of a health system in the conditions of reducing budgetary appropriations are analyzed.

Keywords: *healthcare system, healthcare system financing, public-private partnership.*

JEL: 111, 113, 118.

Компьютерная верстка: Гришина М.Ф.

Подписано в печать 05.12.2016.
Формат 70×100/16. Объем 11 п.л. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Заказ № 10777

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
107140, г. Москва, пер. 1-й Красносельский, д. 3, оф. 17
+7 495 374 98 90; info@krpol.com

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-129-07-10, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2016